

ТАЙНА НОЧИ СВЕЧЕЙ

ЭЙВЕРИ ДЬЮК

Неспокойные времена наступают для Дэйлиналя. Приближается праздничная Ночь Свечей, а вместе с ней и решающий магический ритуал Верховной. Ропшут мирные мастера-артефакторы; жаждут справедливости, доведенные до черты двуликие; надеются сохранить равновесие богатые крылатые и ни за что не желают уступать власть могущественные прядильщики. Но не знают ни те, ни другие, что судьба уже давным-давно сделала свой рискованный выбор и поставила все, что имела на своенравных чужаков. Отныне светлое будущее королевства зависит от неуловимой воровки, безжалостного посла, рассудительного ловкача и их находчивости.

Пролог. За три сотни лет до описываемых событий

«Должно быть, со времен самого Стеклодува, вельдский венец не оказывался на более светлой и в то же время абсолютно не пригодной для правления городом голове», — безрадостно размышляла Верховная стекольщица, наблюдая за тем, как неотвратимо стекленеет радужный купол над ее затихшим и опустевшим домом.

— Мои поздравления, Грэйс! Вы одним махом переписали будущее немалого числа фэрримских королевств и вопреки всему сумели отвоевать Дэйлиналю немного зыбкого мира на ближайшие пару десятилетий, — с изумлением объявил грифалетский предсказатель, выложив последнюю истрепанную временем карту на плащ, прижатый камнями к земле. Из каких только мест грифалетцу не приходилось беспокоить всезнающих богов своими бесконечными расспросами о дне грядущем. Пожалуй, продуваемое всеми ветрами плато на безымянной горе в чужом, далеком королевстве еще не было худшим из них. А уж открывавшийся с него вид... Мало кому доводилось наблюдать за тем, как на глазах медленно исчезал целый город и все его жители. Одновременно величественное и мучительное зрелище. Впрочем, пугала, открывавшаяся с высоты птичьего полета невеселая картина, куда как меньше, нежели сидящая напротив хрупкая, обманчиво спокойная женщина.

— Придет день и прядильщики поплатятся за свое вероломство! Я заставлю их заплатить за каждый год, месяц и даже час, отданный на сдерживание Ловца в стенах Вельды, — мягко с невообразимой нежностью в голосе пообещала стекольщица, от чего у предсказателя перехватило дыхание. Такого неестественного проявления тихой ярости ему видеть еще не случалось. Верховная Грэйс по праву считалась одной из самых неоднозначных и непредсказуемых фигур в Совете Дэйлиналя, но ее время утекало, а она все не предпринимала никаких шагов... Хоть Грэйс и выиграла войну за королевство, однако город, всех его жителей и себя саму она проиграла.

— Надеюсь, теперь мне будет дозволено приподнять завесу Вашего гениального замысла, и я наконец пойму каким образом Вельда вновь окажется открытой? Вы ведь так и не смогли договориться с Сердцем города и теперь лишь вопрос времени, когда оно отыщет Вас и уведет вслед за остальными стекольщиками, — не скрывая раздражения, задал, мучавший его вопрос, предсказатель.

— Как я уже говорила, управлять Вельдой дано лишь тем, в чьих жилах течет кровь основателя...

— Но Вы последняя! Остальные отдали свои жизни в боях с войском Ловца живых чудес. Никого не осталось, потому-то проклятый король Вейнтеверо и не побоялся явиться в

Вельду, — нетерпеливо перебил грифалетец, напряженно высматривая, не появился ли кто неожиданный у подножья горы.

— Все так думают, — беспечно отозвалась Верховная Грэйс. — Вы, Ловец, Верховная Хильда и многие другие. Даже я сама долгое время считала себя последним осколком бывшего величия. Однако это не так! Как выяснилось, в нашем роду хватает и других — тех, кого вычеркнули или нарочно не вписали. До них Сердцу Вельды не достучаться, — с горькой усмешкой поделилась тайной Грэйс, вынимая из кармана пару продолговатых зеркал, скрепленных между собой кожаным корешком в тонкую, аккуратную книжицу.

— Но я ни разу не слышал о вельдских изгнанниках, ни об одном... Да и как можно доверять судьбу целого города тем, от кого все отвернулись? Какой в этом смысл?

— Вы никогда не задумывались почему во всей Вельде нет ни одного кладбища? Хоть мы и живем дольше многих, смерть нас все же находит и увлекает за собой, но ни могил, ни усыпальниц не остается, даже захудалого холмика с парой пожухлых цветков и того в городе не найти, — загадочно улыбаясь, увела разговор в сторону Грэйс. Все ее внимание по-прежнему сохранялось за старинной зеркальной книжицей. Закончив возиться с крохотными медными крючками, она осторожно поместила между зеркалами плотный, продолговатый конверт с крупным причудливым росчерком вместо адреса.

— У каждого народа свои обряды. В Грифалете покойных придают огню, в Шутте... Пойдите, неужели после смерти стекольщики так и не покидают город? Но в таком случае то, что происходит сейчас... Не лучше ли было поступиться сотней двуликих и не подвергать опасности собственный народ и город? — с жаром взялся за старое предсказатель, но тут же осекся, ощутив на себе тяжелый взгляд Грэйс. — Понимаю, вельдские стекольщики годами сражались бок о бок с двуликими Боривала, но разве это отменяет тот факт, что из-за них-то все и началось? Не будь в Дэйлинале такого огромного количества нелюдей...

— Они люди, самые настоящие люди, получше многих, хочу заметить! Умение принимать звериную форму — проявление магии, а не истинной сущности, как любят болтать завистники и невежды.

— Тогда почему даже в человеческом облике они неизменно смотрят на мир звериными глазами? — не сдавался предсказатель, с опаской наблюдая за тем, как Грэйс орудует коротким изогнутым кинжалом, шаг за шагом разрушая изящную стеклянную головоломку. Отложенная в сторону, зеркальная книжица вызывала массу вопросов, но предсказатель не решался озвучить их, понимая, что вряд ли получит прямой, честный ответ.

— Так вот оно что! А я все думала, почему же Вы решили налаживать отношения со стекольщиками, а не с прядильщиками, что выглядело более перспективным для Грифалета. Выходит, все дело в глазах. Ведь если Вас пугают взгляды двуликих, белоглазые прядильщики должны просто ужасать, — повеселела Грэйс, уловив искреннее беспокойство в голосе чужестранца. Многие боялись двуликих, их мощи, скорости, силы духа, но мало кто понимал насколько те уязвимы в сравнении с прочими одаренными магией. Не будь за спинами боривальских двуликих вельдских стекольщиков, корабли вейнтов собирали бы куда более ощутимую жатву...

— Я прибыл в Дэйлиналь по поручению главного грифалетского предсказателя. Он предупредил, что среди всех народов, населяющих ваше королевство, стекольщики отличаются наибольшим здравомыслием и благородством, а еще...

— А еще старый интриган знал, что прядильщики предпочитают убивать каждого, кто посмел сунуть нос в их маленькие, грязные секреты и не желал рисковать талантливым

учеником. Но оставим это. К сожалению, наша беседа подходит к концу, а я не успела ответить на Ваш вопрос о целесообразности доверия тем, кого закрытие Вельды не коснется, — без объяснений вручив ларец с испорченной головоломкой предсказателю, с усилием продолжила говорить Грэйс. Становилось все заметнее, как тяжело ей дается каждое слово и сколько усилий приходится прилагать, чтобы удерживать в непослушных пальцах зеркальную книжицу с письмом.

— Вы уходите... — еле слышно прошептал предсказатель, подмечая первые признаки остекленения.

— Верно, я уйду, но не стоит беспокоиться. Как только Вельда заберет мою магию, и я стану неотъемлемой частью стеклянного города, на миг в моей власти окажется все, чем владеет Сердце. Я смогу воспользоваться неподвластным мне даром зеркальной магии и отправлю это письмо, — чуть поведя кистями, начала объяснять Грэйс. — Как Вы уже могли догадаться, далеко не все представители моего славного рода, объявленные погибшими в бою, сложили головы во благо королевству. Кое-кому пришлось удалиться по менее героическим причинам... Это письмо — не мольба о помощи и не призыв к спасению родного города, а самый что ни на есть обыкновенный шантаж, и он непременно подействует, если не на прямого адресата, то на его потомков. Сколько не перекладывай ответственность, кому-нибудь обязательно придется решить эту проблему, уж я об этом позаботилась... Ну вот и все, магии почти не осталось. На прощание попрошу лишь о двух вещах — увезите ключ как можно дальше и отправьте Верховной Хильде мое хрустальное ожерелье. Можете даже приписать от себя расплывчатое, зловещее предсказание и сообщить в конце, что я обо всем знала. Так она потеряет покой и поостережется трогать Ваше королевство...

— Пойдите, о каком ключе речь? — забеспокоился предсказатель, заглянув в ларец и не найдя никакого ключа.

Хрустнуло раздавленное зеркало. Верховная успела отправить последнее, самое важное в ее жизни письмо, и с чистой совестью откликнулась на чарующий зов Сердца Вельды. Теперь от нее уже ничего не зависело, но она верила в правоту каждого из принятых ею решений.

Глава 1. Загадочный господин

Отправиться на поиски тишины и покоя в квартал «Пропитых медяков» в городе двуликих — людей, способных с легкостью менять свой человеческий облик на звериный, мог лишь безумец или абсолютно глухой. Надеяться обрести душевное равновесие на улице «Битых козырей» — бедняк, терзаемый опасной мыслью разбогатеть, однажды рискнув ночью за карточным столом «Любимчика Судьбы». Но как охарактеризовать съемщика, избравшего пыльный, затянутый паутиной чердак, если он желал получить тишину, покой, душевное равновесие, горячий ужин и, уж совсем невероятное — ненавязчивость хозяина дома, учитывая врожденную склонность того к болтливости?

Доведись Полосатому папаше, как все его здесь называют, одному из самых неудачливых арендодателей в квартале «Пропитых медяков», уже и не рассчитывавшему найти дурака, готового так бездарно распрощаться с денежками, выписывать газеты, приносили бы их по адресу: г-н Грэнго Сибидир, ул. «Битых козырей», д. 6, г. Боривал. Но старик не выписывал газет в свой печально известный дом под шестым номером, в котором за последние годы произошло столько же бед, сколько во всех остальных домах на этой не самой спокойной улице.

Нужно отметить, что новый обитатель чердака, покидавший дом всего раз за целую неделю, не был безумцем или бедным искателем легких денег. В этом любопытный старик успел убедиться, с трудом собрав крохи сведений, больше смахивавших на сказки и, побеседовав с незнакомцем лично. Разговор вышел коротким и не достаточно содержательным, но бдительность старика притупилась как-то сама-собой.

По слухам, странный жилец был северянином. В пользу этого предположения свидетельствовали его разноцветные глаза и светлые волосы, слишком заметные и необычные для здешних мест. Такой же приметной шевелюрой, как у него, во всем Боривале могли похвастаться лишь хозяин таверны «Хитрая рыба», его сын и два внука, считавшиеся коренными жителями по праву столетнего владения землей в центре Старого города, но не по рождению.

Не менее популярными были и другие сплетни, противоречащие версии северного происхождения. «Знающие» двуликие подозревали в чужаке шуттанского шпиона или на худой конец валарданца, ведущего незаконные делишки в соседнем королевстве Шутта. Отдаленное сходство незнакомца с уважаемым семейством белых медведей, отличающихся суровостью нравов и кристальной честностью, не могло рассеять подозрений сплетников. Это не мешало им отстаивать свое мнение, опираясь на более мелкие, но не менее приметные детали и факты.

Снежный господин, как его стали называть к тому времени, однажды имел неосторожность принести свой сюртук в прачечную на улице «Полезных дел» и попросить Мэрри Корендир поскорее свести масляное пятно с левого кармана. Прачка с радостью взялась за сложную задачу, проявив поразительную для ее склочного характера учтивость и податливость. Ей даже не пришлось в голову попросить прибавку к оплате за срочность!

Но не успел еще затихнуть колокольчик, потревоженный закрывшейся за посетителем дверью, как госпожа бобр кинулась созывать тайный клуб, состоявший из пяти уважаемых соседей и одной несносной особы, пробиравшейся на собрания без приглашения.

Не прошло и двадцати минут, как докучливые клиенты были выставлены за двери, а члены совета, закрыв свои лавки на все замки, прибыли в дом бобров полным составом и разместились вокруг чайного столика, на котором уже лежал виновник переполоха — темно-зеленый плащ, украшенный серебряными пуговицами с витиеватой чеканкой. Чужак внес в бланк заказа незнакомое слово — «сюртук», что только добавляло подозрительности уже и без того взбудораженным искателям тайн.

Первым собирался высказаться господин портной, двуликий дикобраз Итан Иглис, ему вежливо уступал слово господин антиквар, барсук Арчи Полскинс, прибывший чуть раньше. Остальные собравшиеся ждали их предположений и внимательно наблюдали за тем, как Мэрри разливает душистый чай по пузатым чашкам. Без этой обязательной церемонии не обходилось ни одно собрание клуба.

Но учтивость, как всегда, проиграла, потому что в дверях уже показалась маленькая хозяйка лавки «Важные мелочи», двулика куница Салли Шмыгинс — знаменитая сплетница, разбиравшаяся, по ее собственному мнению, во всем — от политики всего Дэйлиналя, до разумных цен на пресную воду на острове Валардан. Такая широкая осведомленность всячески подвергалась сомнениям боривальской общественностью, за то все сходились во мнениях, что именно она является главным знатоком двадцати трех основных способов приготовления дичи. Последнего у зубастой интриганки было не отнять, как и поразительной проницательности.

Хоть Мэрри и «забыла» пригласить Салли, та все равно явилась помочь, даже не затаив обиды за столь вопиющую невнимательность соседки.

Не медля ни секунды, куница подтянула к столику еще одно кресло, слегка растолкав не желавших сдавать позиций, портного и библиотекаря и взяла дело в свои маленькие, цепкие ручки. А точнее сказать, взялась ощупывать плащ, выискивая потайные карманы и вытряхивая остатки их содержимого на заботливо подставленный господином Буквисом поднос.

Закончив с предварительным осмотром, Салли передала аптекарю, двуликому волку Оуэну Иллису, мелкие листочки засушенного растения, а библиотекарю, оленю Аллену Буквису, потертую страницу, испещренную непонятными письменами. Самостоятельно определить содержание или хотя бы язык чужестранных закорючек Салли так и не смогла. Сам же сюртук перекочевал к портному, антиквару и хозяйке прачечной, им надлежало выжать как можно больше из ткани и необычного фасона.

— И так, начнем 153 собрание тайного клуба хранителей спокойствия города Боривала, — торжественно объявила Шмыгинс и звякнула ложечкой о бок чайника, когда первые чашки чая были допиты, а члены совета начали ерзать в креслах, и нетерпеливо поглядывать на Мэрри, только что вернувшуюся из прачечной, расположенной на первом этаже. Получив предварительное единодушное согласие совета, она в спешном порядке выполнила заказ чужака. Члены тайного клуба решили проявить хитрость и постараться заполучить больше вещей Снежного господина — одного сюртука было слишком мало для их грандиозных планов по блистательному разоблачению.

Услышав из уст шустрой Салли слова, знаменующие открытие собрания, которые традиционно произносила сама Мэрри, хозяйка дома решила перехватить инициативу пока не поздно. Она собралась с мыслями, подавила разгоравшееся желание треснуть нахалку подносом и приступила к докладу.

— Масляное пятно на левом кармане сюртука выдало преступную тайну нашего скрытного господина, — возвестила она заговорщическим шёпотом и тут же представила доказательства, предъявив тонкую полоску промокательной бумаги. Без обоснований в тайном клубе нельзя было отстаивать даже самые очевидные факты.

— Масло попало на карман не с внешней стороны, как могло произойти с любым другим честным двуликим, испачкавшимся масляной лампой, а с внутренней!

— Что-то я не понимаю... Какое отношение сторона пятна имеет к честности двуликих? — стал горячиться антиквар Полскинс. Его собственные карманы не раз служили поводом для недовольства госпожи Тилли Полскинс. Всему виной была удивительная рассеянность барсука, рассовывавшего по карманам в минуты задумчивости все, что только можно. Он в тайне стыдился своего маленького порока и не хотел, чтобы тот разрастался до целой преступности, как выходило из доводов Мэрри Корендир.

— Все очень просто, — вмешался библиотекарь, осененный страшной догадкой. — Снежный господин ворует книги!

В ответ на это нелепое предположение раздались несколько единодушных хмыканий и многозначительное «М-да» от куницы Салли.

— Согласна, ворует, — будничным тоном подтвердила Шмыгинс, порадовав оленя, но тут же добавила: — Только не бесполезные книги, которые только и можно, что пустить на растопку, а что посущественнее, например, государственные тайны с целью перепродажи соседним государствам!

— Особенно Шутте, — мстительно подчеркнул портной Иглис.

Ему уже давно не давали покоя шуттанские жилеты, пробившие дыру в его и без того не слишком крепком бюджете. Дикобраз был готов на все, лишь бы очернить заморских купцов, приплывших с целью продажи новомодной одежды в Дэйлиналь и потопивших авторитет местных портных, следующих заветам старых портновских школ.

— Какой ужас! Все еще хуже, чем я предполагал, — многозначительно начал, молчавший до этого, аптекарь Иллис, прекращая жевать один из двух, найденных в кармане сюртука, листочков. — Взгляните на этот образец. — Оставшийся листочек перекочевал к центру стола, мгновенно приковав внимание всех собравшихся. — Это не просто сорняк или какая-нибудь безобидная мелочь, а самый настоящий лист засушенной Кридаренции пятилистной!

Пауза затянулась, взгляды собравшихся посуровели и волк ошибочно предположил, что все прониклись важностью находки.

— И что? — высказала всеобщее недоумение хозяйка прачечной, не страдавшая, в отличие от остальных, излишней щепетильностью по отношению к собственной недогадливости или отсутствию лишних знаний.

— А то, что вытяжка из этого растения — основа быстродействующего яда, запрещенного еще триста лет назад, сразу после вельдской трагедии. Стекольщики использовали его в качестве лекарства, а прядильщики Корды объявили оружием Ловца живых чудес и запретили выращивать, — пояснил Оуэн Иллис, досадуя на непросвещенность друзей.

— Ах вот оно что... — задумчиво пробормотал антиквар Полскинс и, не говоря больше ни слова, выскочил из-за стола, размахивая пухлыми ладонями, что свидетельствовало о крайнем волнении почтенного барсука.

— Вернись, Арчи, будь храбрым хранителем Боривала, а не длинномордым предателем! — завизжала ему в след Шмыгинс, воспринявшая бегство дальнего родича из семейства куньих, как личное оскорбление.

— Бедный Полскинс! Не знал, что он такой впечатлительный, — флегматично отметил Буквис и тут же продолжил гнуть свою линию: — И все же воровал он именно книги! Не далее, чем месяц назад, из моей библиотеки похитили целых три ценных трактата. Я обнаружил на полу, прямо под опустевшим стеллажом, компактную масляную лампу, она бы точно поместилась в карман сюртука, а ее размеры говорят о...

Мэрри перебила библиотекаря и грозно цыкнула на возмущенного аптекаря, решившего заступиться за оленя.

— Вот-вот, от того у него и столько карманов. Зачем спрашивается честному двуликому карманы на спине, да еще и за подкладкой? А ткань, вы видели эту ткань? Такой даже в самой Корде нет, а ведь прядильщики те еще мастера, хоть и редкостные негодяи... — последнее Мэрри добавила с особой воинственностью. Новый кордский налог на деятельность в выходные и праздничные дни возмутил ее до глубины души.

Тем временем вернулся антиквар, запыхавшийся, но чрезвычайно чем-то довольный. Он нес под мышкой плоский квадратный предмет, завернутый в серую парчовую занавеску, прихваченную, судя по всему, прямиком с гладильной доски дорогой Тилли. О том, что супруга обязательно устроит разнос, барсук не подумал; гораздо больше его волновала сохранность свертка, а именно — старинной картины, которую он принес. Повесить на стену такой страх Полскинс бы ни за что не решился, а пытаться продать с аукциона было

чревато общественным осуждением, даже хранить полотно казалось не самой лучшей идеей.

— Ловец живых чудес носил на боку особое оружие. Взгляните на эту картину, похожий кнут я однажды видел у Снежного господина. Он меня не заметил, а я оказывается еще тогда получил неоспоримое доказательство его темных дел! С ним еще был подозрительный, голосистый мальчишка, требующий сбить для него пару груш с дерева, растущего за оградой ботанического сада. Они явно кого-то ждали у памятника Хозяину Леса под восточной стеной сада, — пропыхтел антиквар, занимая привычное место за столом и подтягивая к себе чайник.

— Хочешь сказать, что он воспользовался кнутом легендарного Ловца живых чудес, этого чудовища, изводившего наших предков веками, чтобы сбить пару груш в угоду какого-то мальчишки?!

Яда в вопросе Салли было хоть отбавляй. Она еще не успела прийти в себя после бегства сородича. К тому же, ей совсем не нравилось в какую сторону уходили рассуждения. Политика и заговоры были понятны и привычны, но столетние сказки о страшном враге королевства, почившем еще триста лет назад — это было слишком, даже для их клуба. Могли и засмеять, а ей ведь еще разносить эти сплетни по всему Боривалу!

— А что эти двое делали возле памятника? Неподалеку живет мэр... Уж не его ли они решили обчистить? — выдвинула новое предположение госпожа бобр.

— Ох и не нравится мне все это! А еще это шуттанское сукно и валарданские пуговицы... Похоже мы имеем дело с самым настоящим шпионом, замыслившим что-то против всего Боривала, — подвел итоги портной Иглис.

— Это бы объяснило и странный шифр, найденный Салли в кармане его плаща. В начале мне показалось, что это письменность Дэйлиналя, но я не смог разобрать ни слова, даже господин Иллис и тот не в состоянии вывести такие неразборчивые закорючки.

Упоминание о каракулях аптекаря не добавило тому радости, но и он был вынужден признать, что письменность не поддавалась расшифровке. В добавок, там была еще и схема, ее библиотекарь так же не смог разгадать.

— Бархатная подкладка совсем вытерлась с правой стороны, как раз напротив пояса, сбоку, — вернулась к обсуждению кнута Мэрри. — Отбросим старые сказки и посмотрим правде в глаза. Этот двуликий господин, если он и правда двуликий, а не какой-нибудь хитроумный лазутчик из Корды, угрожает всему городу. И, ни какой он не северянин! Будто так сложно подделать белые волосы, а если еще и прядильщики постарались, то и звериные глаза наколдовать не долго. Голубой, коричневый! У чокнутых кордских прядильщиков, видящих нити, глаза вообще белые.

— Не белые, а слепые. Да и зачем Корде присылать к нам шуттанского шпиона, они от них и сами-то не в восторге! — зашла с другой стороны Шмыгинс.

Собрание затянулось до позднего вечера, чайник не успевал закипать, а чай в чашках добровольных хранителей спокойствия Боривала, то убывал со скоростью горного потока, то прибывал, как волны Доброго моря, подчинявшиеся лишь Хозяину Ветров, покровителю острова Валардан.

Мнения клуба разделились на два лагеря. Первый отстаивал идею о шуттанском шпионе, прибывшем в Дэйлиналь с целью грабежа и всяческого разбоя, а так же вторую версию — про нечистого на руку купца-авантюриста, явившегося с острова Валардан. Главной сторонницей политических выводов была Салли Шмыгинс, не забывавшая упоминать о потайных карманах и найденной писанине, перетасовывая предположения то

так, то эдак. Ее сторону приняли портной Иглис, вцепившийся мертвой хваткой в шуттанское сукно и валарданские пуговицы, а также библиотекарь Буквис, решивший, чего бы это не стоило, вернуть свои драгоценные трактаты, похищенные неизвестным, оставившим на месте преступления маленькую лампу, будь этот гнусный вор, хоть морским конем.

Оппозиционный лагерь, возглавляемый антикваром Полскинсом, решил держаться за версию о потомке самого Ловца живых чудес. При этом мнение несколько усложнялось, противоречащей данному доводу оговоркой Мэрри, не желавшей упускать мысль о сомнительности двуликого происхождения Снежного господина. Она упорно доказывала, что все это ложь! Никакой он не северянин, как болтают всякие доверчивые простаки, а самый настоящий прядильщик из Корды, морочащий всем головы и высматривающий очередной повод для нового налога. Оуэн Иллис решил согласиться со всеми сказками и невероятностями, а сам продолжал носиться с засушенным листочком, уверяя собравшихся в готовящемся отравлении королевства в целом и Боривала в частности.

Положил конец всему этому сумбуру камень, ударившийся в оконную раму. Члены тайного клуба дружно замолчали и пригнулись, едва удерживаясь от желания броситься под чайный столик. Распаленная всяческими домыслами и ужасными сказками старины коллективная фантазия нарисовала такую страшную картину, что даже сам Ловец живых чудес, слывший бесстрашным мореплавателем и настоящим чудовищем, тиранящим Дэйлиналь не один век, сбежал бы от такого кошмара и ни разу не обернулся.

За следующим камнем, ударившимся о подоконник углового окна второго этажа, последовала цветистая тирада, сопровождаемая странными звуками и обещаниями выпросить у мэра официальный запрет на сборы клуба полоумных сплетников. Последнее утверждение было особенно обидным. Члены клуба не раз слышали это название и прекрасно знали, кому обязаны таким нелестным званием.

Высунувшись из окна по пояс и, едва избежав очередного камня, госпожа бобр выдала ответный залп отборной брани, пообещав добавить еще ведро помоев, если проклятый секретарь мэра, двулика белка Харриэт Прыгги, не закроет рот и не прекратит клеветать на честных двуликих.

Взбесившаяся соседка, разумеется, никуда не делась. Ее раздражали шумные собрания дурацкого клуба и не в ее планах было сдаваться. К тому же, белке было кое-что известно о господине белом двуликом лисе. Поэтому она не собиралась позволить очернить его имя, хоть сама не знала, кто он такой и как его зовут. Поддержал ее и старший внук хозяина «Хитрой рыбы», ему тоже было что сказать в защиту северного земляка. Он успел узнать от деда очень важные сведения, но не стал бы делиться информацией ни за какие деньги. Однако это не мешало ему отстаивать мнение о добропорядочности лиса, не прибегая к раскрытию чужих тайн.

Тайное собрание, начавшееся с шепота в полдень и перешедшее в бурные полуночные разглагольствования, с шумом достигавшие ушей соседей, желавших спать и не хотевших знать о заговорах и грабежах, продолжилось громким скандалом. Все закончилось невероятным количеством слухов и предположений, расплзшихся по Боривалу вместе с информацией о том, что Снежный господин оказался белым лисом.

Двуликий, пораженный столь неожиданным развитием событий, так и не явился за своим сюртуком ни на следующий день, ни через неделю. Тем не менее, плащ все-таки покинул негостеприимные руки тайного клуба, исчезнув самым загадочным образом из

запертого на три замка шкафа госпожи бобр.

Со времени скандала минуло три года. Слухи поутихли, а господин Белый Лис, как его теперь называли, приезжая в Боривал, стал вести себя куда осмотрительнее. Он предпочитал селиться у тех, кому было выгодно получить лишнюю монету, а глупые рассуждения приберечь для кого-нибудь другого. Кто-то из хозяев сам искал жильцов, к кому-то лис являлся, вооружившись тугим кошельком и неоспоримыми доводами в пользу сдачи жилья именно ему и немедленно.

Проследивалась лишь одна общая закономерность — северянин никогда не останавливался там, где ему пришлось бы отвечать на лишние вопросы или мириться с наличием других постояльцев. Не терпел он и уважаемых частей города, как впрочем, и добропорядочных арендодателей без странностей.

На этот раз выбор пал на чердак дома с привидениями, вполне подходящий к обычным предпочтениям лиса, но абсолютно не соответствующий его требованиям и чаяниям.

Единственными достоинствами помещения, расположенного под крышей большого трехэтажного дома, явились просторность и невыносимо шумная лестница, ведущая к массивной обитой железом двери чердака. Пройти по ней, не огласив при этом рокочущим скрипом обветшалых ступеней весь дом старика Грэнго, было задачей не из простых. Зная об этой особенности, можно было не опасаться неожиданной встречи с визитерами, явившимися без приглашения. Это было несомненным плюсом для не любившего расспросов лиса. Но ожидание тишины и покоя...

Ладно бы еще для этих смехотворных целей, в условиях общей разнузданности всего района, именовавшегося некогда «Уютным», а теперь «Проигранным», был избран один из тех немногих приземистых особнячков, былая красота и комфортабельность которых заметно пострадали, с трудом перенеся появление по соседству многочисленных питейных заведений, игорных домов и жалких «всеобщих» жилищ, выстраиваемых с одинаковой поспешностью и небрежностью, лишь с одной целью — избавиться от тех, кому больше некуда было податься. Уютные особняки прошлого все еще могли принимать гостей и не стыдиться своей скромности.

Уцелевшие дома, украшенные резным деревом и простенькими, но приятными для глаз витражами, принадлежавшие не самым богатым, но и не бедствовавшим когда-то двуликим, служили молчаливым напоминанием о давно ушедших временах процветания Боривала.

На дряхлеющие без должного дорогостоящего ухода строения было грустно смотреть, понимая, что может пройти всего пара десятков лет или меньше и не останется в оконных рамах цветных витражей, созданных по легендам еще в дни основания города, рукой самого Стеклодува покровителя Вельды, водившего дружбу с Хозяином Лесов, заботившемся о процветании своего молодого города Боривала.

Именно эти, не поддающиеся времени и невзгодам жилища, еще могли предоставить тишину, покой и даже чистые простыни, попроси их владельцев об этом странный гость, опутанный сплетнями и домыслами с ног до головы.

В менее уважаемых кварталах никакие сплетни не мешали воспринимать Белого Лиса, как достойного господина, особенно, когда он сам решал, что быть вежливым для него в конкретном случае выгоднее и результативнее. Главным признаком достоинства для жителей старого славного Боривала, окончательно сломавшегося под натиском все увеличивающихся налогов, изобретаемых для горожан проклятой Кордой и ее богатым союзником Гродарином, служили чистые рубашки двуликого, всегда радовавшие глаз своей

белизной.

И все же, выбор пал именно на пустующий уже не первый год из-за дурных слухов о призраке, длинный захламленный чердак, принадлежащий двуликому еноту папаше Грэнго, славящемуся своей жадностью и неиссякаемой болтливостью.

В контексте с делом, задуманным на этот раз Белым Лисом, сомнительная слава страшного места, возле которого слышались завывания и звуки ударов, была, как нельзя, кстати.

То, чем занимался лис, обосновавшись на чердаке мрачного дома с живописным видом на малое кладбище боривальских преступников, могло послужить не только темой для очередных домыслов со стороны безобидного клуба сплетников, так подпортивших ему жизнь, но и для незамедлительного ареста на территории Дэйлиналя, а также — серьезных проблем при появлении на острове Валардан.

Глава 2. Чердак

Мерный звук капель, проникавших в неуютное помещение сквозь щели прохудившейся крыши и причудливые блики, отбрасываемые одинокой свечей, служили единственными признаками жизни. Казалось, что даже назойливый уличный шум и крики, беснующихся за окнами пьяниц, растрачивали свою бойкость и выразительность, стоило им пересечь границу владений сибидирского призрака. Чердак дома номер шесть погрузился в послеобеденную дрему и не желал, чтобы его беспокоили. Того же мнения придерживался и неподвижный постоялец, замерший в темноте, напротив потускневшего от времени зеркала.

Но вдруг, что-то неуловимо изменилось: пахнуло свежим ветерком, ворвавшимся через приоткрывшийся люк, свеча полыхнула ярче и веселее, а мрачная атмосфера приглушенности и необитаемости отступила под напором бодрого, насмешливого голоса.

— Видела бы тебя сейчас тетя Клара! — произнесла вместо приветствия темная фигура, ловко спрыгнувшая на маленький колченогий столик с потолочной балки. Столешница выдержала прыжок и даже не сбросила ловкача, когда тот стал балансировать на трехногом помосте, а затем бесшумно соскользнул на пол и отправился к источнику света.

— Но ты не переживай, Эйнар, я обязательно поделюсь с тобой своей замечательной настойкой. Подлечишься, прекратишь забираться на грязные чердаки и заниматься всякой ерундой. Жизнь наладится, вот увидишь! — продолжал глумиться гость, стягивая капюшон, а за ним и липкий туманный платок, изменявший не только черты лица, но и голос. Перемены были едва уловимыми, но их вполне хватало, чтобы ввести в заблуждение любого, кто посмотрит на хозяина редкого валарданского артефакта, будь этот взгляд хоть мимолетным и рассеянным, хоть прямым и пристальным.

Так худощавая, невысокая девушка, одетая, как юноша, с легкостью избегала лишнего внимания и цепких щупалец памяти случайных прохожих. Чтобы запомнить ее лицо, скрытое туманным платком, пришлось бы очень постараться, да и то, результаты такого упорного запоминания порой удивляли своей противоречивостью. Описывавшие ее дэйлинальцы, часто не могли понять — почему, присматриваясь к одному и тому же человеку, они подмечают совершенно разные приметы?

— Кстати, я слышала здесь обитает злобный призрак, он тебя еще не навещал? — как бы между прочим поинтересовалась она, отправляя в карман плаща вслед за посеревшим и утратившим туманность без контакта с кожей платком, еще и круглые темно-фиолетовые очки в тонкой оправе.

Гостья, не дождавшись реакции на свою колкость, стала обходить чердак, отмечая

сохранность стропил и полное, а скорее всего, еще и многолетнее отсутствие уборки. Наибольшее внимание привлекли куклы с фарфоровыми лицами, одетые в шелковые платица, и поблекшие, некогда цветастые обои из дорогих тканей. Было странно видеть следы подобной роскоши посреди всей этой пыли и запустения.

Перевернутая колыбель, рассыпавшая маленькие подушки, наводила на грустные мысли. Судя по всему, слухи о привидении имели под собой довольно крепкую почву и была она орошена детскими слезами, если не кровью. Жуткая история, как и прочие страшилки Боривала, имела сразу несколько вариантов. Разобраться, какой из них нес в себе хоть крупицу правды, порой бывало не так уж и просто, особенно, когда участники событий оказывались давно похороненными, а очевидцы не желали ворошить прошлое.

Удовлетворив свое любопытство изучением имущества давно покинувших это место жильцов, девушка стала выбирать куда бы присесть, не рискуя перепачкать любимый темно-серый плащ и недавно отмытые ботинки на толстой, грубой подошве, которым и так приходилось в последние дни несладко, как, впрочем, и их беспокойной хозяйке. Необходимость аргументировать свою правоту прицельными ударами по коленям и голеням порядком утомляла. Да и жаль было финалов этих маленьких побед, как на зло, оставшихся неизменными. Доказанная правота крайне редко отменяла необходимость уносить ноги и чем шустрее, тем лучше.

Не обнаружив ничего подходящего из остатков мебели, гостья решила примоститься на одном из наиболее, по ее мнению, чистых ящиков. Придирчиво оглядев его в последний раз, она все же не удержалась и вытащила из кармана свежую газету. Жертвовать страницами не переработанной информации было откровенно жаль, но садиться на подозрительный ящик, пахнущий виски... Забота о неизменном гардеробе пересилила жалость к плодам нелегкого труда репортеров, сующих свои длинные носы во все дела королевства.

— Всякий раз, как я прошу тебя купить мне газету, это заканчивается тем, что я получаю лишь измятые обрывки, в которые ты что-то заворачиваешь или используешь их в качестве бумажек для своих сумбурных записей. В них все равно ничего не разберешь, Тера! — лис сделал паузу и постарался восстановить спокойствие, нарушенное появлением говорливой гостьи.

— А еще, судя по твоим вздохам и продолжительному шуршанию, сегодня мог быть установлен новый рекорд. Должно быть, до встречи со мной дожило не меньше половины разворотов, — медленно проговорил лис, растягивая слова и не меняя положения, даже не открывая глаз. Его лицо оставалось все таким же безмятежно спокойным. Длинные темные ресницы не выдавали усилий, прикладываемых каждую секунду для удержания сознания в таком непривычно бездеятельном состоянии. Лишь тонкие губы шевелились, нехотя делясь тягучими словами.

И все же Эйнар не справился. Ноздри длинного прямого носа затрепетали, игнорируя все тщетные попытки оставаться безучастным, когда тонкий лисий нюх уловил чарующий аромат сладких пирожков с вишней.

Нахальная гостья, умудрившаяся развернуть шуршащий бумажный сверток, не потревожив чуткого слуха двуликого хищника, явно собиралась прикончить угощение, не поделившись с ним. В это время лис как раз занимался несносным кордским стрелковым луком, не желавшим поддаваться и не позволявшим Эйнару, очистившему разум до такой степени, что начинала кружиться голова, ухватиться за тетиву, упорствующую в своем нежелании приобрести привычный вид.

— Брось это неблагодарное дело и давай лучше перекусим! Потом я сама попытаю нашу строптивую деревяшку и расскажу тебе в чем весь фокус. Валарданские мастера знают цену своему труду, но я сомневаюсь, что нет никакого способа обойти их защиту. Заказы Корды никогда не доставляли резчикам особого удовольствия, — утешила недовольного лиса Тера, оценивая размер каждого пирожка, будто тот был, как минимум, рубином из слегка «подкорректированного» ею не далее, чем три недели назад ожерелья крылатой Талитэль, так вовремя подвернувшегося ей по пути на остров Валардан.

Убедившись, что самый большой пирожок, как обычно, спрятался на дне пакета, она ловко перекинула два верхних, подошедшему к ней двуликому и принялась грызть третий, обжигая тонкие пальцы и язык.

— Вот оно — истинное воплощение прожорливости и скупердяйства в одном лице! И как им двоим не тесно в таком щедедушном теле? — ворчливо поддел названую сестру лис, принимаясь за еду. Приходилось попеременно дуть то на пальцы, то на совсем недавно вытащенную из печи, судя по жару, выпечку.

Прервавшись всего на минуту, Тера вытянула из другого кармана своего необъятного плаща еще один бумажный пакет. Затем, одарив собеседника взглядом больших честных глаз, ответила, стараясь не выказать раздражения в адрес болезненной темы роста.

— Предположим, не щедедушном, а миниатюрном, — с нажимом поправила Тера. — А что до скупердяйства, то «с пылу с жару» обычно не облагается лишним налогом, в отличие от того, что попадает на прилавки уже в остывшем и порой заметно поистрепанном состоянии. Я терпеть не могу, когда кто-то лишний раз трогает мою еду, ты же знаешь!

Задиристый звонкий голос приобрёл под конец ворчливые нотки и неожиданно потонул в охах и причитаниях. Тера старалась не упустить, ускользавшую из лопнувшего пирожка, вишенку. Лис только покачал головой, давно бросив любые попытки перевоспитать шустрю названую сестренку, выросшую у него на глазах и становившуюся с каждым годом все более рискованной и бесстрашной.

— Опять крадешь все, что плохо лежит, вместо того чтобы заплатить, — устало констатировал Эйнар. Прискорбное утверждение уже давно прошло проверку временем и не нуждалось в уточнении. — Неужели тебе не надоедает? Можно ведь не напрягаться и дать пекарю лишнюю медяшку, уверен, любой с радостью продаст тебе только что приготовленное без лишних возражений!

В ответ на его предложение Тера лишь хмыкнула и запустила руку во второй бумажный пакет. Ей хотелось поскорее узнать не ошиблась ли она с начинкой и в этот раз, а объяснять глупому двуликому прописные истины о медной шестиугольной монетке, берегущей более крупную четырехугольную серебряную, и о той, делавшей то же самое для своей треугольной золотой сестрицы, она не собиралась. Дело было совсем не в жадности или нежелании лишний раз пользоваться деньгами, отчеканенными со знаком проклятой Корды — веретеном с одной стороны и ликом их покровительницы Хозяйки Свечей, окруженным девизом ордена Опаленных «Пламя спасет и укроет верных» с другой. Второе предположение, к слову, выдвигала тетя Клара, но ошибалась, как и Эйнар.

Вся суть была в определённом образе жизни и тех непростых ситуациях, из которых приходилось выпутываться чуть ли не с самого детства. У благонаправленного поведения просто не было шанса выжить! «Либо ты, либо чистоплюйство», как любит выражаться Клара, смотрящая на условности жизни с известной долей философского пренебрежения.

Да и почему бы не украсть у хозяина богатой пекарни, доносящего прядильщикам на

жителей собственного родного города? Он любит говорить, кордские ищейки — слушать, а страдают те, кому приходится молчать и выживать, надеясь протянуть еще хоть год.

Подумав об этом, Тера с яростью вернула недоеденную булку с мясом обратно в пакет и прорычала себе под нос:

— Чтоб этой Корде, весь аппетит испортила! Провалиться бы прядильщикам ко всем ловцам, да там и остаться!

Вскочив со своего места, она тщательно вытерла руки платком и направилась к новому кордскому луку, оставленному Эйнарм при ее появлении.

— Тебе что жареный мышинный хвост в пирожке попался? — озадаченно спросил двуликий. Давно он уже не видел таких внезапных вспышек гнева с ее стороны. Проследив за траекторией движения, лис досадливо передернул плечами, а затем, как и минуту назад его сестра, отложив еду, встал, собираясь продолжить утомительное занятие, если не удастся понять в чем проблема.

Рискованная кража лука из прекрасно охраняемой валарданской мастерской, с каждым днем выглядела все более бесполезной. А то, что казалось лучшим и даже гениальным решением, грозило обернуться грандиозным провалом. Трудясь над разгадкой тайны лука, Эйнар все сильнее укреплялся в своей неприязни к добросовестности валарданских мастеров. Особая магия, сквозь которую не удавалось пробиться, не давала воспользоваться традиционным оружием Корды, а им была крайне необходима и заложенная в него меткость, и особые магические свойства.

Подхватив кривой лук из кордского разумного дерева, Тера встряхнула короткими, едва доходившими до середины шеи волосами, и стала настраиваться на работу. Несколько глубоких вдохов и медленных выдохов. Осторожный перехват лука за удобную, но слишком массивную для ее маленькой ладони, рукоять, резкий подъем оружия вверх. Замерев на месте, Тера стала медленно вращать луком над головой, всматриваясь во что-то видимое лишь ей одной. Ее действия ни к чему не привели и через несколько долгих минут лук перекочевал на деревянный ящик.

— Славно! Мало нам было деревянной тетивы, теперь еще и полное молчание. Придется прибегнуть к настоящему колдовству, — раздраженно объявила Тера, прекратив пытаться узнать хоть что-нибудь с наскока.

— Не слишком ли это радикальная мера? — забеспокоился Эйнар. — Может я что-то упускаю и нужно приложить больше усердия? Был момент, когда мне показалось, что вот вот получится... — не слишком уверенно добавил лис. Идея о серьезном колдовстве его совсем не прельщала.

— Провалимся в этом году, и можем не успеть упаковать дорожные сундуки к следующему! — веско заметила Тера, моментально растерявшая всю свою шутливость и остатки хорошего настроения.

Внимательно посмотрев в глаза сестры, Эйнар решил не спорить на этот раз. Двуликий тихонько отошел, присел на ящик, стоящий возле свечи, и принялся читать газету. Листов оказалась вполне достаточно, а ожидания результата могли сильно затянуться.

Он даже развернулся к ней спиной, так как хорошо помнил — Тере не нравится, когда за ее работой наблюдают, а рисковать еще больше испортить ее и без того не самое лучшее настроение, он не стремился.

Уже на третьей странице кордской газеты «Свеча правды» Эйнар понял — пора прощаться с неоправданным оптимизмом и приступать к обдумыванию нового плана.

Старый окончательно рухнул, не выдержав веса обострившейся бдительности прядильщиков.

Репортеры стали уделять в последние недели все больше внимания предстоящему торжеству в честь векового обновления центральной свечи Корды. Наконец была точно определена и объявлена дата ежегодного праздника.

Для проведения обряда подходила лишь та ночь, во время которой покровительница города переворачивала диск полной луны и заставляла ночное светило начинать свой путь с новолуния. Считалось, что поступает так Хозяйка Свечей ради мира и процветания всего королевства. Многие верили, что можно не бояться повторения вельдской трагедии, пока покровительница Корды стоит на страже Дэйлиналя.

Очевидцев тех давних событий почти не осталось, но память о бесстрашном подвиге вельдских стекольщиков, предотвративших приход Ловца живых чудес на земли Дэйлиналя ценой собственных жизней и погребения Вельды, осталась.

История, произошедшая двести девяносто девять лет назад, завершилась горькой победой над злейшим врагом королевства — Ловцом живых чудес и величайшей утратой. Говорили, что с дня трагедии никто больше так и не видел ни одного стекольщика на землях Дэйлиналя. На месте, некогда процветавшей богатой Вельды, остался лишь гигантский стеклянный саркофаг, скрывший от глаз любопытных то, что осталось от города после встречи с великим злом. Такова была официальная версия, обросшая сказками, легендами и поводами для вполне обоснованных сомнений.

— Ах вы, ловцовы дети! — с жаром, едва не разрывая листы неповинной ни в чем газеты, воскликнул лис, прочитав о дополнительных мерах, которые «будут вынуждены» принять кордские прядильщики для обеспечения безопасности на празднике. Об этом сообщал один из штатных репортеров «Свечи правды», аж на десятой странице.

— Ради всего святого, чего ты разорался?! — запальчиво отреагировала на восклицание брата Тера. Он очень не вовремя оторвал ее от кропотливых приготовлений к будущему колдовству.

Когда она подскочила от неожиданности, порошок из мешочка, зажатого в ее левой руке, просыпался мимо контура рисунка, не терпящего ошибок или малейшей кривизны. Красный, сыпучий песок моментально посерел. Все было испорчено и ей необходимо было начинать с самого начала.

— Прости, пожалуйста, я позже расскажу, не хотел тебя отвлекать, — виновато попросил прощения Эйнар. Сообщать о вычитанных новшествах и добавлять лишних волнений сестре перед сложным колдовством он не хотел, а потому молча продолжил чтение, переходя от важных сведений к светской хронике, способной заменить любое, даже самое действенное снотворное.

Обязанность знать все и обо всем всегда ложилась именно на его плечи. Тера редко утруждала себя лишней пустой информацией. Ей с лихвой хватало и того, что приходилось принимать, выуживая секреты из вещей и живых существ.

Одни тайны давались ей ценой временного бессилия, другие слабостью и потерей аппетита, а были и те, после которых приходилось пить настойку из Кридаренции пятилистной и вот от таких секретов стоило держаться как можно дальше.

После часа повторных песочных художеств Тера распрямила затекшую от непрерывных ползаний по полу на коленях спину и отошла подальше, чтобы как следует оценить полученный результат. Теперь она могла позволить себе поднести свечу поближе и убедиться, что все сделано верно.

Но, прежде чем отправляться за огнем, она постояла минутку, переминаясь с ноги на ногу, а затем решительно подошла к сброшенному для большего удобства плащу, оставленному на спинке провалившегося дивана. Порывшись в карманах, Тера достала очки и два мешочка, похожих на тот, из которого она насыпала замысловатый узор на полу. Коричневый отправился в карман ее штанов, а с зеленым она направилась к лису, увлеченно разгадывавшему головоломку, обнаруженную на последней странице газеты. Кордские репортеры здорово подняли популярность издания, решившись привлечь внимание таким своеобразным способом. Их газету стали покупать даже те дэйлинальцы, которым были абсолютно безразличны любые новости, будь они, хоть трижды важными, хоть невероятно полезными.

— У меня дурное предчувствие, брат, так что возьми. Если я начну терять контроль над ситуацией, сыпанешь мне этим в лицо. И прошу, не переступай черты, как в прошлый раз. Ночь Хозяйки Свечей близко, я могу навредить тебе, — тихо, но уверенно, предупредила Тера, передавая мешочек Эйнару. — И еще, не вздумай смотреть мне в глаза напрямую, если придется вмешиваться. Надень мои очки и не снимай, пока я не скажу, что все закончилось!

Лис намеревался возразить, ему происходящее нравилось все меньше и меньше, но переспорить Теру, твердо решившуюся влезть в очередные неприятности, могла только тетя Клара. Вот только та была слишком далеко, а их загвоздка, в виде несговорчивого лука, лежала на большом покосившемся ящике совсем близко — в противоположном углу чердака.

— Хорошо сестренка, но у нас нет ни капли молока с травами, одна вода. Как ты собираешься обойтись без него? — спросил Эйнар, хватаясь за последнюю надежду остановить ритуал, становящийся все более опасным и непредсказуемым с каждой новой деталью.

— У нас нет времени на поиски легких путей, играем по-крупному, так что я обойдусь и возьму одну из бутылок старины Сибириды, думаю он не обидится, — весело ответила Тера, снимая крышку с ящика, присмотренного ею еще при первом осмотре чердака. Нюх не подвел, в ящике хранилось отменное виски.

— Енот не обидится, если его дом не обзаведется новой, еще более пугающей историей. К тому же, виски не лучший проводник в путешествиях за секретами, — возразил лис и попытался забрать, извлеченную Терой из ящика, бутылку.

— Расслабься и надень очки, третий раз перерисовывать все это я не стану лишь потому, что в твоём скромном жилище не нашлось стакана молока, — попыталась перевести все в шутку, вернувшись к своему обычному настроению, Тера.

— Будь осторожна и помни, я всегда жду тебя по эту сторону, — уверенно подбодрил сестру двуликий, надевая очки и беря себя в руки.

— Спасибо, Эйнар! — бодро поблагодарила Тера, закидывая на плечо лук, а потом тихо обмолвилась: — С поддержкой у тебя явно лучше, чем у Клары...

Перед тем, как шагнуть в центр витиеватого рисунка, окружавшего небольшой ящик, на который ей предстояло сесть, Тера собрала короткие каштановые волосы в хвост и перевязала тонкой серебристой лентой, расшитой стеклянными бусинами разных форм и цветов. Концы ленты переходили в накрепко пришитые с двух сторон лебединые перья — черное и белое.

Взглянув последний раз на завитки и хитросплетения линий, она сняла показавшийся слишком жарким полосатый шелковый жилет, закатала рукава белой рубашки и шагнула в круг, не забыв прихватить с собой бутылку виски, заботливо откупоренную Эйнаром.

Усевшись на ящик, она сняла ботинки и скрестила ноги, сидеть сразу стало гораздо удобнее. Дальше шло самое неприятное. Развязав мешочек, Тера зачерпнула горсть поблескивавшего в отблесках свечи порошка из мелко истолченного вельдского зеркала и, замерев всего на секунду, отправила в рот. Медленно запивая сухой, безвкусный порошок, она успокаивала дыхание и готовилась к переходу в строптивное сознание неподатливой вещи.

Приложив лук к оцарапанным стеклом губам, зеркальщица, а это была именно она, выдохнула и закусила рукоять кордского лука так сильно, как только могла.

Разведя руки в стороны, она стала шевелить кистями так, словно те были трещотками на концах змеиных хвостов. Сходство усилилось, когда чердак стал наполняться неясным гулом, то переходящим в зловеющий шепот, то обманчиво затихающим, чтобы вернуться с новыми силами и перезвоном бьющегося стекла.

Кисти Теры утратили обычный человеческий вид, кожа стремительно теряла розоватый цвет и превращалась в жидкое стекло. Тонкие ручейки устремлялись от запястий к локтевым сгибам, повторяя следы старых полос и образуя новые.

Одного взгляда на ее предплечья, не скрываемые сейчас рукавами рубашки, могло хватить, чтобы причислить ее к безумцам, потерявшим себя настолько, что стали наносить порезы, не понимая, что вредят себе. Но в случае с Терой все было совсем не так. Следы колдовства являлись ценой ее дара, вернее, лишь малой ее частью.

Найдя нужную дверь и потянув ее на себя, Тера едва не взвыла от потока, хлынувшей на нее враждебной силы и проявлений коллективного, древнего сознания. Лук был выточен не просто из живой кордской древесины, а из ветви того самого дерева, что помогало удерживать камни главного храма Хозяйки Свечей. Большого невезения невозможно было представить!

Концентрируясь на памяти лука и, тщетно стараясь отгородиться от сознания всего дерева и его сплетавшихся корнями и ветвями сородичей, зеркальщица начала отвоевывать крохи сведений, понимая, что эта информация обойдется ей не просто недешево, а смертельно дорого.

Тера уже чувствовала, как ее глаза начинают менять свой яркий синий цвет на серый, чтобы затем превратиться в зеркала, способные не только вытянуть любую, даже самую сокровенную тайну, хоть у живого существа, хоть у предмета, но и лишить разума, отобразив или перепутав все воспоминания.

Окончательному изменению цвета глаз всегда предшествовал зуд и болезненное жжение, будто кто-то сыпанул в лицо пригоршню соли, а она не успела увернуться или хотя бы защитить глаза. Именно это ощущение посетило ее и теперь.

Нечаянно отвлекшись на эту мысль, как несколькими часами ранее лис на запах пирожков, Тера не удержала контроль и начала соскальзывать во тьму, теряя ориентиры нужных зеркальных дверей.

И все же, она успела вырвать из сознания лука нужные им ответы и еще несколько тайн, яростно накинувшегося на нее общего разума всего живого дерева, почуявшего присутствие ненавистной ему стекольщицы.

Сосредоточившись на распространявшихся по чердаку волнах разнообразных звуков, Эйнар чуть не упустил нужный момент, когда Тера прекратила трясти ладонями и замерла, уставившись в пустоту широко распахнутыми, захваченными зеркалами глазами. Дольше медлить было нельзя!

Подбежав к краю светящегося в темноте рисунка, он едва не упал на пол, отброшенный порывом, влетевшего в открытый люк, Злого ветра, привлеченного силой колдовства.

Все стеклянное, что было на чердаке, начало вибрировать и звенеть на одной протяжной, высокой ноте, темнота в углах сгустилась, а свеча, мигнув в последний раз, погасла. Видимым оставался лишь рисунок, танцующий в собственном красном свечении и, сидящая в центре, стекольщица.

Эйнар забыл о запрете и бросился на помощь сестре. Он бесстрашно переступил границу рисунка, начавшего шевелиться и угрожающе шипеть. Линии вытягивались и обвивали ноги, стараясь добраться до вкусной крови, пока лис судорожно пытался справиться с завязками мешочка. Еще один рывок и он развязал перепутавшиеся тесемки. Эйнар зачерпнул горсть перетертого порошка из черной сорной травы Безумного леса и, набрав в грудь побольше воздуха, сдул его прямо в лицо, начавшей заметно белеть, зеркальщицы.

Резкая боль прошла левую ногу лиса. Хищная магическая линия, раздосадованная вмешательством в ритуал, все же сумела добраться до него. Но это было уже не важно! Злой ветер не успел перехватить спасительную пыль и глаза Теры стали темнеть. Вначале серые, затем голубые, а после и привычно синие. Все было кончено, он снова успел не дать ей шагнуть за грань.

Тера разжала зубы, теряя связь с луком, едва не лишившим ее разума, немного посидела не шевелясь, а затем неуклюже дернулась, простое движение едва не стоило ей падения с ящика, показавшегося теперь невыносимо высоким.

Эйнар осторожно поднял ее на руки и вынес за границы растерявшего силу рисунка. Последние вспышки колдовства прожгли сложные контуры в досках пола и потухли.

Ничто больше не напоминало о былых слоях пыли на чердаке шестого дома по улице «Битых козырей». Злой ветер забрал ее с собой, а за одно и все стекло, обратившееся в такую же невесомую пыль. Стих невыносимый шум и голоса, а в воздухе запахло дождем, казалось только и ждавшим своего часа, чтобы пролиться на землю, пряча следы забытого в Дэйлиналие колдовского дара стекольщиков.

Глава 3.1 Злой ветер

Перепуганные пьяницы вмиг протрезвели, когда вместо изогнутых ручек массивных кружек и ребристых боков щербатых стаканов, их пальцы ощутили лишь невесомую пустоту. Крепкие напитки, которыми они еще минуту назад весело праздновали свои маленькие победы и горестно заливали большие неудачи, оказались на грязном полу, затертых столешницах и выдавших виды одеждах самих гуляк. Приостановились напряженные партии за круглыми карточными столами и разудалые пляски на тесной площади возле растрескавшегося фонтана, давно не показывавшего водяных представлений. Стихли бойкие инструменты, замершие в опущенных руках музыкантов. Даже бродячие псы не посмели выразить свой залиvistый собачий протест, когда мимо их озадаченных морд начали проноситься целые пылевые смерчи, больно жалящие тощие бока и куцые хвосты.

Некоторые двуликие, застигнутые врасплох внезапно налетевшим неестественно сильным ветром, попадали на землю. Они тщетно старались защититься от дикого воя и треска, вырывавшегося на свободу вместе с вылетающими и моментально обращавшимися в пыль стеклами.

Все были слишком напуганы и раздавлены той злой силой, что прошла по обветшалым домам и заведениям невезучей улицы «Битых козырей», а за одно и по рядом

стоящим особнячкам на более уважаемых соседних, имевшим несчастье оказаться слишком близко от творящегося безумия.

Натерпевшиеся жути двуликие, боялись не то что незаметно пошевелиться, но даже слишком глубоко вздохнуть, рискуя тем самым привлечь к себе ненужное внимание. В них еще теплилась отчаянная надежда, что гигантский смерч, вобравший в себя те, что были поменьше, больше не вернется и не станет выискивать что бы еще разрушить, удовлетворившись жалким видом, оставшихся без окон и витрин построек. Им так хотелось, чтобы ему хватило стекла и он не принялся за более существенные мишени, например, за самих двуликих, часть из которых неосознанно приняла звериную форму, стараясь хоть так спрятаться от терзавшего все вокруг Злого ветра.

Разрядкой повсеместного безмолвного ужаса стал самый обыкновенный дождь, начавшийся робкими, редкими каплями и уже через несколько минут перешедший в настоящий, грохочущий ливень.

Давно бедные жители «Пропитых медяков» и гости квартала так не радовались простым проявлениям сил природы. Повод был незначительным и совершенно естественным, но в этом-то и заключалась его спасительная ценность. Разошедшийся ливень сумел ослабить цепкую удавку страха, грозящего оборвать жизни обладателей наиболее заполошных сердец и окончательно лишить самообладания тех, чей дух оказался крепче.

Пришедшие в себя раньше других, начали помогать подняться тем, кто не мог встать самостоятельно и продолжал пугливо жаться к земле, укрываясь от нахлынувшей паники и беспомощности. Послышались первые голоса, жалобные всхлипы и даже неуверенный смех. Каждый переживал случившееся по-своему.

Необъяснимый случай на время сплотил отдельную горстку боривальцев и заставил вспомнить, что когда-то давно их предки славились отвагой и мужеством. Двуликие воины прошлого были могучей силой, сражавшейся наравне с самими стекольщиками. Сообща они с честью защищали границы королевства и без устали расправлялись с врагами, пытавшимися прорваться в Дэйлиналь со стороны Злого моря. Всего пару веков назад боривальские двуликие бесстрашно смотрели врагу прямо в глаза и шли в атаку, не страшась ни колдовства, ни чужестранного оружия, ни даже смерти. С ними были их старшие братья и сестры стекольщики, жившие в соседнем городе побратиме Вельде. К несчастью, все они погибли еще три сотни лет назад, не успев позвать боривальцев на помощь или, быть может, не пожелав забирать их с собой за грань. Подвиг стекольщиков остался в памяти вечным напоминанием о том, что смелость способна победить даже самое страшное зло, пусть и такой великой ценой, какую пришлось заплатить вельданцам. Они отдали свой прекрасный город и собственные долгие жизни за то, чтобы у всего королевства появился шанс на будущее, которого им уже не суждено было увидеть. Двуликие прежде с гордостью ровнялись на стекольщиков и не пускали в сердца страх, так стоило поступить и сейчас.

Воспоминания о легендарных героях прошлого, подстегнутые исчезнувшими прямо на глазах витринами и другими стеклянными изделиями, навели, собравшихся группками двуликих, на самые разнообразные мысли. Главной из которых оставалась одна — во что бы то ни стало отыскать источник беды, так внезапно обрушившейся на их головы и едва не лишившей некоторых глаз. С приходом Злого ветра стекол лишились не только окна, но и оправы очков, далеко не всем повезло стоять лицом в нужную сторону. Кому-то мелкая пыль едва не выела глаза, устремившись к огромному смерчу, затягивавшему в себя все встреченное на пути стекло.

— Это все происки Ловца живых чудес, вернулся проклятый! — рокотала на всю улицу, завернувшись в прожжённую скатерть, двулика медведица.

Радужная хозяйка повернулась к шкафу с бутылками ровно в тот момент, когда Злой ветер заглянул в ее трактир, чтобы поживиться стеклянными сосудами, удерживающими в себе немало разнообразных горячительных напитков. Несчастливая двулика так перепугалась, что не задумываясь, обернулась огромной бурой медведицей и чуть не раздавила тщедушного постояльца своего заведения — господина двуликого зайца. Тот, раньше всех заподозрив неладное, совершенно осознанно решил укрыться в звериной шкуре, а затем переждать под прилавком госпожи Бурис. Предусмотрительный заяц никак не ожидал, что всегда решительная голосистая трактирщица окажется на деле такой же впечатлительной, как и он сам.

Недавно сшитое платье дородной двуликой не выдержало напора, внезапно раздавшейся высь и вширь хозяйки. Добротная ткань с треском лопнула по швам и упала к когтистым лапам ошарашенного, забившегося в угол зверя.

Когда первый испуг прошел, госпожа Бурис поспешила вернуть себе человеческий облик и была вынуждена облачиться в ближайшее, до чего сумела дотянуться. Она так рассвирепела из-за глупого положения, в котором оказалась по вине чьего-то зловредного колдовства, что и думать забыла о былом испуге.

— Прекратите поминать Ловца, беду накликаете! Это все Корда со своими прядильщиками, разве не ясно? — орал сварливый волк, еще один частый гость трактира.

Он так и не успел сообразить, что происходит, а потому, в отличие от некоторых, не утратил относительно приличного вида. Облитый с ног до головы из только что наполненной кружки эля, уже поднесенной ко рту для первого, долгожданного после длительного воздержания глотка, волк был зол ничуть не меньше медведицы. По его карманам и так гулял ветер, а теперь еще и честно оплаченная выпивка подло покинула в самый ответственный момент, будто нарочно издеваясь над тяготами волчьей жизни.

— Какая еще Корда и Ловец? Оглянитесь, это все старое кладбище преступников, поднялись негодяи и нас за собой утащить решили, — суеверно осенив себя отвращающим призраком и прочую нечисть знаком, пропыхтел господин ёж. Ему стоило больших трудов не укатиться в канаву под воздействием сильного ветра. Пришлось потом возвращаться с другого конца улицы и натягивать на себя, насквозь промокшую, местами проколотую одежду. Суеверный господин зашел с улицы в трактир, спасаясь от дождя и надеясь отогреться. Несмотря на обычно трезвеннический образ жизни, ему ужасно хотелось принять участие в обсуждении произошедшего и поделиться своими соображениями.

— Опять этот проклятый шестой дом Полосатого папаши вышел нашей улице боком. Так, глядишь, не только без окон, но и без жизней однажды останемся! — вставил господин хорь и зло сплюнул под ноги, едва не угодив на ботинок господина зубра. Тот ни на что не обращал внимания и с печалью разглядывал свои любимые карманные часы, только недавно с таким трудом выкупленные у ростовщика. Блестящего стекла в них больше не было и это расстраивало его куда сильнее, чем возможное нашествие призраков, кордцев и злодеев из старых сказок.

— Хватит терпеть происки сибирского призрака, пора покончить с ним раз и навсегда! Эй, Квари, ты же у нас знаток всякой потусторонней дряни. Даже к главному кордскому храму на ежегодную Ночь Свечей через все королевство едешь. Как нам избавиться от этого мерзкого духа? — стал допытываться у не ожидавшего такого поворота

ежа, рыжий лис, взбешенный тем, как бесцеремонно протащил его по земле какой-то паршивый ветер. Он как раз собрался отправиться домой и уже вышел за дверь трактира, как на него накинута невидимый, подлый противник. Господин Адам Рилтис, хоть и был рыжим плутом, но никогда не числился в рядах трусов, а потому жаждал немедленного отмщения и был готов расправиться с любым, подвернувшимся под руку виновником.

— Ох, беда! А ведь старик-то был в доме. Не случилось ли чего? И постоялец у нег завелся... Уж того-то точно злобный дух прикончил. Ох и беда! — запрочитала совсем молоденькая двуликая белка, предпочитавшая пьянству приготовление вкусных и недорогих обедов, но также оказавшаяся под крышей самого близкого заведения в надежде укрыться от дождя и холода.

Обеды от предприимчивой белки, разносил по адресам заказчиков ее младший брат. Возвращался шустрый двуликий бельчонок не только с деньгами клиентов и щедрыми чаевыми, но и с новостями из каждого дома, где нуждались в услугах их крохотного семейного предприятия. Недавние щедрые заказы старика Сибидира радовали беличье семейство чуть ли не больше всех прочих, а потому прекрасно запомнились.

— Да кто бы согласился по доброй воле поселиться в том проклятом дом, милая? Ты бы еще наплела, что постоялец прямиком на чердак въехал! — подвергла сомнениям слова белки пожилая, ворчливая ящерица, потерявшая при падении очки и смотревшая теперь на окружающих с невольным прищуром подслеповатых глаз и привычной долей, плохо скрываемого высокомерия. Ей, как и, любящей посплетничать белке, нечего было делать в питейном заведении госпожи Бурус, но оставаться одной под дождем после пережитого ужаса представлялось весьма сомнительной затеей, а потому она смирилась и гордо задрав нос, приняла участие во всеобщем обсуждении происшествия.

— А вот и не вру я ничего! — запальчиво пропищала оскорбленная до глубины души белка. — Сама посуди, стал бы скаредный старик заказывать у меня обеды для себя? Да еще какие! Требовал все самое лучшее, чтоб без обмана, а после, не торгуясь, платил полновесной монетой. Да Полосатый папаша скорее отправится ловить ворон на соседнем кладбище, чтобы после самолично их запечь, причем желательно в чьей-нибудь чужой печи, а под конец мне же их и продать. Не такой простой елот этот Грэнго, чтобы хоть гнутый гвоздь кому-нибудь за просто так дать, а тут тебе и обеды, и ужины, и даже завтраки, да чтобы все горячее и непременно свежее! — продолжала тарыхтеть белка, в красках расписывая свои неоспоримые доводы.

— Не важно все это, есть жилец — нет жильца. Старика нужно спасать, если жив еще, а как окажется, что сам на нас этот страх накликал, пусть и отвечает перед всей улицей, — мудро рассудила госпожа Бурус, успевшая переодеться в целое платье и устыдившаяся своей трусости, а за одно и попыток обвинить во всем Ловца, погребенного вместе с Вельдой еще во времена, когда всех их и близко не было.

Дождь прекратился, двуликие окончательно отошли от потрясения. Самые впечатлительные отправились по домам. Другие, взбодрившиеся после кружки — другой, налитой из большой пузатой бочки, которую выкатил на радостях хозяин трактира «Бурая лапа», отыскав в толпе высыпавших на улицу двуликих, свою не пострадавшую воинственную супругу.

Госпожа Бурус поднимала жителей «Битых козырей» на спасательный поход к злополучному дому Грэнго Сибидира. Её речь, подкрепляемая взмахами тяжелой скалки и щедро подливаемым элем, имела большой успех у слушателей и была воспринята, как

недурной план к действию.

Вот так и вышло, что Эйнару и Тере, едва избежавшим верной гибели, и только выдохнувшим после сбора вещей, разлетевшихся по всему чердаку, нехотя пришлось принимать новую порцию неприятностей.

Гомон, быстро приближающейся толпы, и шумная возня в доме, не предвещали им ничего хорошего.

Лис тяжело вздохнул и рывком поднялся с подлокотника разохшегося деревянного кресла. Ему очень хотелось как следует осмотреть свою прокушенную икру, но на это, похоже, не было времени. Пришлось довольствоваться наспех намотанной тряпкой. Волны холода, медленно расплзавшиеся от места укуса, причиняли боль, от которой он то и дело морщился.

— Тера, как ты, готова уходить? — бросил он через плечо, ковыляя в сторону люка, оставшегося без стекла и дававшего теперь гораздо больше света. Приходилось опираться на злосчастный лук. Теперь лису даже нравилось, что тетива не приобрела привычного для стрелкового оружия вида, из кордской деревяшки получилась вполне сносная трость, как раз по размеру.

Эйнар с трудом передвинул стоявший неподалеку шкаф, упираясь в крепкую боковую стенку всем телом, пододвинул небольшую тумбочку и стал взбираться вверх, желая узнать, что творится на улице. Уж больно разительной была перемена в настроениях беспокойных жителей «Битых козырей». Пока шёл дождь, все молчали, будто вымерли, а теперь шумели, как стая сорок и, что самое неприятное, шум этот приближался именно к их дому. Надеяться на совпадение было попросту наивно.

— Да, Эйнар, только уходить нам придется через дверь... — невесело ответила Тера, сидевшая прямо на грязном, дощатом полу. Она с трудом допивала горькую настойку из серебряной фляжки с притертой крышкой, давясь каждым следующим глотком, так и рвущимся покинуть ее желудок. Стекольщица тяжело опиралась спиной о стену, нервно сжимая и разжимая пальцы свободной руки. Поиск плаща дался ей нелегким боем с собственным сознанием, но он был ей необходим — спасительная настойка лежала в потайном кармане. Тера могла создать им еще больше проблем, не приняв ее вовремя, а этого нельзя было допустить.

Раздался визгливый скрип, возвещавший о приближении визитера, медленно поднимавшегося по ступеням шумной лестницы. Одновременно с этим, Эйнар наконец добрался до люка и выглянул наружу. Увиденное, подтвердило его худшие опасения.

— Пора уносить ноги, сестренка! Понятия не имею, до чего они там додумались и что собрались делать, но нам этот фокус со стеклом точно с рук не сойдет, — объявил лис и попытался спуститься со шкафа. Пострадавшая нога предательски подвернулась и он едва успел ухватиться за деревянный выступ. Две из четырех ножек шкафа угрожающе оторвались от пола, но, к счастью, тут же вернулись на прежнее место. Лис вовремя отклонился в другую сторону, восстанавливая равновесие. Он чудом удержался, успев упереть лук валарданских мастеров в потолок чердака. Островитяне были бы весьма озадачены, доведись им увидеть, как грубо обходятся с изделием их весьма дорогостоящего труда.

— Второй раз я сюда вряд ли заберусь, так что заканчивай рассиживаться на полу и перебирайся ко мне, я помогу тебе забраться на шкаф. Уйдем через крышу, пока не поздно, — выдал готовый план действий Эйнар.

— Я не могу, слишком высоко... — едва слышно выдавила из себя Тера, прижимая

ладони к шершавым доскам пола. Ее губы скривились в безнадежной усмешке, а плечи печально поникли, когда она поняла, что даже слабая попытка подняться с пола вызывает головокружение и дрожь в коленях.

— Какого Ловца ты несешь?! Сейчас не время для глупых шуток. Вот выберемся и шути сколько душе угодно, а теперь подъем, нам пора покинуть этот проклятый чердак! — Эйнар еще надеялся, что ответ Теры — лишь глупый розыгрыш, когда говорил эти слова, но всего одного пристального взгляда хватило, чтобы разбить все его надежды. Он с ужасом начинал понимать, что конкретно сделали зеркала, беря плату за давшееся с таким трудом колдовство.

Глава 3.2 Злой ветер

Лис до конца не мог поверить в существование такого редчайшего невезения. Все складывалось одно к одному и, конечно же, завязывалось петлей на их шеях именно сейчас, в момент, когда силы были уже на исходе.

В подтверждение его мыслям, раздался осторожный стук в дверь и, пока еще робкий, вопрос господина Сибидира, явившегося наконец проверить, что стало с его платежеспособным жильцом. У старика наверняка уже имелись мысли, как заставить господина Белого Лиса заплатить за исчезнувшие окна и блюдца, а также все другие полезные вещи, покинувшие безутешного енота, стоило тому пустить под свою крышу подозрительного двуликого, о котором ходило столько слухов.

— Господин, вы там живы? Вас не задел этот страшный ветер? — начал издалека старый скряга.

Продолжить ему не дал грохот, сотрясший весь дом. Кто-то настойчиво барабанил в дверь и задавал хозяину примерно те же вопросы, какие только что озвучил сам Сибидир. Не дождавшись ответа от постояльца, Грэнго развернулся и побрел отпирать входную дверь.

— Тера, нам пора уходить, — взмолился Эйнар, глядящий на сестру с сочувствием и абсолютной верой в то, что они еще поборются. Если стекольщица, к которой вернулся страх высоты, многократно усиленный соприкосновением с колдовством зеркал, все же не сумеет пересилить себя, ему придется спуститься со шкафа и взять ее на руки. Как при этом они станут забираться обратно на шкаф, позволяющий добраться до потолка и спасительного люка, он представлял весьма отдаленно.

— Иди один... Ветру стоило забрать и меня с собой. Стекло всегда остается лишь хрупким стеклом, рискующим разбиться, будь то хоть ваза, хоть сама стекольщица. Наивно было предполагать, что я смогу избежать участи многих других, — безнадежно посетовала Тера, оставив попытки сделать еще хоть шаг по направлению к шкафу. Подъем с пола дался ей ценой нечеловеческих усилий. Ее тянуло присесть обратно. Даже высота собственного малого роста казалась теперь непомерной.

— Либо уходим вместе, либо оба остаемся! — прорычал лис, впервые за всю жизнь осознавший, зачем тетя Клара обучала Теру не только тому, как быть настоящей стекольщицей, но и как отказываться от собственной сущности и становиться кем-то другим. Черностекольщики, красностекольщики, зеркальщицы, хрустальщицы и многие другие представители народа стекольщиков — все они обладали силой, но были при этом пугающе уязвимы в своих слабостях, приходящих вслед за использованием слишком сильного колдовства.

— Нас сдадут Корде, Тера. Ты ведь помнишь высокую гору прядильщиков? Они не просто так основали свой город на самой вершине, — принялся бить по больному лис.

Пользоваться излюбленной тактикой тети Клары ему претило, но он был вынужден признать, что она всегда приносила отличные результаты.

— Бесконечная кордская лестница, хватит одного взгляда вниз, чтобы закружилась голова. А сколько там ветров! Стоит только раз потерять бдительность и все, уподобишься крылатым Гродарина. Только в отличие от них, полетишь ты не вверх, а вниз.

Эйнар не отводил глаз от лица сестры и говорил с такой холодной уверенностью, что Тера сама не замечала, как делает шаг за шагом, стараясь укрыться от страшной картины под защитой того, кто не раз вытягивал ее из самых скверных историй. Осознала она, что все-таки справилась, лишь когда пальцы Эйнара намертво сомкнулись вокруг ее запястья. Лис одним сильным рывком втащил зеркальщицу на шкаф и тут же уперся свободной рукой в чердачную балку, восстанавливая равновесие.

В дверь яростно барабанили, но та не поддавалась, собираясь держать оборону до последнего. Выкрики, заполонивших лестницу разгневанных двуликих, набирали обороты. Они уже знали, кем оказался загадочный съемщик и, очевидно, припомнили все дурацкие слухи, которыми снабдил город полоумный клуб сплетников с улицы «Полезных дел».

— Я подправил замок, еще в первый день, так просто они сюда не ворвутся, — с мрачным удовлетворением заметил лис и принялся вылезать на крышу, таща за собой, невольно упиравшуюся Теру.

Эйнар понимал, что сейчас их жизни зависят только от того, смогут ли они выбраться на крышу и перебраться на противоположную сторону. Ветви старого вяза, растущего у кладбищенской ограды, подходившей почти вплотную к шестому дому, как раз касались крыши. При должном везении по ним можно было спуститься, не попавшись на глаза разгневанной толпы.

Тера тяжело дышала и пригибалась к мокрой после прошедшего дождя черепице. Она, как могла, старалась побороть свой страх, лихорадочно проговаривая слова старой шуттанской поговорки, переделанной другом детства специально для нее еще много лет назад. Он научил ее этим волшебным словам, когда совсем маленькая Тера, размазывавшая по лицу злые слезы и проклиная свой нелепый страх, мешавший ей, бывшей ничуть не хуже такого же мелкого и тощего, как она сама, мальчишки, с легкостью порхать по канату, не страшась упасть и свернуть себе шею.

Сейчас, стоя на скользкой крыше, боясь посмотреть вниз, она с трудом могла поверить в то, что Ригби, ее дорогой друг из Шутты, когда-то смог, играючи преодолеть мучивший зеркальщицу, вполне распространенный для всех стекольщиков — страх высоты. Тогда он не просто заставил ее влезть на канат, но и научил быть такой же ловкой и легкой, как он сам. И вот теперь все вернулось, она вновь тряслась и задыхалась от ужаса перед пустотой, отделявшей ее от такой далекой и твердой земли.

— Мой страх живет только во мне одной, я сама решаю, как с ним обойтись. Захочу — оставлю, захочу — прогоню. Страх мой, лишь я могу выбирать, что с ним делать... Я иду, я не смотрю в низ. Я смеюсь, глядя в глаза пустоте, отделяющей меня от удара о землю! — продолжала убеждать саму себя Тера, развивая спасительную мысль так и эдак, пока брат тянул ее за собой, оскальзываясь на потемневших от влаги черепицах.

Ветер путался в растрепавшихся волосах зеркальщицы и охлаждал лицо. В какой-то момент ей показалось, что она вот-вот ухватится за хвост верткой уверенности в своих силах. Но стоило ей бросить неосторожный взгляд вниз, как новая волна паники заставила ее припасть к крыше и дернуться назад, в сторону, оставшегося за спиной спасительного люка.

Едва не вывихнув себе руку, Тера чуть не столкнула Эйнара, тратившего все силы, на то, чтобы удержаться на крыше самому и не упустить, упирающуюся и не желавшую помогать ему сестру.

Послышался особенно громкий удар, а затем и нарастающий шум голосов. Толпа ворвалась на чердак. Оставалось лишь делом времени, когда беглецов догадаются искать на крыше.

Не видя другого выхода, Эйнар с силой дернул на себя Теру и точным ударом приложился древком лука к ее голове, пониже затылка. Удар был несильным, но метким, точно в то место, как учил шуттанский купец — близкий друг тети Клары, побывавший ни в одной передраге и всегда выходивший, если не победителем, то, хотя бы, не проигравшим. Особого вреда такой удар нанести не мог, зато противник лишился сознания и переставал вредить, что было сейчас настоящим спасением.

Лис повесил лук на одно плечо и взвалил, обмякшее тело сестры на другое. Хоть Тера и весила не больше мешка картошки, больная нога сразу же дала о себе знать и Эйнар чуть не полетел с крыши, опасно накренившись при первом же шаге в сторону противоположного ската.

Кровь начала пропитывать повязку. Пот, катившийся градом, застилал и без того скудный обзор. Эйнар успел убраться от люка и спрятаться за массивным каменный дымоходом, как раз вовремя. В следующую минуту, один из ворвавшихся на чердак двуликих, догадался выглянуть на крышу, вместо того чтобы бесполезно обшаривать чердак, на котором при всем желании не удалось бы спрятаться даже маленькой мыши.

— Его здесь нет! — заорал, оставшимся внизу, рыжий Рилтис, рьянее всех поддерживавший хозяйку «Бурой лапы». Вот только его прежние мотивы резко сменили курс, когда он оказался в доме енота Сибидира. Теперь Адама подталкивало к действию, лишь острое желание не остаться крайним.

Предполагаемым постояльцем, учинившим весь этот уличный беспорядок, был знаменитый господин Белый Лис, поэтому на Рилтисе сошлось слишком много подозрительных взглядов. Он хорошо понял, о чем подумали воинственные двуликие. Пришлось спешно уверять всех, что Белый Лис и не лис вовсе, будто Адам Рилтис такой простака, что и не признал бы сородича. И кого старый полосатый дурак пустил под свою крышу, еще проверить нужно!

— Не высовывайтесь и не шумите! Я уведу их с чердака, тогда и спуститесь обратно, — еле слышно прошипел рыжий заговорщик своему северному лисьему собрату, уловив присутствие того по запаху.

Адам Рилтис был способен учуять кого угодно и где угодно, но жизнь повернулась к нему спиной. Он так и не сумел стать сыщиком, как мечтал с самого детства. Теперь же он наконец использовал свой острый нюх по назначению — выискивал способ спасти не только свою рыжую шкуру, но и жизни двух незнакомцев, от одного из которых пахло особенно странно, запах был горьким и каким-то травянистым. Эта смесь Адаму совсем не понравилась, так что он еще больше уверился в правильности принятого решения. Не хватало еще попасть под горячую руку пьяной толпы, ищущей на каком бы лисе отыгаться за чашки, блюдца и уродливые вазочки, которые сто лет никому не были интересны, но оплакивались теперь, как величайшее сокровище всего Дэйлиналя. Если окажется, что Белый Лис и правда виновен, они не станут долго разбираться в цветах, а разорвут за компанию и его рыжего собрата.

— Спасибо, друг, — удивленно отозвался Эйнар, уже приготовившийся сражаться и, вдруг, получивший нежданного союзника там, где и не ждал.

— Народ, мне кажется, я что-то вижу на кладбище. Похоже правы были, решившие искать призраков растревоженных преступников. Ох и страшны! Вижу троих, плывут над землей, трясут кандалами и светятся. Сюда плывут! — напустив в голос побольше зловещих ноток, рыжий лис умело посеял новую волну паники. Он с ловкостью сыграл на недавних страхах и суевериях, переполнявших души двуликих, заполонивших чердак. Все они предвкушали расправу всего над одним врагом. Но появление целых трех неизвестных злобных духов, значительно поколебало их уверенность в собственных силах.

Не прошло и минуты, как дом опустел, даже старика Сибидира, упиравшегося всеми конечностями, уволокли, не желая отдавать на съедение кладбищенским гостям.

Двуликие, хоть и умели, когда требовалось, проявлять свирепость и даже жестокость, все равно оставались самими собой — в сущности неплохими людьми со звериными инстинктами, порой оказывавшимися куда человечнее, нежели порывы обычных людей или тех же прядильщиков, не умевших превращаться в бобров или рысей, но способных бросать себе подобных и уходить, не оборачиваясь и не задумываясь о последствиях своего нежелания остановиться, хоть на минуту, чтобы помочь.

Убедившись, что все тихо, Эйнар выбрался из укрытия, взвалил, не приходящую в сознание Теру на спину и стал возвращаться обратно, на успевший надоеть ему хуже смерти чердак. Спуск дался не без труда. Раненая нога отказывалась слушаться и казалась чужой, зрение начинало тускнеть и плыть. Лис уже чувствовал, как яд медленно дюйм за дюймом отвоевывает его плоть, поднимаясь все выше.

Позволив себе короткий отдых, Эйнар здраво оценил свои возможности и принял непростое решение — попросить помощи, понимая, что это может закончиться очередными неожиданностями. Но, другого выбора у него не было, оставался лишь один вопрос — к кому именно следовало отправиться.

Двое возможных спасителей жили по соседству, что повышало шансы застать хоть кого-нибудь из них дома, но на той же улице обитали члены злосчастного клуба сплетников, а с ними встречаться не было никакого желания. Еще один кандидат находился значительно ближе, к тому же, мог оказать куда более существенную помощь, но была загвоздка — он и сам мог сильно пострадать, заметь кто-нибудь господина Белого Лиса, пробирающегося к его дому. А лишних глаз поблизости всегда хватало...

Был еще один двуликий, к которому можно было смело обратиться и получить всю возможную помощь и поддержку. Вот только застать его на месте к тому часу, как Эйнар сможет добраться со своей ношей, могло и не получиться. Дом надежного друга, как на зло, сейчас перестраивали и к кому из своих многочисленных приятелей и родственников он сегодня отправится в гости угадать практически невозможно. Да и заявляться в чужие дома было слишком опасно.

Решив понадеяться на удачу, задолжавшую им целое состояние, Эйнар вытянул из кармана плаща Теры туманный платок, о котором так вовремя вспомнил и нацепил его себе на лицо. Теперь можно было не опасаться, что его узнают и попытаются схватить.

Лис постоял еще немного, настраиваясь на длительную прогулку и, не спеша двинулся со своей ношей к выломанной двери. Силы тому, кто сумел так искорежить, казавшуюся непробиваемой преграду, было явно не занимать. Им очень крупно повезло, что их так и не поймали!

Спускаясь по скрипучей лестнице, Эйнар гадал о той информации, которую Тере удалось вытянуть из лука, начавшего приносить пользу лишь после того, как лис почти махнул на него рукой. Замотанный в найденную на чердаке тряпку, валарданский трофей смотрелся не слишком солидно, зато прекрасно помогал продвигаться вперед, ослабляя давление на левую ногу, болевшую с каждым шагом все сильнее, а главное — не привлекал лишнего внимания.

Путь до таверны казался бесконечным. Эйнар окончательно сбил дыхание. Его шатало во все стороны. Лис даже не был уверен в правильном ли направлении движется, когда впереди неожиданно показалась вывеска — здоровенная и, на редкость криво нарисованная, рыба. Деревянная плутовка подмигивала черным глазом, раскачиваясь на крепких железных цепях и служа отличной рекламой для старого, приличного заведения. Едва ли хоть кто-нибудь радовался при виде нее больше, чем Эйнар, воспрянувший духом, стоило ему рассмотреть вначале знакомую уродину, а затем и свет на верхнем этаже дома.

За то время, пока лис преодолевал свой путь от проклятого шестого дома, наступила глубокая ночь. Первый этаж таверны, отведённый под харчевню, был темен и тих, как и второй, на котором располагались комнаты постояльцев. Не спал лишь глава семейства — двуликий белый медведь, так и не поддавшийся на уговоры отправиться домой к сыну или внукам, когда в городе началась суматоха.

Собрав все оставшиеся силы, Эйнар обошел «Хитрую рыбу» и присмотрелся к маленькому окошку под самой крышей, выходящему на задний двор таверны. С улицы свет был едва заметен, но и он давал гостям возможность заявить о своем приходе, не перебудив весь дом.

Уставший лис, осторожно опустил зеркальщицу на землю, присмотрел небольшой камешек, как мог прицелился, огонек все время куда-то уплывал и двоился, а потом, что было сил, отправил первый снаряд в окно. К досаде, попасть не удалось ни с первого, ни с шестого раза.

Силы начали окончательно иссякать. Ногу жгло так, что он уже не мог на нее опираться. Приходилось переносить весь вес на костыль из лука. А новый камень все никак не желал находиться.

Когда во дворе наконец показался грозный хозяин, пораженный наглостью дурака, решившего обкидывать его достойное заведение камнями, Эйнар уже почти не различал происходящего вокруг.

Первая причина, заставившая почтенного белого медведя прервать свои дела и задуматься о походе на задний двор заключалась в предположении, что некто пытается побить ему окна, как это, судя по слухам, произошло в одном из бедных кварталов Боривала с другой медвежьей семьей. Но предположение оказалось в корне неверным. Ночной бездельник так ни разу и не попал, лишь насмешив медведя своей безрукостью.

И все же настойчивость неудачных попыток в какой-то момент сумела добиться того, в чем потерпела поражение меткость — утомленный неугомонностью хулигана, белый медведь отложил свои счета. Производить расчеты и сбиваться каждый раз, как косой нахал швырял очередной камень, было невыносимо. Он отложил очки, задул свечу и отправился на расправу, не забыв прихватить с собой хворостину. Избивать метателя он не собирался, а вот припугнуть как следует — вполне, чтоб не повадно было нарушать ночное спокойствие добрых боривальцев.

— Вижу жить тебе совсем надоело! — беззлобно пробасил медведь, подходя поближе и

видя, что кроме, пошатывающегося бездельника, опиравшегося на странную палку, обмотанную какой-то грязной тряпкой, на земле лежит еще один двуликий, то ли пьяный, то ли мертвый, которого хозяин «Хитрой рыбы», бросивший мимолетный взгляд в маленькое окошко под самой крышей, принял за тощий мешок, таким тот был мелким, серым и неподвижным.

— О нет, Хэвард, совсем наоборот, — прохрипел в ответ лис, стягивая с лица туманный платок.

— Ах ты! — пораженно воскликнул, отпрянувший от неожиданности великан, но тут же подавил свое изумление. Странно было ожидать от валарданского ловчака менее эффектного появления. — Давно не виделись, Эйнар. Смотрю, что ты не изменяешь своим традициям появляться у старых друзей лишь тогда, когда дела совсем плохи. И зачем это ты притащил к моему порогу этого несчастного, хочешь, чтобы я помог тебе его зарыть? Так опоздал, Молли уже заняла весь сад под свои розы!

Обида за долгое нежелание Эйнара являться в гости не успела пустить корни глубже, так как лис начал заваливаться и вскоре присоединился к своему приятелю, изображавшему неподвижный, пыльный мешок.

— Все такой же мастер избегать оправданий и извинений! — Покачал головой Хэвард и с легкостью подхватил вначале одного ночного гостя, а затем и второго. Взвалив обоих на могучие плечи, силач спокойно вернулся в таверну, тихонько насвистывая традиционный северный мотив, знакомый с детства.

Несмотря на упрек, он был очень рад белому лису, хоть тот и появлялся в последнее время все реже и по совсем уж невеселым делам. То, что в этот раз он явился не один, так медведь отлично догадывался кого Эйнар мог притащить с собой. Хэвард уже давно хотел познакомиться с его неуловимым напарником, способным, по слухам, стянуть хоть золотой венец с головы Верховной прядильщицы, дай ему только волю.

Глава 4. Таверна «Хитрая рыба»

Предприимчивость боривальских стражников, охранявших основные ворота города, служила вечным поводом для городских анекдотов, пополнявшихся новыми курьезами чуть ли не каждый месяц.

Наиболее отличившимися стали стражники Восточных ворот — двуликие ласка Вайтис и рысь Блэркит. Они долго думали, как бы поправить свое финансовое положение, после того, как злобное начальство в лице двуликого кабана Хрюнтэйля пришедшего на смену, вышедшему на пенсию двуликому хорьку Лоянсу, лишило их заслуженной премии из-за сущего пустяка — мелкой торговли обычными дорожными мешками с припасами для путешественников, не успевших запастись всем необходимым загодя.

Принципиальный кабан обнаружил в мешках фляжки с элем и тут же поднял страшный визг, обвиняя стражников в грубейшем нарушении дисциплины и пьянстве на посту. Он даже хотел выпроводить обоих со службы, но его рапорт проигнорировали, а Вайтису и Блэркиту, отличавшимся редкой добросовестностью и бдительностью, в тайне посочувствовали.

Не найдя ничего лучшего, деятельные стражники воспользовались предложением свояченицы Вайтиса и стали продавать леденцы. На этот раз они не просто избрали самый безобидный товар, но и решили ловко перестраховаться, начав отдавать часть дохода боривальскому приюту.

Леденцы на палочках имели большой успех, как у приезжих, так и у местных жителей,

считавших благотворительность в пользу сирот достойным занятием. Даже Хрюнтэйль, имевший собственное большое семейство, оставил стражников в покое и нередко возвращался домой, неся за пазухой сверток с гостинцами для ребятни. Но разве можно представить восточную стражу без казусов и разнообразных историй? Конечно же нет!

В один прекрасный день стражники посоветовались между собой и решили улучшить и без того популярные конфеты.

Со дня совета не прошло и пары недель, как они явились к свояченице Вайтиса, работавшей в кондитерской и снабжавшей их маленькое совместное предприятие товаром, с особыми фигурными формочками, привезенными аж из самого Валардана по личной просьбе хозяйки «Важных мелочей». Блэркит очень обрадовался, когда Салли Шмыгинс согласилась помочь им и договорилась со знакомым купцом. Тот пообещал зайти в одну из недорогих валарданских мастерских и сделать нужный заказ, а потом и привезти хитрые приспособления, не забыв лично убедиться в добротности изделий при оплате.

Несмотря на более чем умеренную цену, работа юного подмастерья, решившего взяться за тонкое литье незнакомой металлической конструкции, превзошла все ожидания.

Приготовленные в новых формочках сладкие фигурки выглядели, как настоящие и стражники, увидев такое чудо, уже мысленно поздравляли друг друга с очередной прекрасной идеей, как вдруг, удача, любившая пошутить над самонадеянностью, покинула их. Вместо нее явилась Харриэт Прыгги, возвращавшаяся из Корды, куда ей пришлось ехать для пересмотра вопроса о строительстве нового моста, остро необходимого городу уже не первый год. Прядильщики вновь отвергли трудоемкий проект и отказались помочь с финансированием ремонта старого, хотя проехать по тому, не помянув всех святых и покровителей городов своих и чужих разом, было невиданным делом, даже для самых смелых.

Двуликую задело столь явное безразличие столицы к нуждам Боривала, а потому она была зла, раздосадована и воспринимала провал, как личную неудачу. К тому же она не справилась и с другими поручениями мэра, из-за чего не представляла, как оправдаться и какие решения предлагать взамен.

Кто знает, возможно не будь двулика белка в таком скверном расположении духа, судьба новинки Восточных ворот могла бы сложиться иначе. Но Харриэт была взвинчена до предела, а громкие выкрики Вайтиса о «белке на палочке», которой непременно следует отгрызть голову, долетали до ушей пополам со смехом членов клуба сплетников с улицы «Полезных дел», пришедших поглядеть на улучшенные конфеты. Вот тут-то самообладание Прыгги и дало трещину!

Секретарь мэра, в отличие от подавляющего большинства боривальцев, слепо одобрявших «благотворительные сладости» и раньше не была в восторге от конфетного предприятия восточных стражников. Она имела собственное мнение на этот счет и усматривала в их деле лишь наглую расчётливость, замаскированную под добрые дела, о чем и сообщала им, всякий раз, как проходила мимо. А еще, она тщательно проверяла доходит ли хоть часть от обещанных приюту денег до сирот или нет.

Прыгги не успела рассмотреть в сумерках лоток с симпатичными леденцами в форме белок, но прекрасно увидела своих давних врагов из клуба сплетников в полном составе. Тут же дальнейшая судьба стражников и недругов была предрешена!

Харриэт раздула щеки, перехватила поудобнее ручку маленького дорожного саквояжа, прочистила горло для дикого воинственного клича и как следует разбежавшись, ринулась в

атаку, не разбирая дороги и не обращая внимания на подворачивающихся по пути случайных прохожих.

В потасовку у Восточных ворот незаметно втянулись соседние лоточники, также боровшиеся за вечерних, а значит, непременно, голодных приезжих, мальчишки газетчики, спешащие распродать остатки газет и простые обыватели, решившие, что кто-то невообразимый пытается пробиться в Боривал, минуя героическую стражу, бьющуюся до последней капли крови, на своем ответственном посту.

Стычка приобрела нешуточный размах и закончилась тем, что на место уличного беспорядка прибыл сам мэр в сопровождении нескольких патрулей городской стражи.

Разобраться из-за чего началась драка и выявить зачинщиков, чтобы наказать их по всей строгости за учиненный переполох, так и не удалось. Главные участники стойко молчали и лишь сверлили друг друга ненавидящими взглядами, а город обзавелся очередной байкой о героической битве за Восточные ворота.

Что касается первопричины всех бед, то стражникам пришлось заказать себе другие формочки, а пресловутых «белок на палочке» продавать уже на полной благотворительной основе, разве что за исключением трат на необходимые ингредиенты. И главное — никаких криков об откусывании голов! Ссориться с секретарем мэра, пристыженные стражники не решились. Прыжки оказалась на редкость грозным бойцом, умело орудующим простым саквояжем.

Прошло немного времени, страсти поутихли и многочисленные просьбы о сохранении «воинственных белок с копьями», как их стали называть, возымели свое действие. Полюбившиеся леденцы так и не перестали готовить. А со временем, именно этот вид конфет превратился в традиционный боривальский сувенир. Путешественники считали необходимым завершить свою поездку из Боривала приобретением этого лакомства.

Харриэт же стала относиться к заработку восточной стражи с большим пониманием и даже одобрением, особенно когда увидела, как прохуdivшаяся крыша «Лесной малютки» однажды сменилась на новую, а за ней и обветшалая, шаткая лестница, внушавшая трепет всем, кому приходилось по ней взбираться.

Не обошел своим вниманием разноцветные леденцы и шуттанец, явившийся в Боривал пешком через Восточные ворота в полдень. Шел он налегке и в полном одиночестве. Оглядевшись по сторонам ясным, любопытным взглядом, молодой человек направился напрямик к нарядному лотку, прибитому сбоку от двери караульной будки. Ему сразу приглянулись разноцветные леденцы. Чужестранец потянулся за кошель, свисавшим с его богато украшенного пояса. Вытянув пару золотых монет, вместо горсти медных, шуттанец спохватился и тут же убрал крупные треугольные монеты обратно в кошель. Достал из кармана мелкие шестиугольные.

Оплачивая покупку, он не упустил возможности перебраться парой фраз со словоохотливым стражником. Свежие боривальские новости оказались более чем любопытными. Постояв на месте еще немного, гость города поправил пояс, на котором позвякивал тугий расшитый кошель, и медленно двинулся к центральной площади, лениво заложив руки за спину. Солнечные лучи весело играли на гранях крупных самоцветов, вставленных в массивные браслеты, опоясывающие тонкие загорелые кисти чужака.

Шуттанец шел так медленно и расслаблено, а его взгляд был столь безмятежен и рассеян, что маленький воришка, приметивший, как богач достает золотые треугольные монеты из кошель, а затем легкомысленно возвращает их на прежнее открытое место у

пояса, все-таки не удержался и решил попытать удачу.

Шустрый малец проследовал за прогуливающимся господином до более оживленной улицы и незаметно подкрался сбоку, когда толпа прохожих стала чуть гуще. Ему удалось срезать кошель, не потревожив внимания мечтательного простака, и он уже собирался удрать, представляя себя богатым и важным, как вдруг ноги сами собой оторвались от земли, а заветный кошель с издевательским звоном вернулся к своему законному владельцу, пронзившему воришку цепким и далеко не наивным взглядом внимательных зеленых глаз.

Гипнотизируя свою добычу, словно удав, человек хищно улыбнулся, демонстрируя два ряда ровных белых зубов и заговорил.

— У тебя отличные руки, парень! Если их не переломают раньше времени, имеешь все шансы стать отменным карманником. Будь на моем месте кто-нибудь другой, тебе бы все удалось, но на мне годами тренировались лучшие «мастера», так что прости, но это мое, — спокойно начал свою речь человек и потряс кошель перед лицом раздосадованного мальчишки, приготовившегося выкручиваться.

— Пожалуйста, отпустите, добрый господин, я больше никогда так не поступлю, — заканючил мальчишка хорошо поставленным и тщательно отрепетированным голосом самого честного на свете волчонка, стянувшего чужое имущество по чистой случайности, без вредной мысли.

— О, да у тебя и в этом талант имеется, может тогда в актеры, а не в грабители? Жаль тебя расстраивать, но одна непревзойденная особа, так же избрала именно меня в число своих излюбленных мишеней для оттачивания актерских талантов, а уж до нее, не только тебе, но и всем прочим, еще очень и очень далеко, — опутив воришку на землю и крепко схватив того за плечо, весело объявил шуттанец, начисто разбив надежду волка на обычный исход дела.

Но, вопреки опасениям, чужестранец не проявлял признаков недовольства или агрессии, а лишь продолжал улыбаться и внимательно присматриваться к попавшемуся на горячем, двуликому.

— Я дам тебе одну из тех блестящих монет, на которые ты так неосторожно положил глаз, если поможешь мне в одном небольшом дельце, — пообещал человек, таинственно понижая голос и с интересом наблюдая за переменами эмоций на открытом детском лице. Сначала проявилось недоверие, затем дикая радость, сменившаяся сомнением и, наконец, панический страх. Мальчишка предпринял отчаянную попытку вырваться, затрясся, как осиновый лист и судорожно замотал головой.

— Ой нет, не могу я убивать! Пощадите, пожалуйста, добрый господин, я правда больше не буду, честное слово, никогда больше не посмотрю на проклятые кошель, хоть собственным хвостом поклянусь! — выпалил на одном дыхании юный преступник, вмиг осознавший всю шаткость своего положения.

Нарваться на шуттанского убийцу среди бела дня, да еще маскирующегося то ли под заезжего купца, то ли под праздно шатающегося богача — это еще нужно было постараться. И где? Не в богатом Гродарине или влиятельной Корде, а в нищем Боривале! Ну, вот кому понадобилось нанимать такого холеного душегуба, чтобы прикончить кого-то в городе двуликих?

Это было бы даже смешно, если бы не было так страшно. К тому же, невезучий волчонок, как на зло, прекрасно рассмотрел худое лицо чужестранца и отчетливо запомнил приметный косой шрам над правой бровью, выделявшийся белой полосой на загорелом

лице. А после такого его точно не отпустят живым...

В ответ на своеобразное предположение двуликого карманника, шуттанец лишь залиvisto рассмеялся. Смех у него оказался слишком громким для такого невысокого и на вид спокойного человека, а еще он был на редкость заразительным. Мальчишка сам не заметил, как присоединился к незнакомцу и перестал трястись, придумывая себе все большие напасти и ужасы.

— А что у Вас за дело, наверно жутко сложное и мудреное? — робко спросил маленький волк, передумав убежать, когда его отпустили, давая возможность самому решать — удрать или остаться и выслушать.

— Нет, ты снова не угадал. Я давно не был в Боривале и мне нужно кое-кого найти, а для этого придется пройтись по вашему чудесному городу и пообщаться с разными двуликами. Составишь мне компанию и отведешь, куда скажу — золотой твой. Но ты можешь отказаться...

— И всего-то?! — удивленно воскликнул мальчишка, немедленно перебивая словоохотливого богача, чтобы не дать тому шанс передумать и забрать свое выгодное предложение назад.

— Верно, совсем простая сделка. К вечеру я тебя отпущу, а может и раньше, если повезет с поисками. Так как, по рукам? — весело спросил шуттанец, выжидающе глядя на маленького собеседника, успевшего позабыть о своих недавних подозрениях, но уже обзаведшегося новыми, еще более невероятными.

Длинные пальцы, протянутой для рукопожатия руки, были унизаны причудливыми золотыми перстнями тонкой работы. Волчонок невольно оробел, рассмотрев их, как следует. Он хорошенько задумался, отбросив нелепые подозрения о шуттанском убийце, о том, кого же ему все-таки пришлось в голову обчистить, раз этот уверенный господин с кошельком, набитым золотом под завязку, и кучей драгоценностей с такими крупными камнями, каких в Боривале и не видели, прибыл в город совсем без охраны, да еще и пешком?

На ум приходили разные предположения — от принцев до заморских колдунов, способных сотворить целое богатство из воздуха, если верить сказкам. Последняя мысль волчонку совсем не понравилась и он решил убедиться в подлинности монеты, которую уже считал своей собственной.

— Хорошо, только треугольную вперед! — не особо надеясь на такой легкий переход золотой монеты в его полное владение, заявил двуликий.

Волчонок уже представлял, как сейчас можно будет пройтись по всем самым приличным и красивым местам города, а потом отправиться домой, унося в кармане целое богатство, невероятное для такого маленького воришки, как он.

— Ладно, лови, — согласился беспечный человек, даже и не думая спорить. Он ловко отправил монету в полет, щелкнув большим пальцем об указательный, и тут же отдал первое распоряжение: — А теперь отправляемся напрямиком в квартал «Пропитых медяков»! Полагаю, что это достаточно далеко отсюда, а нам еще многое нужно успеть.

— Но... но зачем же туда? — пропищал, заикаясь, опешивший от такого неожиданного выбора волчонок. — Вы, наверное, не слышали, господин, но там такое пару дней назад творилось, что просто жуть и страх! На «Битых козырях» все стекло исчезло, как по волшебству. Говорят, окна побили, но я-то точно знаю, что там дело не чисто. Моя троюродная кузина собственными глазами все видела, а она честная, понапрасну сочинять не станет. Может, поищем где-нибудь в другом месте, а? — с надеждой протянул

мальчишка, прижимая к груди зажатый в ладонях золотой.

— К сожалению, мой юный друг, те кого я ищу, чаще всего находятся именно в тех местах, где происходит какая-нибудь жуть и страх, как ты удачно выразился, — с явной горечью в голосе ответил шуттанец и глаза его недобро блеснули, отражая скрытые за улыбками и шутками, тяжелые мысли. Было видно, что ему и самому не слишком-то хочется отправляться в грязный квартал бедняков, рискуя перепачкать свои длинные одежды, выделяющиеся тонкой вышивкой и яркими цветами шелков.

Не став больше спорить, мальчишка повел чужестранца через весь город напрямик в бедняцкий квартал. Слухи о недавних происшествиях, разыгравшихся на его улицах, взбудоражили весь город и заставили двуликих обходить «Пропитые медяки» десятой дорогой.

Пока пробирались бесконечными хитросплетениями улиц, по самой короткой дороге, волчонок без умолку болтал, пересказывая последние новости, разнообразные сплетни и даже городские легенды. Человек внимательно слушал и лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Воодушевленный таким явным вниманием важного господина к его словам, маленький двуликий обстоятельно все объяснял и, даже, делился собственными предположениями, когда это требовалось.

Осмотр квартала занял не слишком много времени. Чужестранец морщился и старался ступать по наиболее чистым участкам, как можно шустрее. От его медлительной походки не осталось и следа. Резкие запахи и необходимость пробираться сквозь горы хлама, словно нарочно выброшенного жителями близлежащих домов на улицу прямо под ноги, осложняли неприятное путешествие и делали этого человека все более молчаливым и мрачным.

Остановился шуттанец лишь возле трактира «Бурая лапа». Он задал хозяину заведения, увлеченно натиравшему новые оконные стекла, всего пару вопросов и тут же двинулся в сторону шестого дома, не забыв, впрочем, отблагодарить медведя за новые сведенья парой монет.

Обойдя трехэтажное здание со всех сторон, чужестранец остановился и поднял что-то с земли, предварительно откинув носком сапога, толстую ветку, придавившую находку и не позволившую ветру или многочисленным потоптавшимся на месте странных событий, повредить или унести хрупкую вещицу. Шуттанец удовлетворенно кивнул собственным мыслям, пряча найденный предмет в карман, и собрался посетить владельца дома, как вдруг, до его слуха долетел приближающийся топот копыт и радостное ржание.

Дальнейшие поиски были прерваны. Любопытные взгляды прохожих и, выглянувших в окна жителей, скрестились на коне, мчавшемся прямо на чужестранца и его маленького спутника, открывшего от изумления рот.

Таких удивительных скакунов двуликие никогда не видели! Длинный черный хвост и белая густая грива развивались на ветру блестящими волнами. Шелковая пятнистая шкура коренастого красавца не позволяла определить какой цвет преобладает в его окрасе — черный или же белый. С крепких мускулистых ног свисали длинные лохматые фризы, покрывавшие почти все копыто. Но самым главным было не это, а то, как двигался этот удивительный конь! Казалось, что он перетекает с места на место, так мягко ему удавалось скользить по земле, словно и не задевая её мощными копытами. Он несся, с легкостью преодолевая любые преграды и не обращая ровным счетом никакого внимания на вскрики шарахавшихся прохожих, спешащих убраться из-под копыт, непонятно откуда взявшегося животного, лишь отдаленно напоминавшего тех смиренных, неказистых лошадок, к которым

привыкли боривальцы.

Вдоволь налюбовавшись и, наконец, заметив то, на что стоило обратить внимание с самого начала, а именно, на скорость и направление, мальчишка с тихим писком дал деру, чтобы избежать неминуемой встречи с парнокопытным чудищем, уверенными скачками, приближающимся все ближе и ближе. Расставаться с только наладившейся благодаря золотому жизнию, в его планы не входило.

Невысокий, но мощный и лохматый, в глазах ребенка конь казался сказочным исполином, выбравшимся на улицу «Битых козырей» напрямиком с пожелтевших страниц старых сказок. Вид его плавного, завораживающего бега был прекрасен, но вместе с тем и опасен в своей стремительной неотвратимости.

Резко сбавив скорость лишь в нескольких ярдах от неподвижно замершего в ожидании его приближения хозяина, привыкшего за долгие годы к рискованным выходкам своего любимца, конь затормозил и весело припал на передние ноги, становясь похожим на большую игривую собаку. Затем, приветственно заржав, он потянул бархатным носом воздух и стал тыкаться мордой в бок шуттанца.

— Ах, ты мой хороший, так обрадовался встрече! Решил-таки наконец присоединиться к своему ненужному хозяину, пока тот не утонул в какой-нибудь мерзкой луже или не лишился на радостях дара речи от «красот» здешних улиц. Какой же ты у меня молодец, — принялся ворковать над ласковым конем человек, наивно полагая, что тот проявляет восторг при виде целого и невредимого хозяина.

Однако, он скоро осознал свою ошибку и прекратил трепать густую гриву, выбирая из нее сухие листья и даже мелкие веточки. Шуттанец потянул хитрого коня, выискивавшего доступ в карман, таящий источник вкусного запаха, за шелковое черное ухо и стал нарочито грозно увещевать.

— Вот ты значит как! Не забота обо мне гнала тебя обратно, а старое доброе обжорство. И чему я только удивляюсь? Будто сам не знаю, кто приложил руку к твоему воспитанию, точнее, к полному его сведению на ноль! Нет уж, дружок, никаких леденцов. Как это ты еще не слизнул весь лоток бедных стражников, пробегая мимо ворот или может мне просто пока об этом не известно? — спросил чужестранец у показательно присмирившего пятнистого разбойника, продолжавшего коситься на хозяина хитрым взглядом.

Человек, понявший свою ошибку и всю тщетность воспитательных мероприятий, демонстративно перепрятал угощение в другой, более надежный карман, до которого сладкоежка не мог так просто дотянуться. Затем он стал оглядываться по сторонам, ища двуликого мальчишку.

— Никому нельзя верить... И как нам теперь возвращаться к более фешенебельным улицам? А все ты и твои выходки! И где, спрашивается, новое седло, которое мы купили всего две недели назад? — продолжил допрос шуттанец, стараясь не поддаваться на умоляющий взгляд пятнистого попрошайки и требовательные удары копытом о землю.

— Всё, вот как только найдем её, сдам тебя с рук на руки. Будете вместе вытворять все, что взбредет в ваши сумасшедшие головы, а Эйнар пусть присматривает и занудно поучает, помнится у него это недурно выходило, — пригрозил человек, на что конь лишь угрожающе щелкнул зубами у самого его носа, расслышав ненавистное имя мучителя времен его тяжелого детства.

Пятнистый негодник еще помнил, как злой двуликий лис отбирал честно украденные булки и прочие сладости, стоило только им с доброй Терой отправиться за чем-нибудь

вкусненьким или интересным. Вездесущий надзиратель казался суровым и жутко строгим для тогда еще маленького, тощего жеребенка. Лохматый соучастник бесконечных проделок Теры не понимал, за что их так долго и утомительно отчитывают, а потому таил и накапливал обиды, вылившиеся с возрастом в большую нелюбовь и попытки укунить лиса. Особенно коню доставляли удовольствие нападения, удававшиеся в те редкие моменты, когда обидчик принимал звериный облик и обзаводился пышным хвостом, за который было очень удобно дергать.

— Ты только посмотри на эту халупу, вот что они в ней забыли? Ладно, давай выбирать, раз ты все же решил вернуться и помочь в поисках, — сказал человек и вытащил из кармана, недавно подобранный предмет. — Ещё помнишь ее запах? По слухам, она была здесь всего пару дней назад, что-то должно было сохраниться. Хотя, конечно, найти один тонкий аромат среди зловоний улиц здешнего квартала — это задача не из легких, а ты совсем обленился, да и подрастерял все свои таланты, — настраивал на сложное задание необычного коня человек. Тот, как всегда, поддался на провокацию, повел своим черным носом над ладонью шуттанца, постоял минутку, наклонил морду к земле и стал что-то выискивать, кружась вокруг дома.

За всей этой картиной следили жители улицы и прохожие, но понять, что происходит и о чем говорит со своим странным конем чужеземец, они не могли, потому что при первых же словах в адрес разумного животного, шуттанец перешел на родной язык своей далекой страны, которого на «Битых козырях», разумеется, никто не знал. Потому двуликим приходилось лишь жадно наблюдать и строить самые невероятные предположения. Не меньше, чем поведение пятнистого сыщика, роющего землю носом и что-то выискивающего, поразил стремительный скачок человека, в мгновение ока оказавшегося на спине жеребца, когда тот поднял голову и ткнулся мордой хозяину в плечо. Конь без седла и его невозмутимый наездник, ловко обходившийся без помощи уздечки, исчезли так же внезапно, как и появились.

Переходя с шага на рысь и останавливаясь, чтобы покрутиться на месте, а потом вновь продолжить путь, конь неуклонно преодолевал закрученные улицы Боривала. Временами ему приходилось особенно тщательно обнюхивать землю и даже рыть ее копытом, отыскивая что-то лишь ему ведомое.

Поиски затягивались. Двуликие с интересом косились на яркого чужеземца, держащегося на своем черно-белом жеребце без седла, с удивительной легкостью и абсолютно отсутствующим видом, будто все идет ровно так, как и задумывалось. Лица прохожих вытягивались, а глаза расширялись, не часто им приходилось видеть таких необычных гостей города.

Завершилась утомительная поездка, проделанная по всевозможным закоулкам и подворотням, коротким галопом по паре чистых улиц Старого города и остановкой перед дверями приличного на вид заведения с абсолютно непонятной вывеской, раскачивавшейся на ветру и служившей каким-то лишь одному ее хозяину ведомым целям. При виде такой удивительной мазни, шуттанец, даже тронул шею коня, прося того остановиться, чтобы иметь возможность получше рассмотреть деревянное чудище.

— Ты только посмотри на это несчастное существо, Фог! О, да здесь и название имеется... М-да, Боривал явно далек от понимания, что такое море и кто в нем обитает, — со знанием дела заметил шуттанец, проведший на кораблях, чуть ли не четверть жизни.

Пятнистый обжора, умудрявшийся съесть все, что только попадалось на его пути, если

это было вкусно или хотя бы съедобно, оглядел вывеску подозрительным взглядом своих удивительно умных глаз, нервно дернул ушами и фыркнул так пренебрежительно, что даже самому недогадливому стало бы понятно, что именно конь думает о таких сомнительных морепродуктах.

— Вот-вот, и я о том же! Так что, побереги желудок и не вздумай ничего там есть. Я оставлю тебя на заднем дворе всего на пару минут, а сам узнаю — здесь ли они еще. И, ради всего святого, веди себя прилично, — устало взмолился шуттанец и ловко спрыгнул со спины коня. Тот, в ответ на просьбу, лишь ударил копытом о землю и отправился проверять, что же такое несъедобное имеется на заднем дворе таверны с нелепой вывеской.

Чужестранец бросил последний беглый взгляд в сторону удалявшегося жеребца, кивнул своим мыслям и вошел в двери таверны.

Единственное, что не вписывалось в общую приятную атмосферу уюта, приветливости и комфорта, были сдвинутые кустистые брови хозяина, нависавшие над желто-карими недовольными глазами, дающими понять нежданному посетителю всю степень его неправоты в выборе «Хитрой рыбы» для посещения.

Шуттанец моментально оценил обстановку и решил повременить с прямыми вопросами, предпочитая понять с кем имеет дело и как ему удачнее вытянуть информацию из перегородившего дорогу великана, возвышавшегося над хрупким шуттанцем подобно молчаливой горе, задумавшей обвал и уже избравшей главную жертву.

— Я бы хотел снять комнату в вашем прекрасном заведении, — начал с лести чужестранец, решив для начала усыпить бдительность грозного двуликого, моментально скрестившего на груди руки, стоило гостю начать свою речь.

— Вынужден отказать, господин, свободных комнат нет, — ответил двуликий, внимательно рассматривая ярко разодетого человека. По лицу было видно, верзила с куда большим удовольствием вышвырнул бы чужестранца за дверь и еще наподдал для верности.

С такой откровенной враждебностью со стороны абсолютно незнакомого собеседника шуттанец сталкивался не так уж и часто, а это уже само по себе говорило о многом.

— Вот как, очень жаль... — протянул он, незаметно оглядывая совершенно пустой зал. — Но у вас, наверняка, найдется вкусный горячий обед. Я подожду прямо здесь, — объявил шуттанец и быстро присел за один из ближайших столов. Выгнать его после такого маневра хозяин точно не посмел бы!

— Сожалею, но горячих блюд так же нет, да и готовит моя кухарка из рук вон плохо. Такой богатый чужестранный господин, как Вы, точно не оценит ее стряпни, — тут же парировал, насупившийся двуликий. Ему явно не нравилось оговаривать свое заведение, но он что-то скрывал и старался как можно скорее избавиться от назойливого гостя, объявившегося так не вовремя.

— О, что Вы, честность — это лучшая приправа, ею можно улучшить вкус любого, даже самого непритязательного блюда. Я с удовольствием оценю стряпню вашей кухарки. Уверен, она далеко не так плоха, как Вы говорите, к тому же, я голоден и не намерен искать другое заведение. «Хитрая рыба» мне приглянулась! — елейным голосом уверил, закипавшего от бешенства хозяина, шуттанец, украсив свои слова для верности, самой широкой и благодушной из своих улыбок.

Не подействовало и это. Двуликий наконец решил отбросить всю свою фальшивую вежливость и уже двинулся в сторону клиента, не желавшего покидать его таверну по-хорошему, как откуда-то из глубины дома донесся звук бьющейся посуды, грохот падающей

мебели и, в довершение, — женский визг, по всей видимости, принадлежащий оклеветанной недавно, кухарке.

Моментально забыв о чужестранце, хозяин ринулся на помощь вопящей прислуге. Шуттанец, в свою очередь, дождался, пока двуликий скроется в соседней комнате, быстро поднялся и бодрым шагом проследовал к широкой лестнице, ведущей на жилые этажи.

Миновав открытые двери пустых комнат, о которых хозяин так неуклюже соврал, что было совсем не удивительным, шуттанец замер перед одной из двух запертых и начал выстукивать старый условный знак. Не успел он воспроизвести и половины ритмичных ударов, как дверь резко распахнулась, а на пороге появилась та, кого он не видел долгих четыре года.

Глава 5.1 Встреча старых друзей

Еще древние мудрецы — основатели королевства Шутта, собираясь вокруг своих весело потрескивающих костров для философских бесед и споров на вечные темы, сходились в едином мнении, что наибольшей безжалостностью отличались два страшных союзника — Время и Расстояние, выступавшие под единым черным знаменем губительными походами на незыблемые крепости неразрывной дружбы, вечной любви и нерушимого слова, казавшиеся такими стойкими и непобедимыми.

Смелые защитники не хотели думать о том, что их святыни, сложенные из чистых и прочных камней, выдержавшие ни одно сражение, рухнут прямо у них на глазах, просыпаясь мелким песком сквозь пальцы и уносясь туда, откуда ни одна сила больше не сможет их выволить. Люди верили до последнего и осознали, что бой, которого, даже не было, проигран, лишь в тот момент, когда объединенное войско Времени и Расстояния проходя мимо них, унесет трофеи, еще недавно принадлежащие старинной крепости, так ревностно оберегаемой всеми силами, ценой бесчисленных жертв.

Так думали давно ушедшие за грань мудрецы Шутты и об этом же могли рассказать многие, столкнувшиеся с невидимой армией. Но только не те, кто спас свою крепость, покинув ее на пороге бунта, способного расшатать камни фундамента и разрушить самые надежные стены не хуже любого внешнего врага. Порой, Время и Расстояние не обращали в пыль их покинутые замки, а наоборот, отстраивали и шли дальше, передав власть Случаю, способному вернуть бывших владельцев и заставить тех ценить то, что они чуть не потеряли навсегда, поддавшись гордыне и нелепому гневу.

Молодой шуттанец, так и оставшийся стоять с занесенной для очередного стука рукой, никогда бы не открыл, разорвавших его душу слов, которые сказал ему жестокий проводник Случая, а, замершая в нерешительности, неспособная перешагнуть порог зеркальщица, ни за что не созналась бы в своем горьком раскаянии за разжигание бунта. Но все это было уже не важно, как и то, что между стремительным бегством из их уютной, теплой крепости, выстроенной еще в раннем детстве и неожиданным возвращением сейчас, пролегло долгих четыре года.

Тера с необъяснимой тревогой вглядывалась в знакомые черты и никак не могла поверить в то, что стоящий перед ней человек — не злая шутка ее затуманенного колдовством сознания, а тот, кого она и не надеялась больше встретить. Ей очень хотелось протянуть руку и убедиться в реальности видения, а еще лучше, как раньше, сесть рядом и положить свою бедовую голову на самое надежное во всем свете плечо друга. Но она не могла даже пошевелиться или выпустить ручку двери, ставшую теперь накрепчайшей из земных опор.

Зеркальщики, с первых же разбитых зеркал, становились заложниками памяти — своей и чужой. Они получали опасный дар, а вместе с ним и все обещанные беды, посылаемые на головы тех, кто заведомо решал вредить зеркалам. Для них суеверные рассказы о несчастьях были суровой реальностью, а потому никаких подарков от счастья они никогда не ждали и не просили. Такова была их натура и проявлялась она в самые неподходящие моменты, то оттягивая, а то и окончательно руша, любые шансы на счастливую и спокойную жизнь.

— Уж не могущественному ли королевству Шутта мы нечаянно стали на хвост, раз сам господин посол по особо важным поручениям явился лично, да еще и без официального извещения о своем неминуемом визите? — напустив в голос побольше деланной почтительности, нарушила, затянувшееся молчание Тера. Она решила не поддаваться глупым порывам и сразу убедиться в том, что чудес для нее не заготовлено.

— Господину послу по особо важным поручениям обычно нет дела до королевского хвоста. Он слишком занят, заботясь об остроте когтей и беспощадности зубов, чтобы следить еще и за проделками дэйлинальских преступников, госпожа знаменитая воровка. Или, может быть, лучше называть Вас господином Серым Ловкачом? — в тон ей, ответил вопросом на вопрос, ничуть не удивленный таким прохладным приемом шуттанец.

Старые друзья, расставшиеся четыре года назад, наговорившие друг другу массу обидных слов, стояли друг напротив друга, как заправские бойцы, делившие один ринг столько раз, что уже и не пытались оценивать противника, давно уверившись, что знают другого, как себя самого. Взгляды их были заострены, а кулаки готовы к бою, но вот азарта и жажды крови не ощущалось, а потому они с радостью разошлись бы по противоположным углам, появившись хоть малейший повод. Но его, как на зло, не было, а потому приходилось продолжать изводить друг друга, вместо того, чтобы пожать руки, похлопать по плечам и наконец самое лучшее — отправиться в нескучный трактир и выпить за взаимное пожелание здоровья и долголетия.

— О, так Вы прибыли с целью поручить какое-нибудь грязное, государственное дело? Как жаль, несмотря на более чем заманчивые гонорары Шутты, вынуждена отказаться. Даже у ловкачей бывают перерывы и вот один такой отпуск начался всего пару минут назад, так что Вы зря проделали столь долгий, утомительный путь, — с очаровательной улыбкой ответила Тера, взгляд которой становился все более напряженным, а движения собранными. Казалось, что она вот-вот сорвется с места и убежит или набросится с кулаками.

— Неужели у тебя не найдется для старого друга хоть немного искренности? — сдался шуттанец, спокойно озвучивая вопрос, мучавший его с самого начала долгого путешествия в Дэйлиналь.

— Боюсь, Ригби, что твой нос может и не выдержать даже крохотной капли моей искренности, столько ее накопилось за прошедшие годы! — так же отбрасывая словесные кружева, зло процедила Тера.

— Что ж, я готов рискнуть! Могу даже предложить еще пару ребер в придачу, если их хруст сумеет смягчить твое жестокое сердце, — шутливо возвестил Ригби, возвращаясь к своей обычной манере общения, но не спуская пристального взгляда с напряженного лица старой подруги, проверявшей его в этот момент, как подозрительную монету на подлинность.

Выпустив наконец ручку двери, Тера качнулась назад и постаралась изобразить максимально дружелюбную улыбку, а затем неожиданно занесла свой маленький кулак и молниеносно направила его в лицо Ригби. Остановила стремительное нападение

зеркальщица лишь в паре дюймов от цели.

— Как я и думала... Что за жизнь ты вел, Ригби, раз настолько позабыл что такое страх? Любой другой, а в особенности жирный богатый посол Шутты, привыкший к болтовне, и трясущийся за свою драгоценную жизнь, если не уклонился бы, то хоть зажмурился или моргнул. Но только не ты! Стоишь и смотришь так, словно ничего особенного не происходит. Знаешь, а ведь я уже встречала точно такой же взгляд год назад и принадлежал он гродаринскому палачу, едва не отправившему меня за грань, когда я почти попалась. Тогда мне очень повезло и некоторое время я даже думала, что избавилась от него, но нет, крылатый жив и жаждет мести. Так вот вы с ним очень похожи в этой своей невозмутимости, прикрытой легкомыслием и напускной веселостью.

— Сочувствую твоим неудобствам! — сухо ответил Ригби и отступил на шаг, давая понять, что дальнейшее развитие темы отложено на неопределенный срок.

Тера же наоборот шагнула вперед, почувствовав перевес и, получив уверенность в том, что след выбран правильно. Она уже собиралась закрепить успех, как их дальнейшему разговору помешал, вбежавший на этаж хозяин таверны. Хэвард был перепачкан в муке и масле. Зажатая в его руке поварешка походила на палицу, а выражение раскрасневшегося лица, не оставляло сомнений в том, что медведь поднялся на жилой этаж с кровожадной целью кого-нибудь пристукнуть, а возможно еще и съесть.

— Проклятый шуттанец, вот ты и попался! Думаешь сойдет с рук то, что вытворила твоя пятнистая кляча на моей кухне?! — заорал с конца коридора разгневанный двуликий, наступая на врага.

— Какая еще кляча? Милейший хозяин, у меня нет никакой лошади, — искренне возмутился шуттанец, демонстрируя неподдельное удивление и стараясь всеми силами отвести от себя подозрение в соучастии очередной проделки Фога. — Вероятно, Вы спутали меня с кем-то из ваших постояльцев. И комнаты! Я был крайне удивлен, найдя столько свободных, когда отправился спросить кого-нибудь из ваших работников о возможности получить обед, после того как Вы так стремительно меня покинули.

— Так ты привез с собой Фога? Почему сразу не сказал? Мой хороший, как давно я его не видела, наверняка соскучился по мне! — тут же оживилась Тера. От ее настороженности и подозрительности не осталось и следа, а на просветлевшем лице заиграла искренняя, открытая улыбка.

— Вот и чудесно! Ты ему такая же хозяйка, как и я, значит тебе и платить за погром на кухне, а я умываю руки! Четыре года оплачивал его выходки, теперь настал твой черед, — раздосадовано объявил Ригби.

Явная радость Теры при одном лишь упоминании имени пятнистого разбойника не шла ни в какое сравнение с той холодностью, которой она одарила его хозяина.

— Так это все-таки ваша лошадь, — зловеще уловил главное Хэвард, успевший на секунду засомневаться в своих выводах после уверенной отповеди чужестранца.

Медведь чуть не попросил прощения за поспешные выводы и неучтивость, проявленные к ни в чем неповинному гостю, однако слова Теры расставили все на свои места и убедили хозяина таверны в справедливости решения выкинуть наглеца за порог, но теперь уже не раньше, чем тот заплатит за погром на кухне.

— Фог? Только не говорите мне, что где-то поблизости бродит это исчадье Злого моря, — обреченно простонал Эйнар, еле добравшись до двери своей комнаты. Он тяжело опирался о дверной косяк и с трудом фокусировал взгляд на собравшихся в коридоре. —

Ригби, а тебя каким ветром к нам занесло? Впрочем, не важно, рад тебя видеть в любом случае, — вымученно улыбаясь и тщетно пытаюсь приблизиться к другу, воскликнул лис. Даже такое простое действие отняло у него все силы, накопленные за последние дни пребывания в постели.

— Слава всем святым и покровителям, ты очнулся! — облегченно выдохнула Тера и попыталась поддержать брата, но ее тут же бесцеремонно отодвинул Хэвард. Медведь развернул Эйнара и погнал обратно в комнату, ворчливо порицая того за беспечность и ранний подъем, а также проклиная всех незваных гостей, коней и глупых женщин разом. За что досталось последним, никто так и не понял, но спорить с медведем, уставшим от беспокойных постояльцев и проблем, связанных с их появлением под его крышей, никто не решился.

— Можешь отправиться на кухню и самостоятельно выбрать, что захочешь, если, конечно, твой гадкий конь оставил там хоть что-то. Кухарка нас все равно покинула. Не выдержала слабонервная такого произвола на своей территории, — с укором объявил Хэвард, отвлекшись от смены повязки на ноге лиса. Прежняя пропиталась кровью всего за один короткий переход Эйнара от кровати к двери комнаты.

— Что с ним произошло? — взволнованно спросил Ригби, поворачиваясь к Тере и начисто игнорируя щедрое предложение Хэварда.

— Она упорно утверждает, будто Эйнара покусала змея, подло подстерегавшая того в кустах. Где ему правда удалось обнаружить такие опасные насаждения и откуда в Боривале взялась ядовитая змея, когда их у нас отродясь не водилось, объяснить ей так и не удалось, — миролюбиво посетовал на откровенную ложь Хэвард, а затем продолжил уже с большим нажимом. — Но на ум все же приходит одно подходящее место, где вполне можно было обнаружить такую редкость. Однако вас ведь там, разумеется, не было! Иначе зачем всему городу судачить о каком-то неизвестном господине Белом Лисе, подло пробравшемся на чердак папаши Сибидира и устроившего настоящее светопреставление на радость целому кварталу?

Ехидства медведю было явно не занимать и он, ободренный тем, что Эйнар наконец-то пришел в себя, дал своему дару полную волю. Хэвард несколько не опасался открыто высказываться при чужестранце, поняв, что тот лишь очередная головная боль из числа друзей Эйнара, с которой Хэварду придется мириться, раз уж он имел неосторожность пустить лиса и его названную сестру под свою крышу, да еще и пообещал им помощь и защиту.

— Так мы сходим за едой, уверена Фог нам что-нибудь обязательно оставил, — оптимистично заверила медведя Тера и потянула Ригби за рукав в сторону лестницы, уходя от неудобных вопросов, на которые так не вовремя настроился хозяин таверны.

Спустившись по лестнице и отойдя на достаточное расстояние, чтобы бдительный медведь уже наверняка не мог подслушать их разговор, Тера начала объяснять сложную ситуацию, понизив голос до шепота.

— Двумикий не знает кто я такая, поэтому молчи и не давай ему лишних поводов для размышления. Хэвард — близкий друг Эйнара. Он сильно рискует, помогая нам, так что незачем впутывать его еще сильнее. А укус... Ты знаешь, что это такое, — многозначительно пояснила Тера, делая упор на последних словах. — Только вот я никак не могу понять почему в этот раз яд не хочет покидать его тела. Раньше Эйнар справлялся за день или два, а сейчас он еле пришел в себя, да и лучше ему не становится.

На погрустневшем и заметно осунувшемся лице Теры, утратившем здоровый румянец и свежий цвет всего за пару дней, отразилось раскаяние и боль. Ригби уловил перемены в ее настроении и сразу догадался, что именно пыталась донести до него расстроенная зеркальщица. Это ему совсем не понравилось, губы сжались в жесткую линию, лоб прорезала глубокая складка и он тут же высказал все, что думал о подобном положении вещей.

— Какого Ловца, вы на пару вытворяете? Я был сегодня на той улице и видел все собственными глазами. Но мне и в голову не могло прийти, что ты пойдешь на столь самоубийственное безрассудство, когда госпожа Клара находится аж в Валардане и при всем желании не может вмешаться и спасти тебя. Думаешь прядильщики могли проигнорировать настолько любопытное происшествие или может надеешься, что они до того заняты своим дурацким праздником, что гоняться за настоящей живой стекольщицей, активно практикующей такое, покажется им не слишком важным и нужным? Да ты хоть обратила внимание, что оставила там после себя личную вещь? — жестко поинтересовался Ригби и вытянул из кармана, найденный возле шестого дома предмет. — Попади это не в те руки, и тебе придет конец — медленный и очень мучительный!

Тера машинально сунула руку в опустевший карман штанов, где привычно хранила свою верную помощницу, не раз помогавшую концентрироваться на сложных задачах, будь то колдовство или заковыристый замок, и тут же попыталась вернуть пропажу, выхватив ленточку с перьями из рук Ригби.

— Рад, что ты сохранила ее, несмотря на мой уход, — миролюбиво заметил шуттанец, успев вовремя отвести руку подальше, после чего сам вложил, позвякивающую стеклянными шариками ленту, в протянутую ладонь зеркальщицы, все еще нуждавшейся в таком нехитром фокусе, которому он научил ее еще в юности.

— Спасибо, Ригби, ты спас мне, если не жизнь, то уж спокойствие точно, я и не заметила, что ее нет... — раздосадовано поблагодарила Тера, пряча свое сокровище в карман.

Постояв еще немного на одном месте, неловко глядя куда-то под ноги, зеркальщица решительно вскинула голову и посмотрела прямо в холодные зеленые глаза шуттанца. За четыре года их глупой разлуки, взгляд Ригби растерял привычную открытость и беззаботность, теперь он был совсем другим и по нему не удавалось читать, как прежде. Убедившись в этом, Тера задала короткий прямой вопрос, ожидая такого же ответа, способного либо расставить все по свои местам и дать бывлой дружбе еще один шанс, либо окончательно развести их пути в противоположные стороны.

— Зачем ты вернулся, Ригби?

— Чтобы помочь тебе, — ни секунды не задумываясь, серьезно ответил шуттанец и протянул зеркальщице один из своих перстней. — Начну с этого.

Опешившая девушка, машинально приняла протянутый перстень, покрутила тот в пальцах, а затем непонимающе уставилась на улыбавшегося все это время друга. Его явно забавляла ее реакция и он с удовольствием наблюдал за тем, как она пытается найти объяснение его поступку, внимательно высматривая потайной механизм кольца, неожиданно оказавшегося в ее руках, но не может.

— Решил подшутить надо мной, господин фальшивый посол? — зло выпалила Тера и попыталась вернуть перстень обратно, но Ригби быстро спрятал руки за спину и рассмеялся своим удивительным громким смехом.

— Отнюдь, ты просто так и не научилась открывать самые простые тайники. Помнится тебе доводилось просиживать над некоторыми замками часами, в то время как сундуки отпирались поворотом ручек или еще каким-нибудь элементарным способом. Госпожу Клару это очень забавляло, как, впрочем, и меня. Простые вопросы чаще всего имеют такие же простые ответы, но ты их упорно не замечаешь и продолжаешь искать сложные.

Моментально осознав свою ошибку, Тера провернула камень, оказавшийся полым внутри, и обнаружила в углублении несколько прозрачных капель.

— Что это? — подозрительно принохиваясь и не ощущая никакого запаха, поинтересовалась она.

— Слезы морина. Оказалось, что они способны побороть любой яд. Не волнуйся, я успел убедиться в этом, не единожды опробовав их на себе лично.

— И часто тебя травят?

— Не чаще, чем Корда и Гродарин повышают награду за поимку Серого Ловкача.

Хмыкнув на это предположение, Тера поспешила вернуться к брату. Уже дойдя до лестницы, ведущей на второй этаж, стекольщица обернулась и неуклюже поблагодарила за помощь. Ригби лишь безразлично пожал плечами и отправился на кухню, надеясь, что Фог и правда оставил им хоть немного еды, не став уничтожать то, что не поместилось в его бездонном брюхе.

Медленный подъем по лестнице сопровождался тихим бурчанием Теры себе под нос. Зеркальщица предпочла доверить решение сложной задачи случаю, как делала это всякий раз, когда не могла или не хотела определяться с решением самостоятельно. С каждой новой ступенькой, отвечавшей за возможность довериться или нет, она приближалась к ответу, а дойдя до предпоследней, сделала резвый прыжок и отправилась бодрым шагом на переговоры с Хэвардом и Эйнар.

Глава 5.2 Встреча старых друзей

— Так чья же это все-таки лошадь? — устало спросил медведь, наконец обратив внимание на незаметно подкравшуюся Теру.

— Смотря с какой целью интересуешься. Если просто из любопытства, то Фог — мой, а если в надежде получить компенсацию, разумеется, питомец Ригби. И еще! Счет в таком случае следует умножить на три, а лучше на четыре или сразу пять, все равно у него денег больше, чем в боривальской казне, — мстительно подвела итог Тера, выливая содержимое перстня в кружку с водой.

— Даже у храмовых мышей денег больше, чем в городской казне, — с сомнением заметил Хэвард, но все же принял совет к сведению. — Раз у вас такие сложные отношения, почему он все еще здесь и можно ли ему вообще доверять?

— Ригби никогда не давал поводов усомниться в его надежности, — ответил вместо Теры Эйнар, заметив с каким сомнением та крутит в руках дорогой перстень и смотрит в кружку с водой, куда только что вылила его содержимое, будто та могла раскрыть ей все тайны мира. — Это лекарство? Давай его сюда, Ригби никогда не стал бы меня травить или причинять вред тебе, чтобы там не произошло между вами четыре года назад.

— Кстати, ты не спросила зачем он вернулся? — задал очередной вопрос Эйнар, после того как осушил кружку, с такой неохотой переданную ему Терой. Любой другой, при виде столь явного недоверия, еще хорошенько бы подумал, стоит ли ему вообще из нее пить, но только не Эйнар.

— Сказал, что хочет помочь. И вот это-то и странно! При нашей последней встрече, он

довольно резко дал понять, где видел все проблемы Дэйлиналя и наши попытки улучшить ситуацию, вместе с ними. А теперь он возвращается и, как ни в чем не бывало, предлагает помощь, да еще и за несколько недель до ночи Хозяйки Свечей...

Поняв, что сболтнула лишнего, Тера бросила быстрый косой взгляд на Хэварда, упорно сворачивавшего бинты и делавшего вид, будто разговоры гостей его совсем не интересуют. Чуткий медведь тут же прекратил свое занятие и посмотрел на настороженную гостью в ответ, а затем тактично встал и направился к двери. Выражение лица у него при этом было, хоть и понимающее, но все равно раздосадованное и даже обиженное.

— Кухарка сбежала, а у меня и так дел по горло, так что постарайтесь проследить за сохранностью «Хитрой рыбы». Я вернусь завтра утром и надеюсь, что к тому времени ты, Эйнар, перестанешь напоминать путешественника за грань, а ты, Тера, наконец прекратишь пытаться просверлить во мне дыру взглядом. Северяне, даже забравшись далеко на юг, никогда своих не бросают. Эйнару это прекрасно известно, иначе он не притащил бы тебя ко мне, зная, что сам вот-вот упадет и позаботиться о вас после этого будет абсолютно некому.

Слова медведя пристыдили зеркальщицу и она уже собралась как-нибудь оправдаться или хотя бы извиниться, но Хэвард покинул их и даже прикрыл за собой дверь — тихо и аккуратно.

— Из нас троих, такта в тебе всегда было меньше всех, впрочем, как и умения признавать ошибки. Скажи честно, это ведь именно ты еще четыре года назад прогнала Ригби, не так ли? — спокойно спросил лис, рассматривая дно пустой кружки.

— Прошлое останется в прошлом и никому больше не навредит, а нам нужно решать, что делать в будущем или, хотя бы для начала, в настоящем, — резко ответила Тера и уже спокойнее продолжила: — Как оказалось, ни один из нас не может воспользоваться кордским луком, сколько бы ты не старался превратить деревянную тетиву в настоящую, а я — пытаться его колдовством. Благодаря ритуалу мне удалось узнать в чем весь фокус взаимодействия с этим оружием, вот только я так и не смогла понять какое отношение, увиденное ограничение, имеет непосредственно к нам. Дело в том, что ни один дэйлиналец, кроме настоящего прядильщика или прядильщицы, не сможет натянуть тетиву или вытянуть стрелу из нити, сколько бы усилий ни прилагал. Это кордское колдовство, сотворенное для защиты от внутренних врагов и обойти его просто невозможно, — поделилась плохой новостью Тера, освобождая лук от тряпки, и проверяя тот на целостность после всех их приключений на чердаке и по дороге в таверну.

— Не сходится! Мы оба родились далеко за пределами Дэйлиналя. Я прекрасно помню, как твоя мама забирала нас обоих с острова Колдери, когда туда пришел мор. Было чудовищно холодно, повсюду лежали окоченевшие трупы островитян, их уже некому было придать земле. И тишина, гробовая тишина повсюду. Помню, как госпожа Видалис пришла в дом моих родителей и забрала меня с собой, пообещав, что я обязательно проживу долгую, счастливую жизнь, а весь этот ужас забуду, как страшный сон... А потом болезнь все-таки настигла меня, но мы уже поднялись на корабль и готовились к отплытию. От того плавания у меня осталось лишь смутное воспоминание о вопящем свертке на руках у капитана, должно быть, это была ты. Капитан передал младенца матери и выразил сомнение в том, следует ли им забирать с острова больного, это было обо мне, на что она лишь строго рассекла воздух рукой, давая понять, что обсуждений не будет и приказала поднимать паруса. На этом моменте мои воспоминания окончательно обрываются и следующим, что я помню, оказалась теплая рука тети Клары на моем лбу и ее обещание, что все обязательно

наладится... — Эйнар запнулся, не договорив, ведь ничего так и не наладилось. Госпожа Видалис так и не вернулась, а Тера выросла, довольствуясь лишь этими зыбкими, обрывочными воспоминаниями, уцелевшими в памяти маленького двуликого лиса, едва не отправившегося за грань вслед за остальными жителями Колдери.

— Все так! И твои воспоминания настоящие, ни один стекольщик, каким бы могущественным он ни был, не смог бы создать такую правдоподобную подделку. Слишком много деталей, ощущений, запахов и боли. А еще, та красивая уверенная женщина с младенцем на руках, и ее глаза — совсем как у меня. Она была такой спокойной, будто смерть не могла коснуться ее руки и увести за собой, как всех остальных, на том проклятом острове. Ну вот зачем ей понадобилось возвращаться обратно, неужели она не могла остаться у тети Клары вместе с нами? — в который раз задалась горьким вопросом Тера. Глаза ее заблестели, как и всегда, когда она вспоминала маму, пользуясь чужим воспоминанием, сохранившим четкий образ, но не тепло ее рук или ощущение нежного взгляда, обращенного к ребенку, которого она так бережно укачивала, забрав из рук капитана безмянного корабля. Запрокинув голову, Тера сморгнула предательские слезы и продолжила разматывать клубок своих умозаключений.

— Единственное, чего не было в твоих воспоминаниях и, что мы знаем лишь со слов тети Клары, это название той местности, откуда нас вывезли на корабле. Хоть Колдери и подходит под описания, как жутким холодом и снегами, так и мором, опустошившим остров, это не объясняет, почему лук воспринимает нас, как дэйлинальцев.

— Но зачем бы ей было врать о таком? Да и подходящего места в Дэйлинале, похожего на то, что я видел, просто нет. Самые северные земли на границе с территорией Холдердагена принадлежат храму северных прядильщиц, поблизости никаких поселений двуликих, только небольшие человеческие деревни, а за ними река и горы. Самое главное — за последние лет сто или даже двести, никаких моров не было ни в Дэйлинали, ни в Холдердагене. И, даже если бы мы родились на землях северных двуликих, это бы все равно не объясняло того, что лук напрочь отказался подчиняться. Скорее всего, есть еще какое-то условие, о котором мы не догадываемся. Возможно, все дело в нашей враждебности по отношению к Корде, — предположил Эйнар, глядя на то, как хмурится Тера, машинально постукивая луком о носок ботинка.

— Мы можем испробовать лук на Ригби, — помолчав еще немного, предложила Тера и тут же прервала свои рассуждения, так как предполагаемый подопытный как раз вернулся в комнату и прекрасно расслышал ее последние слова.

— Зачем нам какой-то невкусный лук, когда я нашел свежую буханку хлеба и отличный кусок мяса с перцем? Не представляю, как Фог мог обойти стороной такое добро. А еще у меня есть леденцы, до них этот обжора тоже не успел добраться, слишком уж надежно я их припрятал, — самодовольно похвастался Ригби, похлопав себя по карману. — От вас добровольного вклада не жду, сразу видно, терпите бедственное положение, но ничего, откормим, особенно тебя, Эйнар, — подбодрил друзей Ригби и раздал большие бутерброды.

Сесть шуттанец предпочел на прежнее место Хэварда, намереваясь воспрепятствовать лису отложить еду в сторону. Увещевания о пользе регулярного питания для выздоравливающего организма возымели эффект и Эйнар сдался, понимая, что старый друг, как и прежде, не отступится, пока не достигнет желаемого.

Спокойствие и тишина, воцарившиеся в комнате, пока бутерброды оказывали свое умиротворяющее воздействие на всю компанию, продолжались недолго. Нервирующие

переглядывания Теры и Эйнара, мешали Ригби сосредоточиться на долгожданной еде и порядком раздражали. Вскоре он начал догадываться, что дело совсем не в том, что они давно его не видели и решил выяснить в чем дело.

— Похоже вы говорили не о безобидном растении, — откидываясь на спинку стула и внимательно рассматривая лица друзей, попеременно глядя то на одного, то на другого, предположил Ригби. — Решили меня пристрелить по старой дружбе? Не слишком вежливо и довольно подло с вашей стороны. И ладно бы еще Тера, она особой щепетильностью никогда не отличалась, но ты Эйнар, — шутливо начал прощупывать почву шуттанец.

— Пожалуйста, Ригби, не мог бы ты натянуть этот лук? — миролюбиво попросила зеркальщица, протягивая валарданское изделие, побывавшее уже и костью, и дубинкой, но все никак не желавшее становиться стрелковым оружием.

— О, да ты стала быстра на расправу, раньше я за тобой такого не замечал. Все не можешь простить мне шутки с кольцом? — минуту покрутив в руках странный предмет, спросил Ригби, решивший в начале, что ему передали не цельную резную деревяшку без щелей и выемок, а настоящий лук с упрятанной в деревянный чехол тетивой. — Я, конечно, не большой знаток стрелкового оружия, только на охоте луками и пользовался, но это точно не то, что я держал в руках прежде. Тетива деревянная... Странная вещица, где вы ее откопали? — оторвавшись от пристального изучения, поинтересовался шуттанец.

— Просто закрой глаза, представь, что это самый обычный лук и натяни тетиву, — попытался зайти с другой стороны Эйнар и продемонстрировал в воздухе, как бы он натягивал лук. Получилось весьма правдоподобно и Ригби решил удовлетворить эту смешную просьбу.

— Раз ты так просишь, — протянул шуттанец, нарочито тяжело вздохнул, закрыл глаза и выполнил то, что от него требовалось. Как ни странно, лук тут же поддался и приобрел удивительную гибкость. — Где вы это взяли? — пораженно воскликнул Ригби, распахнув глаза, стоило ему ощутить под пальцами вместо полированного дерева шероховатость самой настоящей тетивы.

— Там же где и обычно, — туманно ответил Эйнар, косясь на раздосадованную Теру, которой хотелось посмеяться над доверчивостью шуттанца, а не признавать, что это с ними что-то не так, а не с проклятым луком.

— За воровство у валарданских мастеров лишают права на защиту острова, если мне не изменяет память, — вспомнил о непреложном валарданском законе Ригби. — Это ведь их работа, не так ли? Не представляю, кто еще мог бы сделать такую поразительную вещь.

— Если вернуть обратно, это не будет считаться воровством, так, всего лишь временной арендой, к тому же я оставила залог. Видел бы ты этот рубин, не чета твоим побрякушкам, — начала распалаться Тера, которой было прекрасно известно, чем она рисковала, влезая в окно запертой на ночь мастерской.

— И вот его-то ты уж точно стянула без каких бы то ни было оговорок об аренде, — подвел итог шуттанец. — Зачем вам этот чудесный лук, собрались кого-нибудь безжалостно застрелить с его помощью? Помнится, вы таким раньше не промышляли. Или и это табу уже в прошлом? — продолжая изучать прекрасное оружие, как бы между делом, спросил Ригби.

— Не забивай свою драгоценную посольскую голову всякими ужасными вещами, — строго ответила Тера и отобрала лук, тут же вернувшийся в состояние монолитного дерева, стоило ему покинуть руки шуттанца и перейти к зеркальщице.

— О, так вам все же нужна моя помощь! — констатировал очевидное Ригби, ловко

возвращая лук обратно. — И кого мы решили отправить за грань? Раз Тера решила рискнуть своим гражданством в Валардане, а Эйнар чуть не лишился ноги, это должен быть кто-то очень важный, не меньше Верховной прядильщицы, — легкомысленно предположил шуттанец, пощелкивая тетивой лука, как струной арфы. Оружие нравилось Ригби все больше и больше. Но улыбка быстро сползла с его лица, стоило ему заметить, как посуровели и напряглись лица друзей.

— И чем же вам не угодила эта антикварная старуха? Я видел ее всего год назад, когда приезжал в Корду с посольством. Уверяю, еще пара лет и Верховная сама отправится за грань! Да костлявой лично придется тащить ее на спине, не то развалится по дороге, — безнадежно попытался отговорить их от самоубийственной миссии шуттанец, приведя, как ему казалось, весьма убедительный довод.

— Всем! — веско ответил Эйнар, игнорируя умозаключения Ригби, последовавшие за вопросом.

— Старуха не так проста и беспомощна, как кажется на первый взгляд. И ни в следующем году, ни даже через сто лет, умирать она не собирается, — пояснила Тера и тут же добавила: — К тому же, у нас нет времени ждать, Верховная должна умереть именно в этом году, еще до исхода Ночи Свечей, иначе все наши потуги изменить ситуацию в королевстве так ни к чему и не приведут.

— Допустим вам это действительно зачем-то жизненно необходимо... — постукивая пальцами по древку лука, протянул Ригби, лихорадочно раскладывая информацию по полкам. — Это все или есть еще что-то, о чем я должен знать, прежде чем возьмусь перекраивать ваш безумный план? У вас ведь уже есть наработки и все необходимые сведенья? — становясь абсолютно серьезным и собранным, уточнил шуттанец.

— У нас целая программа и за любой из номеров казнят, не раздумывая, если, конечно, поймают, — испытующе глядя на Ригби, предупредил Эйнар. — Как я слышал, тебе доверяет сам король Шутты. Успешный посол по особо важным поручениям с непроизносимым именем и целым списком пожалованных земель за заслуги перед королевством. Стремительный взлет безвестного сына купца, хоть и очень удачливого! — Эйнар сделал паузу, пытаясь найти причину самостоятельно, но не находя ее, задал, интересовавший его вопрос. — Так зачем же рисковать всем этим ради того, во что ты даже не веришь и что не имеет к тебе ни малейшего отношения?

— Считайте мою неоценимую помощь в вашем сомнительном предприятии одним большим общим подарком за все дни рождения и прочие праздники, которые я успел пропустить, — беспечно ответил шуттанец, разрушая всю серьезность момента. — Слышите?

— Нет, ничего не слышу, — ответила, сбитая с толку неожиданным вопросом Тера после того, как не смогла расслышать ничего подозрительного.

— В том-то и дело, что я тоже ничего не слышу, а ведь еще минуту назад Фог старательно разносил копытом нечто на заднем дворе, и вот теперь там стало подозрительно тихо, — нервозно пояснил Ригби и быстро вышел за дверь комнаты, оставляя старых друзей наедине с их разбегающимися мыслями и пониманием того, что отправиться в Корду без суетливого шуттанца у них не выйдет, даже если они свяжут его и оставят в чулане под присмотром Хэварда.

Глава 6.1 Главные ворота

Несмотря на то, что кордские прядильщики обладали весьма внушительным списком

пренеприятных недостатков, они, несомненно, знали толк в красоте и умели организовывать незабываемые торжества, способные поразить даже самых капризных чужестранных гостей, давно пресытившихся зрелищами и чудесами самых разных магических королевств. Таилось в загадочном сиянии огней Ночи Свечей нечто такое, чего они не могли разгадать и ради чего возвращались в Корду на праздник всякий раз, как выпадала такая возможность.

Не упускали случая посетить столицу и менее восторженные гости. Для них привычные огни прядильщиков служили лишь еще одним неприятным напоминанием о том, в чьих именно руках сосредоточена вся власть королевства и с кем стоит договариваться по-хорошему, пользуясь любым удачным поводом для визита в обычно не самый гостеприимный город.

Что касается простых жителей Дэйлиналя, то их на праздник влекли куда более приземленные желания: отведать засахаренных кордских яблок, выпить ароматного пряного вина с медом, посмотреть на разодетых чужестранных гостей и главное — облегченно выдохнуть до следующего года в тот момент, когда обновленная центральная свеча Корды разгорится в полную силу, а Верховная прядильщица объявит, что ритуал прошел успешно. Ее однообразные торжественные речи повторялись из года в год почти дословно и, как ни странно, все еще пользовались стабильным успехом у большинства слушателей. Им не надоедало внимать ее знакомым словам и всякий раз убеждаться в одном и том же, что Хозяйка Свечей, как и раньше, продолжит оберегать покой Дэйлиналя. Куда неприятнее было бы услышать нечто новое, доносящее до слушателей весть о гневе покровительницы, решившей не вмешиваться в дела королевства в новом году... При подобном раскладе дэйлинальцев могла ожидать настоящая беда, заключавшаяся в весьма вероятном возвращении злейшего врага королевства — Ловца живых чудес, павшего триста лет назад в легендарной битве со стекольщиками. Жители королевства не понаслышке знали, что часть его все еще жива и жаждет мести. Слишком черна и ужасна оказалась бессмертная душа Ловца, оттого и не нашлось для нее последнего пристанища даже за гранью. Мир живых так и остался для нее домом, вот только радости ей от этого было не много, а потому она рыскала по королевствам на крыльях Злого ветра и выискивала живительную магию. Наведывалась душа и на праздник Ночи Свечей, влекомая огромной силой магического ритуала Верховной.

Но, как и всё, что делали прядильщики, делали они это не просто так и уж точно не ради всеобщего блага и процветания!

Ежегодные дорогостоящие увеселения становились головной болью всей Корды еще задолго до того, как первые гости приближались к подножью знаменитой многоступенчатой лестницы, опутавшей своей каменной сетью чуть ли не всю гору, вершину которой еще много сотен лет назад мудро избрала Хозяйка Свечей, чтобы основать свой главный храм, а за ним и целый город.

— Как же я устала от этой бесконечной лжи, — в сердцах воскликнула Верховная, отбрасывая от себя, опостылевший за долгие годы правления золотой венец.

Когда-то давно, еще юная и наивная, она жаждала обладать им больше всего на свете и была готова на любые жертвы и преступления, только бы приблизить долгожданный день, когда она сможет водрузить венец себе на голову и ощутить всю полноту власти и могущества.

Далекая, не в меру самоуверенная прядильщица Хильда, добилась всего, чего хотела и даже более того! Она сумела достичь таких немислимых высот, о каких и не смели задумываться ее многочисленные предшественницы. Но годы шли и уносили с собой былую

радость побед. Горячие амбиции уступили место холодному безразличию, а за ним и ледяному осознанию того, что ее глупые мечты жестоко использовали против нее же самой... Кордский венец оказался всего лишь бездушным куском металла, способным переломить своим немалым весом не только шею, но и всю судьбу того, кто соблазнился его обманчивым блеском.

— Слишком поздно для сожалений или жалоб, Хильда! Тогда мы приняли единственно верное решение. В противном случае, королевство могло лишиться не одного города, а всех и сразу, — резче, чем собирался, ответил крылатый, мрачно глядя на то, как догорающий огонь камина создает причудливые блики, отражаясь в старинных рубинах венца, делая их похожими на огромные капли крови, готовые пролиться сперва на доски дубового стола, а за тем и на белый пушистый ковер.

С трудом оторвавшись от созерцания драгоценных камней, вызывавших столь неприятные ассоциации, старик, не уступавший собеседнице ни числом прожитых в сомнениях лет, ни причастностью к делам, о которых мечтал забыть хоть на краткий миг, продолжил говорить, обращаясь к Верховной и собственной совести.

— Стекольщики сами отправились за грань, никто их в спину не толкал! Согласись Грэйс с мудрым решением Совета, Дэйлиналь никогда не потерял бы Вельду. Триста лет назад от нас требовалась куда меньшая жертва... Но Грэйс, как всегда, предпочла проявить никому не нужное благородство. Она сделала все по-своему и думала, что перехитрила саму смерть. И к чему это в результате привело? Вина за вельдскую трагедию целиком и полностью лежит на плечах их сердобольной Верховной. Увы, Грэйс была не способна действовать даже в интересах собственного города, не говоря уже о целом королевстве, — презрительно подвел итог Верховный крылатый Гродарина.

— Временами я задаюсь вопросом, Арас, чего именно она пыталась добиться, не став связываться в бой и даже не попытавшись помешать нам? — задумчиво озвучила вопрос, мучавший ее который год, прядильщица, перебирая скрюченными пальцами длинные стеклянные бусы из хрупких хрустальных шариков, так и не утративших за века своей незамутненной чистоты.

— Если бы ты реже пыталась разгадать загадки прошлого и вовремя пресекала попытки разрушить настоящее и будущее, которые мы с таким трудом выгрызли у врагов, сейчас бы у нас не было поводов для лишнего беспокойства, — прошипел крылатый и зло стукнул деревянным посохом об пол. — Но ты пустила все на самотёк! Начали появляться борцы за свободу, задающиеся слишком правильными вопросами и крадущие то, чему следовало оставаться надежно запертым, — желчно обвинил Верховную Корды крылатый, от чего старуха поморщилась и нехотя повернулась к собеседнику всем корпусом, раздраженно прекращая перебирать бусы. Казалось, что ее белые глаза прекрасно видят Араса, так безошибочно она направила указательный палец в его сторону и начала медленно сокращать расстояние между ними, огибая стол.

— Обвиняешь меня в том, что твой собственный внук упустил жалкого воришку? — вкрадчиво поинтересовалась Верховная и неприятно скрипуче рассмеялась. — Страшный гродаринский палач чуть не отправился за грань, стараясь схватить маленького серого мышонка, забравшегося в его амбар. И после этого я пустила все на самотёк? — продолжила глумиться прядильщица, подходя все ближе.

— Ты проглядела живую и, по-видимому, весьма сильную стекольщицу! — словесно контратаковал Арас. Глаза его полыхнули яростью, а цепкие длинные пальцы сжались на

посохе с такой силой, словно это была не бессловесная деревяшка, а шея прядильщицы, напомнившей ему о том жутком дне, когда слуги обнаружили его единственного внука, еле живого, истекающего кровью на пороге разоренного хранилища Гродарина.

— Домыслы и жалкий бред! Все стекольщики отправились за грань, а оттуда, как известно, не возвращаются, — с чувством опровергла обвинения Хильда. — Уже сегодня ночью я проведу завершающий ритуал. А после, когда придет время, спокойно передам Корду новой Верховной, не боясь, что правда, если она даже однажды выплывет наружу, сможет испортить все, ради чего я стольким пожертвовала.

— Тогда прикажи страже оцепить территорию вокруг башни, — с жаром начал уговаривать крылатый. — Этот вор далеко не так прост, и он действует не один. Есть еще двуликий, крадущий секреты так же искусно, как Серый Ловкач вещи. И если их наняла стекольщица, как я небезосновательно предполагаю, оба точно придут в Корду и попытаются выкрасть оставшуюся часть!

— Да пусть приходит, хоть твоя стекольщица, хоть сам вельдский Стеклодув, — раздраженно осадил говорящего Хильда, принявшаяся осторожно поправлять венец, возвращенный на сложную прическу из свернутых кольцами вокруг головы белых кос. — После первого же серьезного беспорядка, устроенного на празднике Хозяйки Свечей четыре года назад, я приказала измельчить кордскую часть головоломки и подвесить мешочек с оставшейся от нее пылью в башне под самым потолком круглого зала без дверей.

— Этого слишком мало! Ловкач на то и ловкач, что может забираться куда угодно. Высота и отсутствие дверей для него не помеха, как и все ужасы, окружающего башню Восточного пустыря. Посуди сама, наглец без труда обчистил гродаринское хранилище и сбежал, — с надрывом в голосе продолжал гнуть свою линию Верховный Арас.

— Конечно не помеха, — миролюбиво согласилась прядильщица. — Ловкач с легкостью залезет на самый верх и будет праздновать свою маленькую победу, держа в руках заветный мешочек, вот только вынести добычу из зала, увы, так и не сможет. Мы заперли в башне такую злобную, сумасшедшую тварь, каких еще поискать, — с притворным сочувствием в голосе, будто по секрету, сообщила прядильщица, наклоняясь к самому уху крылатого.

Арас молниеносно отпрянул и с опаской уставился в страшные белые глаза Верховной. Уже не первый год его не покидало чувство, что Хильда видит не только нити, но и мысли тех, на кого смотрит своими слепыми глазами. Пожившись от такого неприятного предположения, крылатый отошел еще на несколько шагов и стал вглядываться в происходящее за окном. Вид главных ворот внутреннего города успокаивал его своей надежностью и наличием пропускного пункта, снабженного камнем чистых помыслов.

— Я рад, что хоть в этом году ты прислушалась к моим словам и запретила подпускать всякий сброд к стенам главного храма. Не хватало еще, чтобы эти негодяи сорвали ритуал или чего доброго... — крылатый запнулся, но Верховная без труда завершила его слова.

— Чего доброго отправили меня за грань раньше времени и тем самым сделали тебя гарантом, — она вновь невесело рассмеялась, а затем продолжила и в голосе ее зазвучала неприкрытая враждебность. — Мы оба прекрасно знаем, что ты не способен нести это бремя, как не был способен и тот жалкий валарданский мастер, которого пришлось удавить, после того как он возомнил, будто его маленький, напыщенный островок сможет пойти по собственному пути, как это сделал в свое время Холдердаген. Не повторяй его глупой ошибки, Арас! Гродарин получил неслыханные привилегии и богатство, но сила всегда была

и останется в руках Корды. Не советую тебе забывать об этом. А теперь ступай и наслаждайся праздником! Может поймашь своего Серого Ловкача, когда тот попытается стянуть засахаренное яблоко у лоточника, на большее ему в Корде все равно лучше не рассчитывать. Иди же и не утомляй меня своими бесконечными опасениями, я должна сосредоточиться на подготовке ритуала, — стала нетерпеливо выпроваживать назойливого гостя Хильда, тесня того к двери и размахивая руками, будто Верховный Гродарина был всего лишь назойливой мухой.

Закончив с Арасом, она отправилась вглубь зала к потайному ходу за одной из неприметных картин, тесно украшавших стены ее неуютных комнат. Хильде требовалось лично проверить все ли готово к трехсотому, последнему ритуалу запечатывания дверей. Никому другому она не могла перепоручить свои заботы, слишком высокой была цена за малейшую ошибку в этом непростом деле.

Проследив за тем, как бесшумно скрылась прядильщица, легко отворив потайную дверь, затерявшуюся за одной из унылых картин зала встреч, Верховный Арас чуть слышно пробормотал ей вслед:

— Эти слова дорого тебе обойдутся, старая карга, ты еще свое получишь за все годы моих унижений, это я тебе обещаю!

Постояв еще немного у окна, крылатый тяжело вздохнул и неспешно покинул зал. Сразу после беседы с Хильдой, Арас направился отдавать приказания, прибывшему вместе с ним в Корду ловчому. Серого Ловкача непременно следовало поймать. И не возле одного из лотков с едой, как предполагала беспечная прядильщица, а в главном храме, куда тот обязательно заявится, чтобы сорвать ритуал и выполнить приказ, нанявшей его стекольщицы, в существовании которой Верховный Гродарина был уверен, как в своем собственном.

Привлѣкший внимание Араса пропускной пункт внутреннего города, казавшийся при далеком взгляде из окон Верховной таким стойким и надежным, вблизи имел довольно потрепанный, но отчего-то, на редкость самодовольный вид.

Замученные потоком все пребывающих путешественников, стражники при первой же возможности поспешили воспользоваться молчаливым разрешением ответственного за их ворота, расселись кто где и принялись с остервенением поглощать остывший обед. Старый прядильщик, так удачно покинувший их еще два часа назад, не пожелал делить трапезу с простыми солдатами и удалился на поиски чего-то более съедобного, чем лишь несказанно обрадовал, предоставив стражникам отличную возможность расслабиться и как следует обсудить их неожиданную удачу.

Главные ворота удалось захлопнуть как раз вовремя. После целой толпы чужестранных гостей, создававших разноголосый и невнятный гомон различных языков и наречий, в небольшом отдалении, шли, сбившиеся в кучу, боривальцы. В глазах стражников, двуликие представляли собой невыгодный и чересчур хлопотный табун нежданных гостей. Потому, решивший передохнуть пост, единодушно сошелся во мнении, что боривальцы вполне могут чуть-чуть подождать, а вот еда и дележка кошель — нет.

Как бы сильно не утомляли стражников богатые гости города, хлынувшие, будто бы на зло, именно через их главные ворота, жаловаться на удачу не приходилось. Все эти разодетые чужестранные господа вполне могли с комфортом прогуляться до любых других ворот и им бы не пришлось стоять в бесконечной, еле ползущей очереди, становясь все капризнее, злее и раздражительнее с каждой новой минутой промедления, но этого не произошло. За то случилось кое-что другое, благодаря чему набитый под завязку кошелек с

монетами оказался в руках троих стражников, так удачно оставшихся без присмотра ответственного прядильщика.

— Ну, Карл, развязывай, пора уже выяснить, чем нас одарила Хозяйка Свечей за все наши труды! — весело потребовал грузный стражник с раскрасневшимся от жары лицом, предварительно влезший на высокий табурет, чтобы проверить не возвращается ли обратно их молчаливый начальник.

— Ох и тяжел, может и золотые найдутся? — мечтательно предположил Карл, ощупывая, расшитый мелким бисером кошель. — А ты пока придумай, как получше оформить, шутганца я этого сразу узнал, в прошлом году приезжал в Корду, посол он важный, так и запиши, а вот кто была его спутница...

— Так тоже, наверное, шутганка, раз с ним прибыла. Видели ее платье? Да за те деньги, что оно стоит, можно месяц в трактире гулять и еще останется, — подал голос третий стражник, раскачивавшийся на стуле, опершись для удобства локтем о камень чистых помыслов. — Эх, если бы не этот дырявый булыжник, не видать бы нам денежек!

— Да нет, не похожа она на шутганку, пусть и говорит, чудовищно коверкая слова, — отмахнулся толстый стражник. — Так что там, Карл? Не зря мы их пропустили?

— Ох не зря, — с волнением в голосе объявил Карл, бережно перебирая трясущимися пальцами содержимое кошеля. — Золотые, целый кошель золотых, да эта обморочная госпожа бросила нам целое состояние, лишь бы не стоять в душной очереди с остальными и не совать свою белую ручку в нутро безобидного камня!

Восторгу молодого стражника не было предела. Его напарник, чуть не снесший на радостях обогативший их камень, дико рассмеялся и замолотил по воздуху руками, а вот толстяк, напротив, сдвинул кустистые брови и начал нервно грызть кончик перьевой ручки, отодвигая от себя чернильницу и большую книгу учета гостей внутреннего города, в которой только что, чуть не вывел фальшивую запись о щедрой парочке чужестранцев.

Глава 6.2 Главные ворота

— А ведь и правда, нервной госпоже очень хотелось покинуть очередь поскорее. Она всячески выказывала свое недовольство промедлением и старательно выводила из себя окружающих, но тем не менее, так и не отправилась к другим воротам. И это несмотря на то, что Карл совершенно ясно дал понять шутганцу, что возле остальных пропускных пунктов очереди, по сравнению с нашим, почти нет. Кроме того, она даже не пыталась развлекать себя рассматриванием видов с вершины лестницы и не проявила ни малейшего интереса к стенам внутреннего города. Старинные камни, скрепленные корнями и ветвями живого дерева, притягивают всех, кто не привык к такому необычному зрелищу за долгие годы жизни в Корде, а она даже не коснулась стены рукой, как это делали все остальные. Неслыханное безразличие для чужестранной гостьи! Похоже, куда сильнее ее заботила именно проверка. Она чуть не просверлила своим напряженным взглядом в камне чистых помыслов еще одну дыру, а вот вся красота Корды и болтовня об увеселительных мероприятиях ее совсем не занимали. Богатая госпожа была явно чем-то сильно обеспокоена, да и шутганец поглядывал на нее с тревогой, — размеренно поделился своими четко выстроенными умозаключениями раскрасневшийся стражник, а затем добавил визгливым голосом после минутной заминки: — Кого мы вообще пропустили в самое сердце Корды?!

Выпалив свой неожиданный вопрос, заставивший остальных стражников прекратить радостно дожевывать остатки обеда, толстяк резво вскочил на стул и стал старательно

вглядываться в плотную толпу, начинавшуюся сразу за чертой пропускного пункта. Разумеется, красивой женщины в ярком платье, ушедшей под руку с шуттанцем, уже и след простыл.

— Ох и завернул ты, Кори! Да разве может такая трепетная госпожа с добрым сердцем оказаться преступницей? Она же не какая-нибудь дикая двулика, прибывшая в Корду с безумной мыслью о срыве праздника или для учинения обычных боривальских беспорядков. Разве ты не заметил какие у нее прекрасные, честные глаза, а голос, какой мелодичный голос, в жизни такого не слышал, — мечтательно вспомнил стражник, сидящий в обнимку с камнем. Он с нежностью глядел на туго набитый кошель, треть которого совсем скоро переключит в его пустой карман, и представлял себе самые радужные картины ближайшего безбедного будущего.

— Не будь таким наивным простаком, Дуайт! Сам посуди, станет кто-то в здравом уме швыряться золотыми просто так, если не задумал чего дурного? Да за те деньги, что она оставила нам в уплату свободного прохода за стены внутренней Корды, ее бы пол ордена Опаленных на закорках довезла, хоть от самого подножья лестницы, — продолжал кипятиться Кори, сверля подозрительный кошель недобрым взглядом и отпихивая от себя книгу учета гостей, как можно дальше, словно боясь ненароком записать хоть букву, способную изобличить их преступный обман.

— Запиши тогда, что пропустили мы с шуттанским посланцем не шуттанку, а госпожу со знаком гильдии валарданских мастеров и что прошла она проверку камнем без всяких нареканий, — серьезно посоветовал Карл, до которого тоже начала доходить вся странность ситуации. — А ведь и шуттанец не коснулся камня! Заливался, как соловей, шутил, все расспрашивал о празднике, пока его спутница не объявила, что ей дурно и не бросила нам свой кошель, проходя мимо... Дуайт, они ведь так и не притронулись к камню?

— И то верно, перед ними оставалась всего пара человек... Кори дело говорит, шуттанец действительно поглядывал на госпожу с опаской, только я тогда подумал, что он беспокоится, как бы с ней припадок от жары не случился, но теперь мне кажется, что все с этими двоими было не так просто. Камень по дуге обошли, — тихим обреченным голосом подтвердил опасения Карла Дуайт.

— Мы их пропустили, золото взяли, а прядильщик скоро вернется и чего доброго начнет расспрашивать о тех, кого мы вписали в книгу, пока его не было, — предположил самое худшее Карл, нервно поправляя воротник мундира, ставший слишком тесным после слов Дуайта.

— Решено, не было здесь никаких шуттанцев — ни послов, ни женщин! Раз проверку камнем не проходили, то и в книгу записывать нечего, а золото... Лучше спрятать кошель до прихода ответственного, не то начнет еще вопросами сыпать и раскопает все до последней нити, а мне, ох как не хочется в темницу. Радикулит и годы уже не те, — решительно высказался Кори, как самый опытный и бывалый из всех троих.

Дальнейшая работа пропускного пункта главных ворот продолжилась с неестественным рвением и фанатичным пристрастием. Стражники умудрились не пустить нескольких двуликих хищников и довести до слез юную двуликую лань, чем немало позабавили, вернувшегося прядильщика. Он даже решил подшутить над старательными солдатами, сказав, что, если те не прекратят выказывать свое рвение, разжигая тем самым недовольство в толпе и демонстрируя истинное отношение Корды к Боривалу, всех их ждет теплая встреча с главным кордским палачом. К большому удивлению прядильщика, шутка произвела совсем

не то впечатление, на которое он рассчитывал. Солдаты не рассмеялись и даже не улыбнулись, вместо этого они дружно издали сдавленный хрип и перепугано на него уставились. Перенервничавшие стражники приняли слова прядильщика за чистую монету, после чего стали вести себя еще чуднее, на что ответственный за главные ворота, лишь махнул рукой, посчитав чрезмерную учтивость и неестественную доброжелательность стражников, результатом солнечного удара.

Но на этом злоключения стражников главного поста не закончились. Не успели они прийти в себя и порадоваться очередному уходу бдительного прядильщика, непонятно из-за чего пригрозившего им встречей с палачом, как из темноты показалась настоящая живая легенда.

Встретить северную прядильщицу горного храма у ворот Корды, было таким же из ряда вон выходящим событием, как если бы на праздник пожаловал воскресший Ловец живых чудес и объявил себя новым послушником ордена Опаленных. Каких только слухов не ходило об этих могущественных женщинах, рождающихся с даром видеть, переплестать и даже обрывать нити. Кордские прядильщики не шли ни в какое сравнение со своими северными сестрами, способными на такие чудеса, о каких столичные шарлатаны, только и думающие о монетах и собственном престиже, могли лишь мечтать. За помощью к северянкам отправлялись очень немногие и лишь в тех случаях, когда другого выхода совсем не оставалось. Мольбы, деньги и угрозы не производили на них ровным счетом никакого впечатления, северные прядильщицы сами решали, в чьи нити следует вмешаться, а кому и отказать.

Шагнувшая в круг света женщина была как раз из таких. Одного взгляда на ее худое, серьезное лицо и грубое полотняное платье бордового цвета, подпоясанное тонкой веревкой, хватало, чтобы понять — посулы награды или грубое принуждение могут закончиться такой «помощью», после которой путешествие за грань покажется истинным избавлением. Молодая северянка двигалась бесшумно, как тень, в каждом движении ощущалось достоинство и полное спокойствие. Оказывавшиеся поблизости, невольно расступались и замирали, смотря во все глаза на ее длинные седые волосы, заплетенные в сотни тонких косичек, едва не касающихся земли, и на обожженный деревянный посох, казавшийся слишком длинным и тяжелым для такой хрупкой прядильщицы.

Следующей, на кого обратили внимание, сгрудившиеся у поста гости, была огромная лохматая собака, скалившая зубы на тех, кто осмеливался подойти слишком близко. И только после недружелюбного животного, очередь доходила до двуликого служителя храма, предоставившего свой локоть прядильщице в качестве опоры при длительном подъеме по крутой кордской лестнице еще у подножья, когда та, остановившись у самой нижней ступени, обратилась к толпе с просьбой о помощи. Ее безукоризненно вежливые слова, куда больше походили на, не терпящий промедления в исполнении или малейшего ослушания приказ, чем на просьбу, а потому проигнорировать ее обращение было попросту невозможно.

Двуликий служитель из семейства мышиных оказал всем огромную услугу, принеся себя в добровольную жертву, и теперь те, кто шли сразу за прядильщицей и ее сторбившимся сопровождающим, прячущим скорбный взгляд за толстыми уродливыми очками, выказывали своему спасителю невольное, вполне искреннее сочувствие. Многие заметили, как нервно он дернулся, когда северянка неожиданно остановилась и резко подняла посох, указывая прямо на пост стражников. Двуликий попытался то ли высвободить локоть, то ли продолжить путь

и наконец-то избавиться от прядильщицы, когда та пересечет ворота города, но не тут-то было. Северянка сурово сдвинула брови, уставилась на двуликого своими, пробирающими до дрожи, белыми глазами и грозно шикнула. Следует отдать должное несчастному в серой рясе, делающей его и в человеческом облике поразительно похожим на мышь, дергаться он перестал. А вот окружавшие их путешественники такой выдержкой похвастаться не могли. Еще при взмахе посоха, некоторые постарались вжаться в оборонительную стену внутреннего города, а при звуке, больше напоминавшем шипение змеи, и вовсе попытались вернуться на ступени чудесной лестницы, уводящей так далеко от опасной северянки. Однако, спасительный проход был надежно перегорожен более прыткими и теми, кто даже не подозревал, на кого можно наткнуться, спеша присоединиться к празднику и упорно толкая замешкавшихся в спины.

— Как слабы стали мои кордские сестры, раз проглядели истончившиеся нити своих защитников, — тихо заметила северянка, но ее слова расслышали даже те, кто стояли дальше всех, а главное — сами защитники, удивленные столь неожиданным поворотом событий.

— Один умрет еще до исхода Ночи Свечей, другой — через пять лет, — стала пояснять свои слова прядильщица, тихо постукивая посохом о землю и загадочно чему-то улыбаясь. — А третий отправится за грань еще очень нескоро, только вот легче ему от этого не станет!

Получив страшное предсказание, стражники переглянулись и дружно бросились к северянке. Прервал их стремительный забег почти у самого финиша грозный лай и угрожающее рычание. Пес явно не был настроен подпускать еще хоть кого-то лишнего к своей хозяйке. Он и так всю дорогу плотоядно поглядывал на сгорбленного господина в рясе, но не трогал его, боясь нарушить запрет, строго озвученный северянкой еще у подножья лестницы.

— Просим вас о милости, северная госпожа, не дайте нитям оборваться. Нет за нами преступных дел, чтобы так страдать за них и рано умереть, — взмолился за всех троих разом Дуайт. Ему было очень страшно умирать и он совсем не хотел узнавать, что такого ужасного заготовила судьба тому из них, кто проживет дольше всех и будет, судя по всему, еще завидовать, ушедшим за грань первыми.

— Мало того, что мертвец, так еще и плут в придачу! — холодно рассмеявшись, заключила прядильщица. — Но я вижу все ваши нити и они действительно не так плохи, чтобы их обрывать...

Расслышав последние слова, набравшиеся смелости путники, только что приблизившиеся, чтобы лучше слышать тихую речь северянки, резко отшатнулись, безжалостно оттаптывая ноги тем, кто старался укрыться за их спинами. Прядильщица оказалась не просто видящей или переплетающей нити, а самой обрывающей, способной убить, разорвав всего одну нитку, выдернутую из одежды осужденного. Такая жуткая власть не укладывалась в головах перетрусивших гостей столицы, желавших всего лишь повеселиться и выпить вина, а не сталкиваться нос к носу с одной из легендарных обрывающих нити. Большинство из собравшихся, свято верили в то, что таких вообще больше не рождается в Дэйлинале.

— Не гневайтесь, могущественная госпожа, — едва выдавливая слова и не чувствуя одеревеневших от ужаса ног, начал свою речь Кори, окончательно убедившийся в опрометчивости их сегодняшнего проступка. — Мы страшно виноваты и заслуживаем наказания, но мы не знали, чем обернется наша непростительная глупость. Молю вас о

снисхождении и помощи.

— Твое раскаяние такое же неискреннее, как и слова мертвеца. Теперь понятно, за что ты должен будешь страдать целых пять лет. Неспособность к раскаянию заслуживает куда большего! — сверкнув хищной улыбкой, изрекла северянка, мощно ударив посохом, от чего, осыпавшаяся с него зола, оставила на земле отчетливый круглый отпечаток.

Стоявший до этого в полной неподвижности очкастый служитель храма, вновь попытался вывернуться, но прядильщица лишь сильнее сжала свои тонкие пальцы на его локте и даже не потрудилась повернуть голову в его сторону.

— А что же притих третий, неужели не хочет чего-нибудь попросить, как это сделали господа лжец и мертвец? — грозно надвигаясь на третьего стражника, поинтересовалась прядильщица. Ветер, решивший сопроводить ее стремительное приближение, подхватил рано поседевшие косы, заскользившие вдоль лица прядильщицы точно тонкие змеи, и коснулся ими несчастного стражника. Тот, ощутив прикосновение белых длинных волос, решил попытать удачу в полной капитуляции и рухнул на колени, зачем-то отчаянно держась при этом за правый боковой карман мундира.

— Я не смею просить о помиловании, но мне очень хочется жить, не узнавая почему смерть была бы лучше долгого существования, — правильно поняв, какая из трех истончившихся нитей принадлежит именно ему, решительно выпалил Карл. — Мы сделаем все, что Вы скажете, только помогите, прошу вас, пожалуйста, северная госпожа.

— Мертвец, лжец и трус хотят жить и не хотят отвечать за свое преступление, о котором прекрасно догадываются, — склонив голову к правому плечу, оценивающе протянула северянка, прекратив постукивать посохом, чем неимоверно обрадовала служителя, зажатого в ее цепких пальцах, как самая обыкновенная и совсем не двуликая мышь. — Что ж, я пришла в Корду помочь моим столичным сестрам, забывшим о том, что такое бескорыстие. С вас, пожалуй, и начну свое показательное выступление, раз уж сегодня праздник и нужно что-то показывать.

Презрительное отношение к кордским прядильщицам сочилось из каждого ее слова, но стражники плевать хотели на все внутренние разборки прядильщиков разных храмов и орденов, сейчас они действительно были готовы на все, лишь бы не умирать по вине пары хитроумных шуттанцев, проникших в Корду благодаря проклятому кошелю, набитому золотом.

Склонившись над стражниками, сбившимися в кучу на коленях у ее ног, прядильщица начала очень тихо втолковывать им свои мудрые наставления. Бедный служитель, чьей руки она так и не выпустила, тоже был вынужден участвовать в тайном совещании, на котором одни узнавали, как им не отправится за грань, а другая, давала хоть и точные, но весьма странные инструкции. Невольный свидетель ежесекундно поправлял громоздкие очки, за которыми нельзя было рассмотреть даже цвета глаз, и молча страдал, бросая тоскливые взгляды на ворота внутренней Корды, до которых оставалось буквально рукой подать. Несчастному нестерпимо хотелось разогнуться, вырвать свою многострадальную руку и сбежать подальше от северянки, решившей так не вовремя облагодетельствовать стражников. Но он не мог, прядильщица намертво в него вцепилась и похоже, даже не думала отпускать. И не она одна! Злой пес так же успел схватить серого служителя храма, запустив острые белые зубы в край его рясы, пользуясь удачным моментом и полным отсутствием внимания со стороны бдительной хозяйки.

Закончились объяснения так же внезапно, как и начались. Прядильщица распрямилась,

аккуратно поправила, упавшие на лицо за время разговора волосы, одним резким движением разгладила складки на подоле длинного, строгого платья и двинулась вперед, не говоря больше ни слова, лишь мерно постукивая посохом в такт шагам и утаскивая за собой двуликого.

Стражники ошарашенно смотрели ей вслед и не могли заставить себя подняться. Гости города, так и застывшие на своих местах, жадно предвкушали, как и в какой последовательности будут пересказывать друзьям и знакомым, волнующую историю о встрече с самой северной прядильщицей, способной обрывать нити, но вместо этого, спасшей сразу три загубленные жизни от верной гибели.

Глава 7. Засахаренные яблоки

Стоя на пороге трехсотлетия победы Дэйлиналя над Ловцом живых чудес, вечерняя Корда принимала тысячи нарядных, смеющихся гостей. Прохладный воздух переполняли разнообразные ароматы. Легче всего угадывалось нежное благоухание горных каренцилий. Свежесрезанные цветы, доставленные ранним утром, украшали каждую входную дверь города, защищая дома от зла, бед и болезней. Их красота была так же недолговечна, как и особая магия, сопровождающая праздник Хозяйки Свечей звуками загадочных мелодий, достигавших ушей каждый раз, как легкому ветерку удавалось задеть шелковистые белые лепестки.

Улыбчивые лоточники носились по весело шумящим улицам, разнося традиционные кордские угощения. Гордые своей ответственной миссией, они зорко следили, чтобы никто из решивших посетить Корду в праздничную Ночь Свечей даже и не думал обойти стороной их ярко разрисованные, украшенные лентами ящики. Неутомимые работники легко справлялись с неуверенностью гостей города, опасливо поглядывавших на незнакомые блюда и на переливающиеся разными цветами камни, подсвечивающие содержимое лотков. Дэйлинальцев веселила реакция чужестранцев, наслушавшихся самых невероятных историй о силе прядильщиков. Некоторые из разодетых господ, так и старались перешеголять друг друга в осторожности, не желая оказываться жертвами колдовства, соблазнившись заманчивым видом засахаренных яблок. Они стойко не поддавались уговорам и заверениям в безобидности лакомства, но не могли ничего с собой поделать, когда в ход шел последний, молчаливый довод — аппетитный запах печеных фруктов, возвещавший о приближении лоточников задолго до того, как тех успевали разглядеть в толпе.

Повсюду царили оживление и предвкушение счастливого исхода ночного ритуала. Прядильщики спешно заканчивали последние приготовления и умело поправляли младших служителей. Тем выпала непростая задача — натянуть широкие белые полотна, расшитые шелком, красными и желтыми колдовскими символами.

Расходясь от витого золотого шпиля, венчающего купол главного храма, развернутые полотна с легкостью достигали земли. Их основной задачей была защита шестнадцати храмовых дверей от вторжения Злого ветра, неустанно посещающего Корду в Ночь Свечей, когда отпирались все замки и двери главного храма.

Импровизированные занавеси ревностно оберегали слабые языки угасавшего пламени и скрывали от глаз ослабшую свечу, расплывшуюся восковыми потоками по всему мозаичному полу многоугольного зала. Ежегодно свеча восстанавливалась и разгоралась с новой силой. Ее вечный огонь служил символом поддержки Хозяйки Свечей и не гас за все свои долгие двести девяносто девять лет ни единого раза, оберегая покой и безопасность всего Дэйлиналя.

Главные ворота внутреннего города готовились к скорому закрытию, принимая последних запоздалых путников, не успевших прибыть засветло. Остальные пропускные пункты разошлись еще час назад, дождавшись пока вверенные им ворота не скроются за надежным переплетением ветвей и корней живого дерева, оберегавшего Корду со времен основания на горе первого храма. Древнюю защиту невозможно было снять хитростью, грубой силой или магией, она подчинялась лишь приказу Верховной прядильщицы. Прекрасно осведомленные о такой особенности, стражники спокойно присоединялись к празднованию, зная, что как только последние ворота последуют примеру всех остальных, никто не сможет проникнуть в Корду или покинуть ее ровно до того момента, пока Верховная Хильда не объявит окончание празднования в полдень следующего дня и не позволит живому дереву разомкнуть контур непробиваемой защиты.

Пузатые свечи в маленьких стеклянных шарах с отверстиями в форме все тех же причудливых знаков, что и на полотнах, быстро расходились по рукам желающих принять участие в шествии огней. Далеко не все из взявших на себя почетный труд, вкладывали особый смысл в начальный этап ритуала. Некоторым хотелось лишь согреть ладони или обзавестись удобным источником света. Блуждать в темноте, переходя от одного островка веселья щедро освещенного огнями, к другому, было не самым приятным и безопасным занятием. Улицы Корды переплетались, ветвились и заводили в темные подворотни. Далеко не везде путь освещали свечи и камни, а уж о теплом приеме за каждым из поворотов, не стоило и мечтать. Город прядильщиков радушно принимал гостей в праздничную ночь, но не позволял забывать о границах своего редкого гостеприимства. Тем, кто прибыл в Корду за тайнами и секретами, излишнее любопытство могло обойтись, как отдавленным носом, так и неожиданной прогулкой за грань.

Жаркий день сменился прохладным вечером. Путешественники, прибывшие из соседних городов и других государств, постепенно начали находить общий язык при помощи согревающего вина и повсеместной атмосферы веселья. Пряному напитку не уступали в популярности лишь, распробованные засахаренные яблоки. Прядильщики готовили их по особому, секретному рецепту всего раз в году, специально к Ночи Свечей. Дэйлинальцы верили в чудодейственную силу печеных фруктов, зная какой сложный ритуал проводился над ними за день до начала праздника в главном храме Корды, а потому с большим удовольствием подходили к лоточникам за добавкой, рассчитывая не только полакомиться, но и укрепить здоровье, а может, если повезет, еще и общее благосостояние. Кордские яблоки одаривали по-разному, не было у них и одного, общего для всех вкуса. Гостям нравилось делиться впечатлениями и сравнивать ощущения с соседями, некоторые даже пробовали меняться угощениями, стремясь почувствовать тот же вкус, что старался описать собеседник, но особое колдовство не поддавалось.

И только на одной улочке, едва примыкавшей к центру Корды, от освященных яблок не требовали ни особого вкуса, ни чудес. Средоточием столь возмутительной неприхотливости служил самодельный стол, наспех составленный из трех винных бочек, обитых железными обручами и перевернутого вверх тормашками круглого деревянного поддона, назначение которого так и не удалось определить. Роли табуретов успешно исполняли небольшие бочонки с медом. Торговец был крайне удивлен вопросом о чистоте и надежности бочонков, обычно ему приходилось уверять покупателей в качестве залитого в них продукта. Впрочем, он быстро справился с замешательством и сумел подзаработать на чудных покупателях даже больше, чем на своих самых щедрых заказчиках, предпочитающих мед древесине.

Находчивые господа, решившие на этот раз избрать для себя не слишком фешенебельное место сбора, довольно быстро оценили комфортабельность расположения на свежем воздухе и новизну импровизированного стола. Им даже пришлось по душе медовые «табуреты», оказавшиеся вполне удобными, и они позабыли о тяготах своего вынужденного переезда. Осталось лишь приподнятое настроение и полное удовлетворение, пришедшее за компанию с остроумной выходкой одного из заседателей круглого стола.

Засахаренные яблоки, неожиданно ставшие неотъемлемой частью их игры, далеко не сразу обрели статус международной финансовой единицы. Вначале господа послы играли на старые добрые монеты, но подобное положение вещей очень не понравилось прядильщику в мантии ордена Опаленных. Проходя мимо тесного кружка зрителей, ахающих и хватаящихся за сердца и головы при каждом новом броске кубиков, он очень заинтересовался возгласами о все увеличивающихся горах золота и серебра, кочующих по столу от одного игрока к другому.

Прядильщик сумел добраться до игравших лишь с большим трудом. Для этого ему пришлось вытерпеть массу тычков и пинков, а главное — обзавестись целым потоком проклятий, обрушившимся на его голову еще при первой попытке растолкать увлеченно наблюдавших за игрой зевак. И до чего же он был возмущен, когда чужестранцы не обратили на его важную персону ровным счетом никакого внимания. Ему даже показалось, что один из них, самый крупный на вид, чуть не отправил его за добавкой с пустым кувшином.

Не стерпев такой обиды и явного пренебрежения, прядильщик, как самый настоящий коршун, накинулся на нарушителей всеобщего миролюбия и спокойствия. Он грозно тряс коротким указательным пальцем, украшенным перстнем с гербом ордена Опаленных, и прилагал все свое красноречие, чтобы как следует наставить игроков на путь истинный.

Разглагольствования ревностного фанатика о святости праздника уводили слушателей в такие дебри, из которых могла вывести лишь очередная кружка, чем и спасались гости города, запивая речь неутомимого оратора. Исходя из представлений разряженного прядильщика, едва не сносящего со стола длинными рукавами кружки и кувшины, азартные игрища должны были неминуемо разрушить всю красоту праздника и обратить Ночь Свечей в гадкий пьяный дебош. Почетный член ордена Опаленных в красках описывал, как один из чужеземных гостей проиграется в пух и прах, затем примется уличать оставшихся в мухлеже, а кончится все это безобразие отвратительной дракой и срывом всей церемонии.

Трое послов, получивших столь красочный прогноз, тут же изобразили на лицах одинаково искреннее раскаяние и с жаром принялись уверять достойнейшего прядильщика, что он абсолютно прав! Выждав, пока тот проникнется уверенностью в их полном раскаянии, послы наперебой начали предлагать собственные варианты развития событий и доказывать прядильщику, что он еще забыл упомянуть о возможности кровопролитных международных войн и полном моральном падении Корды. Последнее должно было приключиться со столицей Дэйлиналя по вине дурного влияния чужестранных нравов, о чем послы жалели больше всего. Все трое так переживали и горевали, что начинало казаться, будто вся вина целиком и полностью ляжет именно на их посольские плечи.

Развесивший уши прядильщик, далеко не сразу уловил, что над ним попросту издеваются. Наконец поняв свой промах, он раздулся, как злобная жаба и пригрозил вышвырнуть всех троих шутов за ворота города и никогда больше не пускать в Корду, окажись еще хоть одна дэйлинальская или любая другая монета на кону в их гнусной игре. Помимо этой, в ход пошли угрозы о возможных письмах к правителям их королевств с

жалобами на возмутительное поведение послов. Прядильщик пригрозил обвинить всех троих в попытке срыва важного события, утяжелив это туманным намеком о разрыве дружеских отношений со всем Дэйлиналем.

Предупреждение о подлой жалобе эффекта не возымело, зато послы прекрасно поняли, что прядильщик вполне может приказать учинить над ними расправу непосредственно в самой Корде. Мерзнуть, сидя на холодной лестнице в гордом одиночестве, пока за стеной продолжается праздник и вино льется рекой, никому из них не хотелось, а потому пришлось попридержаться коллективное остроумие до более подходящего случая. Но, какими бы трое господ были послами, если бы хоть на миг позволили себе окончательно пойти на поводу у какого-то надутого святоши?

Подождав, пока напыщенный индюк, возомнивший себя победителем, удалится, рассыпая направо и налево нравоучительные бредни, послы поднялись из-за стола, вышли на улицу и окинув заговорщическими взглядами приунывших зрителей, двинулись прочь от оживленной центральной площади.

После того, как новое место и все необходимое для продолжения игры было найдено, посол Клэрри подозвал парочку лоточников. Тщательный инструктаж по определению курса яблочка относительно номинала монет не занял много времени. Ошарашенные лоточники были назначены ответственными за новейшую международную валюту и даже снабжены соответствующими такому важному делу, наспех составленными «граммотами».

Игра возобновилась с новым азартом. В какой-то момент в толпе зрителей начали стараться предугадать результат игры, заключались пари.

— Итак, господа, пришло время для решающей битвы! Посол Хельдерби, посол Клэрри, вы согласны с итогами наших неподкупных счетоводов? — обратился к партнёрам по игре с шутливой официальнойностью посол Ригби, указывая рукой на ровные столбики меловых цифр, отражающих ход напряженного международного противостояния бывалых игроков.

— Корда умеет считать, недаром Боривал почти загнулся, прибитый их неподъемными налогами. Не вижу особого смысла пересчитывать, — легкомысленно отозвался посол Хельдерби, не обращая внимания на то, как обиженно покосились на него двуликие зрители, задетые словами об их бедственном положении.

— Вы, как всегда, несправедливы к угнетенным, посол Хельдерби, — закидывая кости в деревянный стакан, заметил посол Клэрри. — Иной раз и самая отчаявшаяся жертва умудряется ускользнуть, исхитрившись укусить охотника, каким бы опытным и ловким тот не считался. Взять, к примеру, маленькое захудалое королевство Грифалет, — с намеком развил свою мысль посол, рассматривая полученную комбинацию. Бросок был не слишком удачным, но при должном невезении остальных, его вполне могло хватить.

— Грифалету конец, — с полной уверенностью возразил посол Хельдерби, подливая вина, сидящему справа от него послу Ригби. — За шарлатанов всерьез взялась Шутта. Кстати, кого из вашего посольства направили разбираться с их фокусами, если ты здесь?

— Шарлатаны видимо нашли, чем удивить, раз уж сам Ригби Бессердечный предпочел оставить их в покое, всего раз пообщавшись с грифалетским предсказателем, — не унимался посол Клэрри, с интересом поглядывая на шуттанца. Тот отставил занесенную для плотка кружку в сторону и сцепил на столе пальцы в замок.

— Боюсь салеманские шпионы начали терять свою хваленую хватку, иначе зачем бы им пришлось собирать досужие сплетни вместо достоверных фактов? — не остался в долгу посол Ригби, еле скрывая раздражение за натянутой улыбкой.

— В самом деле? — с притворным удивлением протянул посол Клэрри, будто в халатности сейчас уличили не шпионов его собственной страны, а чьей-нибудь чужой, не имеющей к нему ни малейшего отношения.

— Да уж, совсем обленились ваши молодцы, — посочувствовал посол Хельдерби, догрызая сахарное яблочко из числа тех, что лежали со стороны салеманца, решившего распустить очередную сплетню. — Посла Ригби за то и прозвали Бессердечным, что он ни во что и никому не верит, лишь с улыбкой выполняет свою работу, портя жизнь врагам Шутты. Блестящий подход к делу! Наша королева столько раз предлагала ему перебраться в Берентиль, но он все отказывается.

— В Берентиле для меня слишком холодно, — ворчливо пояснил шуттанец, но тут же добавил, заметив, как нахмурился посол дружественного королевства. — Однако, я высоко ценю гостеприимство вашей прекрасной королевы!

Лесть пришлась по душе берентильцу. Крякнув, он ловко подхватил кувшин и наполнил кружки до краев, требуя выпить за красоту и долголетие всех трех королев. Отказываться пить за правительниц послы не стали. Опустевшие кружки грохнули о крышку самодельного стола практически одновременно, но на этом их единодушие и закончилось.

Выпитое дурно отразилось на чувстве такта посла Клэрри. Уже через минуту он возобновил свои нападки, забывая о всякой осторожности и чувстве самосохранения.

— Тогда выходит, у предсказателя видели кого-то очень похожего на Вас. Мне правда сложно предположить такое невероятное сходство, да еще не где-нибудь в Шутте, а в маленьком Грифалете, где шелка и золото считаются ядом, способным разрушить дар истинного предсказателя, — не сводя пристального взгляда с посла Ригби, стал возвращаться к прежней теме посол Клэрри. — Или, быть может, при дворе Шутты появился еще один молодой посол, решивший последовать вашему примеру в выборе ярких нарядов и приметных украшений?

— О нет, направили к ним именно меня! — зло сверкнув глазами, сознался шуттанец, поняв, что отпираться бесполезно. — Более того, из вежливости я даже принял приглашение предсказателя и посетил его дом. Беседа оказалась на редкость занятой... И все же покинуть славное королевство Грифалет мне пришлось совсем по иным причинам, — старательно изображая дружелюбие, подвел итог посол Ригби.

— Я себе представляю! — рассмеялся посол Берентилья, хлопнув шуттанца по плечу так, что тот чуть не пересел с бочонка на землю. — Должно быть вывел жалкого шарлатана на чистую воду и отправился по более важному поручению, а позже неожиданно вернешься и добьёшь Грифалет каким-нибудь особенно изобретательным способом.

Вера берентильского великана в таланты шуттанца внушала последнему надежду на скорейшее завершение неприятной темы, но назойливый салеманец, явно хвативший лишнего, и не думал успокаиваться.

— Говорят, что на Вас лица не было, когда Вы покидали дом предсказателя, — прямо заявил посол Салемана, выискивая на лице шуттанца хоть малейший проблеск эмоций, способных подтвердить донесения шпионов.

Как бы не хотелось послу Ригби завершить этот разговор на мирной ноте, пропускать мимо ушей откровенную насмешку было не в его характере, к тому же он недолго любил завистливого сплетника и с радостью отправил бы того на корм рыбам, не будь Салеман интересен Шутте.

— Если на мне не было лица, как же меня узнали ваши бездельники? — шутливо начал

посол Ригби, лукаво шуря зеленые глаза, сквозь которые уже начинала проглядывать его знаменитая жестокость, не сулящая салеманцу ничего хорошего. — Раз Вы так заинтересованы в предсказаниях, могу поделиться парочкой, говорят я не плохо угадываю будущее, — зловеще улыбаясь, предложил шуттанец.

Притихший посол Клэрри трезвел на глазах, до него начала доходить вся опрометчивость попыток задеть, по его разумению, оступившегося, более удачливого коллегу. Несмотря на всю свою молодость и малое число лет службы в посольстве, шуттанец успел зарекомендовать себя. Салеманцу сразу припомнилось другое прозвище, куда менее известное, чем Ригби Бессердечный. Кое-кто называл шуттанца змеей в птичьих перьях и намекал, что это именно то, за что король Шутты платит своему особому послу. Умение не только шипеть, но и жалить!

— О, как интересно, я бы с удовольствием послушал предсказания, — добродушно откликнулся посол Хельдерби. Добряк в упор не замечал смены настроения за столом и лишь подливал своими беспечными словами масла в огонь.

— Что ж, приступим, — закатав рукава, как заправский фокусник, начал посол Ригби, беря в одну руку стакан, а в другую кости. — Во-первых, мы с вами, друг мой, Хельдерби, поделим куш поровну. Вот увидите, удача окончательно отвернется от посла Клэрри и он проиграется в пух и прах, как и предупреждал прядильщик из ордена Опаленных. Во-вторых, никто из нас в этот раз не заключит с Кордой ни единого договора. Прядильщики будут слишком заняты, пытаясь подавить бунт, который разгорится прямо у дверей главного храма в тот момент, когда Верховная будет колдовать над своей драгоценной свечой. И в-третьих, следующему салеманцу, посмевавшему сунуть свой длинный нос в мои дела, я непременно сверну шею, — объявил посол Ригби, мерно тряся стакан с костями и не меняя своего шутливого тона.

Шуттанец внимательно разглядывал меняющиеся с каждым его словом лица зрителей и четко оценивал эффект, произведенный заявлением о скором бунте. Дождавшись, пока посол Клэрри окончательно проникнется сказанным, а до посла Хельдерби наконец-то дойдет, что шутками здесь и не пахнет, посол Ригби перевернул стакан. Он даже не взглянул на выпавшую комбинацию, куда больше его занимало какое бы яблоко выбрать. Шуттанец лениво протянул руку к лотку со сладостями, игриво пошевелил пальцами и аккуратно вытянул самое нижнее яблоко, умудрившись не разрушить всю пирамиду. В то время, как он смаковал засахаренный фрукт, его партнеры по игре и онемевшие зрители, ошарашенно рассматривали шесть одинаковых кубиков, демонстрировавших лучший расклад из всех возможных. Первым в себя пришел посол Хельдерби.

— Но позволь, Ригби, это ведь чистая победа! Какое уж здесь «поделим пополам»? Похоже, сегодня с носом останется не только посол Клэрри, но и я, — стал прощупывать почву посол Берентия.

— Куда интереснее предсказание о бунте, — настороженно озираясь по сторонам, выдавил салеманец.

Толпа зрителей, еще недавно охваченная праздничным настроением, начала подавать признаки беспокойства. Движения двуликих стали резче, а перешептывания, расходящиеся, как круги на воде после падения камня, становились все тревожнее и громче. Было видно, что слова о бунте произвели сильное впечатление. Более того — в них поверили и уже начали передавать по цепочке.

— Неужели мы оказались запертыми в Корде как раз в тот момент, когда здесь должна

начаться резня, как Вы вообще об этом узнали? — спешно переходя на шуттанский, с тревогой в голосе уточнил посол Клэрри. Ему совсем не хотелось попадать под раздачу, когда боривальцы наконец сцепятся с прядильщиками. О том, что посол Ригби может кого-нибудь придушить, если его как следует разозлить, салеманцу было известно и без предсказаний. Недавние попытки поддеть шуттанца были забыты, посол Клэрри ждал ответа и лишь надеялся, что все не так плохо, как начинало казаться.

— Наблюдательность и способность подслушать самое интересное — не Ваш конек, равно как и умение посещать приятные праздники — не мой. Хельдерби, я прекрасно помню о приглашении на день рождения твоей супруги, но, к сожалению, не смогу приехать, — свернул шуттанец на новую тему, стремясь ослабить напряженную обстановку. — Однако это не помешает мне сделать ей подарок. Надеюсь, ты сможешь выбрать за меня что-нибудь подходящее, а главное, передать госпоже Гинтери мои искренние пожелания счастья и долголетия?

— Вы только поглядите, похоже нас сейчас опять попытаются выставить за стены города. Может на этот раз воспользуемся их щедрым предложением? Ввиду возможных осложнений, подобный поворот может оказаться настоящим спасением, — серьезно предположил посол Клэрри, заметив служителя храма, смотрящего на них с таким негодованием, какого не было у самого орденского прядильщика, хотя тот занимал куда более видное положение в иерархии храмовников Хозяйки Свечей.

Очки служителя в серой рясе медленно съехали на нос и открыли отличный обзор для ярких, зло прищуренных глаза. Судя по направлению немигающего взгляда двуликого, мишенью для выражения всяческих недовольств, храмовник избрал именно шуттанца, решившего подработать оракулом, а не всех троих разом. Тот, почувствовав тяжелый взгляд, нехотя обернулся, заметил грозную фигуру в сером и молниеносно прекратил улыбаться. Оценив положение, шуттанец стал спешно прощаться, заверяя коллег в своей дружбе и полнейшем расположении, а затем ловко растворился в толпе, даже не потрудившись забрать свою часть выигрыша.

Неожиданное бегство посла Ригби всерьез обеспокоило двух оставшихся и они, невесело переглянувшись, также решили не задерживаться. Теперь даже недогадливый посол Хельдерби начал замечать, как беспокойно загудела толпа, словно шуттанец раскрыл их страшный секрет и теперь они жаждут оправдаться или наоборот, доказать, что все обстоит именно так, как описал чужестранный посол.

Глава 8.1 Кладбище

До чего же безрадостно и пусто было на старинном кордском кладбище. Праздничная суета огибала его высокую кованую ограду, стараясь не попадаться на глаза молчаливым стражам, застывшим в вечном покое и замершем времени. Зловещие скульптуры, украшавшие крыши склепов и усыпальниц, внушали невольный трепет и поражали старинным искусством скульпторов. Подсвеченные тусклыми масляными фонарями и редкими огнями пузатых ритуальных свечей, разожжённых служителями в честь Ночи Свечей, мраморные фигуры казались гостями, явившимися в мир живых прямиком из-за грани. Ни легкого дыхания, ни мерного стука сердец. Они оставались безучастны ко всему происходящему за стенами их мрачного дома. И все же, назвать их мертвыми и холодными не смог бы даже самый черствый из редких посетителей кладбища.

Куда больше на мертвецов походили скрюченные вековые деревья. Их ветви и корни напоминали протянутые в мольбе о помощи руки, так отчаянно они стремились к свету и

жизни сквозь прутья витой, покосившейся от времени ограды.

Выбивался из однообразной тусклости картины лишь один яркий фрагмент, оставленный на острие пики словно в насмешку над нищетой палитры художника. Небольшой шелковый лоскуток... Сухая безделица, на которую никто не стал бы обращать внимания в любую другую ночь, но только не в эту!

Рослый крылатый господин в добротном черном плаще с глубоким капюшоном вынырнул из темноты, приблизился к ограде вплотную и замер. Фигурные лаковые листья так и манили протянуть руку и прикоснуться, но он был прекрасно знаком с коварством на вид безобидного растения, а потому неспешно достал из кармана плотные кожаные перчатки и принялся натягивать их, попутно присматривая наиболее подходящий участок забора, не так густо оплетенный ядовитым вьюном.

Подхватив один из стеклянных шаров со свечей, невесть зачем расставленных вдоль ограды, наблюдательный крылатый запрокинул голову и принялся внимательно рассматривать, едва видневшуюся сквозь листву находку. Как он и предполагал, повторный визит на территорию кладбища оказался не напрасным.

Улыбнувшись своим мыслям открытой мальчишеской улыбкой, ловчий вернул свечу на прежнее место, ухватился за прутья двумя руками, как следует потряс ограду, проверяя выдержит ли она его вес, и начал взбираться. Осторожность, выработанная опытом и ошибками, заметно сбавляла темп подъема. Каждый новый упор сапогом в проржавевший завиток, прикрытый ядовитым плющом, делался лишь после того, как опора доказывала свою надежность, снеся пару-тройку бесшумных, но довольно сильных пинков. На ощупь забор оказался еще более ветхим и шатким, чем на вид, и все же, перелетать над ним, шумя крыльями и задевая ветви деревьев как днем, крылатый не стал.

Взобравшись на самый верх, ловчий отцепил лоскуток от пики, повертел в пальцах так и эдак, отмечая мельчайшие детали, хмыкнул, заметив небольшое пятнышко крови и сунул находку в потайной карман плаща.

Происходящее нравилось ему все больше и больше. Азарт от погони, делящейся долгих четыре года, начал разгораться с новой силой. Впрочем, как и всегда, когда ловчому удавалось подобраться чуть ближе обычного, в надежде осуществить очередную безуспешную попытку схватить неуловимую цель. Кто знает, возможно в эту минуту по кладбищу рыскала именно его долгожданная жертва. Приглушенная возня, достигавшая острого слуха сквозь тягучую тишину невеселого места, сопровождалась звуками неразборчивой ругани. Некто уже успел обнаружить пропажу чего-то очень важного и всячески выражал свое недовольство, продолжая тщетные поиски. Как и все закоренелые воры, ночной посетитель явно не мог смириться с тем фактом, что кто-то однажды отважился обокрасть и его самого.

— Вот ты и попался, Серый Ловкач! — радостно прошептал ловчий, медленно спускаясь с ограды, вместо того чтобы сразу спрыгнуть на освященную кладбищенскую землю, не тратя времени на утомительный выбор подходящих опор. Его так и подмывало ускориться и прекратить уделять внимание острым пикам и ядовитым листьям, но он прекрасно помнил все случаи, когда ловкий вор ускользал у него прямо из-под носа, а потому вел себя максимально осмотрительно и тихо. Прежние попытки оканчивались провалом по вине мельчайших ошибок, неосторожности и жгучего нетерпения, выдававших ловчего с головой.

Не известно кем был загадочный Серый Ловкач — двуликим, человеком, прядильщиком

или кем-то неведомым, прибывшим в Дэйлиналь издалека, но стоило ему заметить слежку, как он растворялся в толпе, терялся в переплетениях улиц, исчезал с крыш и самое обидное, с завидной регулярностью оставлял издевательские послания и даже подарки. В прошлый раз крылатому досталось ассорти из красных и зеленых цукатов в бумажном пакете, украшенном на редкость язвительной карикатурой. Каким образом ловкач успевал уносить от него ноги и в тоже время так основательно разрисовывать свои сувениры, ловчий не представлял.

Сюжеты художественных посланий никогда не повторялись, а чернила были еще совсем свежими, когда бы ловчий их ни обнаруживал. Сами же подарки четко давали понять совершенно непостижимую вещь — Серый Ловкач знал о крылатом чуть ли не больше, чем его самые близкие друзья и родственники.

Именно красные и зеленые цукаты вызывали у ловчего аллергию! Подобные «догадки» уже давно не казались случайными совпадениями. Остальные «гостинцы» насмешливого вора отличались не меньшей меткостью. Ловкач будто нарочно демонстрировал свою осведомленность, заставляя ловчего все внимательнее вглядываться в лица, окружающие его каждый день, выискивая того, кто мог бы с легкостью проворачивать подобные трюки и оставаться при этом неузнанным.

Чего же вор так упорно добивался, раз за разом дразня преследователя, позволяя подобраться совсем близко, и ускользя от погони лишь в самый последний, решающий момент? Неужели не понимал, что всего один промах будет стоить ему жизни? Ловкач сам подписал себе смертный приговор еще год назад, когда окончательно перешел черту, ограбив сокровищницу Гродарина. С того дня, о заключении в крепость речи больше не шло, только позорная казнь через повешение. На большее враг королевства рассчитывать не мог. Его объявили вне закона и даже заступничество Валардана или кого-нибудь из соседних правителей не спасло бы мерзавца от виселицы, окажись он, хоть принцем крови.

Ловчий давно жаждал поймать рискованного оппонента, который с каждым новым делом все увеличивал пятно на его некогда безупречном послужном списке и снабжал коллег крылатого поводами для неиссякаемых шуток, прикрытых то фальшивым сочувствием, то уверениями в их восхищении его стойкостью и упорством. Других охотников гоняться за ловкачом по всем подворотням и крышам Дэйлиналя больше не находилось. Даже все возраставшая сумма и без того крупного гонорара, не прельщала остальных ловчих и детективов. Серый Ловкач намертво угнездился в списке неуловимых и вычеркивать его оттуда, рискуя собственной карьерой, никто, кроме него, не желал.

Вот только стоил ли престиж и очищенный послужной список потери единственного интересного соперника? Ловля всех остальных преступников казалась крылатому страшной рутинной, а этот неуловимый вор умудрялся удивлять и заставлять думать, отменяя все рамки и границы, при каждой новой встрече. Ловкач буквально перекраивал мир под себя и никогда не использовал одни и те же уловки дважды. Вор не признавал очевидных, простых путей и находил самые невероятные решения, что превращало его кражи и выходы в настоящее искусство. А искусство, как известно, требовало жертв и шли на них не только творцы, но и почитатели их талантов. Именно этим занимался ловчий посреди ночи, пробираясь по запертому, мрачному кладбищу, рискуя наткнуться на кого-нибудь из прядильщиков, не терпящих нежданных гостей. Они сначала насылают какую-нибудь колдовскую дрянь, и только потом задают вопросы.

Продвижение по обширной, скудно освещенной территории давалось с переменным

успехом. Пара коряг, вылезших из земли в самых неподходящих местах, и одна особенно подлая ветка, с размаху хлестнувшая по лицу, едва не выдали ловчего, но, к счастью, обошлось. На его приближение не обратили внимания. Хуже было другое — начали рассеиваться надежды на встречу с Серым Ловкачом. Тот никогда не позволял себе так открыто шуметь и ругаться, причем на шуттанском, да так, что даже статуям на могилах в пору было краснеть и затыкать уши.

Еще недавно радовавшая ловчего зацепка, подкинутаая самим Верховным Арасом, начала казаться гнилой соломинкой, не стоящей времени и внимания, но убедиться в неудаче все равно стоило, а потому он упорно продолжал свой путь и, как мог, раздувал в душе гаснувший огонек надежды.

Подобравшись к аллее склепов святых, ловчий сбросил с плеча, найденную днем, неудобную ношу, обмотанную серой тряпкой, и стал осторожно пробираться сквозь кусты. Ловчий распластался по земле и пополз вдоль могильных плит, чтобы лучше все рассмотреть и подслушать тихий разговор, сменивший ругань и суетливые метания. Укрытие не отличалось высотой и надежностью, зато темнота и увлеченность спорщиков оставались на стороне крылатого. Впрочем, ненадолго.

Разглядеть собеседницу шуттанца, шарящего руками по земле возле одного из склепов с фонарем, не было никакой возможности. Ловчий откинул, загораживавший обзор капюшон, на свой страх и риск высунулся из-за холодного, могильного камня, покрытого противным мхом, источающим запах, от которого так и подмывало чихнуть, но все равно не преуспел.

В круг света попадал лишь темный бархатный плащ, небрежно наброшенный на одну из статуй, и подол пышного полосатого платья, подергивающийся в такт движениям стройной женской фигуры, сидящей боком на невысокой гранитной могиле. Женщина сосредоточенно сыпала чем-то блестящим из небольшого мешочка. Каким образом она сумела перебраться через ограду в такой непрактичной одежде, оставалось загадкой. Вопросом оставалось и то, кому же все-таки не повезло пораниться, пробираясь за стены кладбища — клочок ткани, оставшийся на одной из пик, не сходиллся по цвету с тем, что удавалось разглядеть в неверном свете масляной лампы. Зеленое платье в черную полосу не вязалось с красным шелковым лоскутком.

Взбешенный, все не унимающийся шуттанец, так же не мог похвастаться подходящим нарядом. На чужестранце были простые коричневые штаны из грубого сукна и кожаная потертая куртка в тон. Подобным образом, обычно, предпочитали одеваться наемники или убийцы, но уж никак не ловкие воры, решившие замаскироваться под чужестранных вельмож, на что в тайне рассчитывал ловчий, обнаружив яркий лоскуток. Окончательно развеяли все надежды крылатого длинные кривые кинжалы, прикрепленные к поясу шуттанца ремешками и замысловатыми узлами.

Его вор не был хладнокровным убийцей, а этот человек, пусть и походивший на ловкача ростом и хрупким телосложением, явно пустил бы в ход свое грозное оружие, представься ему для этого хоть малейший повод.

— Ради всех святых и покровителей, прекрати вытаптывать траву и шуметь почем зря! — зло прошипела женщина, не прерывая своего сомнительного занятия. Властный, раздраженный голос показался неуловимо знакомым. Будто раньше ловчий его уже где-то слышал, только не в таком напряженном исполнении и при более благоприятных обстоятельствах.

— Да хоть ради вашего знаменитого Ловца живых чудес! И чего, спрашивается, Боривал

еще жалуется на Корду? Прядильщики в конец обнаглели, даже собственных святых умудряются обворовывать, причем не кое-как, а вполне основательно, да еще и после смерти, — продолжал бушевать шуттанец, возобновляя свои бесполезные поиски у следующего склепа. В ответ на его реплику раздался мелодичный смех.

— Не тянем мы с тобой на их святых, а вот шансы записаться в мученики, если наша пропажа чудесным образом не обнаружится, у нас есть и весьма недурные, — оптимистично заметила собеседница и отложила опустевший мешочек в сторону. Как, кстати, твоя нога? Посольский балахон мог дорого обойтись, не будь ты так удивительно устойчив к ядам.

— Благодарю за заботу! Плющ — это мелочь в сравнении с тем, что весь план разваливается, как карточный домик, — отмахнулся шуттанец, старательно ворочая камни возле очередного загробного пристанища кордских святых. — Повезло еще, что наглец не позарился на мой рабочий костюм и оружие.

Завершились поиски похищенного добра внезапным злым пинком, взметнувшим целое облако пыли и полетом увесистого булыжника, отправленного в темноту ровно в том направлении, где притаился ловчий.

— Не стоило мне налегать на эти треклятые кордские яблоки! Думал ведь еще, что добра от их колдовства вовек не дождешься, — обреченно простонал шуттанец, бесцеремонно сдергивая бархатный плащ с плеч мраморной статуи. Усаживаться на холодную могильную плиту, по примеру своей спутницы, он явно не планировал. Последовало тщательное сворачивание бархата в толстую подушку и придирчивый выбор наиболее ровного камня. Лишь после того, как все приготовления были закончены, шуттанец уселся и стал нервно постукивать каблуком грубого, высокого сапога о торчащую из земли корягу.

— Руководствуясь твоей логикой, мы можем смело отправляться по домам. Или ты забыл, кому отведена главная роль в сегодняшнем мероприятии?

— И то верно! — хохотнул, окончательно успокоившийся шуттанец. — Так как там дела с нашей пропажей, продолжим разрушать гениальный план или еще есть надежда на счастливый исход дела?

— У гениального плана, как ты удачно выразился, с самого начала не было никаких шансов, так что наш небольшой экспромт ничуть не повредил... Да и кто знает, может мы не единственные решили заняться самодеятельностью, плюнув на первоначальные договоренности, тебе так не показалось? — спокойно поинтересовалась женщина в зеленом, после чего поднялась с могильного камня, отряхнула юбку и шагнула в сторону, полностью покидая круг света.

— В том-то и дело, что показалось. А вот о качестве экспромта судить еще рано, кажется, кто-то из нас сильно перестарался, бередя раны дэйлинальской общественности...

Дальнейшее светопреставление заставило крылатого прижаться к земле еще плотнее, а болтливого шуттанца резко соскочить с могилы и укрыться за ней.

Земля под ногами женщины засветилась голубоватым светом, пришла в движение и начала мелко трескаться. По кладбищу стали расползаться неестественные, рваные тени, сопровождаемые светящимися, морозными ручейками липкого тумана. Тишина наполнилась перезвоном битого хрусталя. Вторил ему навязчивый шепот, источник которого не удавалось определить. Казалось, будто звуки раздаются отовсюду, проносятся вдоль могил и покидают кладбище, оставляя после себя ощущение давящей на уши тупой боли. Колдовство пропитало

все вокруг и стало рыскать среди деревьев и статуй, выискивая кем бы поживиться. Ловчий ощущал колючие прикосновения к лицу, шее, рукам. Внезапно плечо ожгло дикой болью, будто кто-то вонзил в него сразу несколько длинных острых иголок. Лишь чудом крылатый успел прикусить ворот плаща и не выдал своего присутствия стоном.

Все стихло так же внезапно, как и началось. Крылатый неловко пошевелился, проверяя способен ли еще двигаться, и с радостью убедился, что невидимые иглы не причинили ему никакого вреда. Все вокруг постепенно начало обретать яркие краски и резкие очертания. Вскоре ловчий с удивлением понял, что узнает женский голос и это было не самым лучшим знаком. Обладательница голоса, мелькнувшая в его памяти, никак не вязалась с той особой, которая только что чуть не разнесла своим колдовством пол кладбища. Означать это могло лишь одно — проведенный ритуал задел ловчего и сыграл злую шутку с его восприятием окружающего мира, однако рассуждать об этом было некогда, значение имел лишь смысл слов, произнесенных надменным, торжествующим тоном.

— Яблоки не подвели! Наша пропажа все еще на кладбище, из чего я могу сделать два вывода — либо ты перепутал склепы, в чем я сильно сомневаюсь, либо, обокравший нас негодяй, все еще здесь.

Последние слова были произнесены с таким зловещим предвкусением, что крылатому моментально разонравилась его удачная идея оставаться на земле и ждать дальнейшего развития событий. Но, увы, он не успел развить спасительную мысль и выбрать более подходящее укрытие. Подбитый железом сапог с яростью впечатался в его ребра и положил конец опрометчивым пряткам.

Глава 8.2 Кладбище

Шуттанец, еще не так давно шумевший и шуршавший возле склепа, как сотня растревоженных ос, оказался на редкость проворным и бесшумным, когда дело дошло до расправы над врагом.

Быстро сориентировавшись, ловчий подскочил на ноги, расправил крылья и отбросил нападавшего мощным ударом в грудь. Однако тот и не думал сдаваться или спастись бегством. Оказавшись на земле, обозленный противник не нашел ничего лучшего, как зачерпнуть горсть песка и продемонстрировать всю свою подлость, швырнув ее в лицо крылатому. Неожиданный манёвр возымел эффект. Ловчий отвлекся на сыпучий снаряд и чуть не пропустил резкий удар кинжалом снизу. Шуттанец целился прямо в сердце и крылатому, лишь чудом удалось избежать смертельного выпада.

Очередная попытка остудить пыл непрерывных бешеных атак ударом крыла, закончилась болезненным порезом, но все же не была напрасной. Ловчему удалось избавиться от стеснявшего движения плаща, в котором так не вовремя запутался обоюдоострый кинжал с крюком. Особой любви это оружие не вызывало, но другого, как на зло, с ним не было. Прядильщики строго настрого запретили являться в Корду с мечами, шпагами и прочим оружием, заметным невооруженным взглядом. И вот теперь приходилось отбиваться чем попало, мирясь с тем, что далеко не всем оказывается известен дуэльный кодекс или хотя бы отдаленное значение слова честь.

Сравнявшись в вооружении, соперники принялись обмениваться быстрыми ударами и выпадами. Атаки и контратаки сыпались одна за другой, но не приносили существенного перевеса. Противники были совсем разными, но ничуть не уступали друг другу в технике и ловкости. Мелкое, едва уловимое преимущество, переходило от одного к другому и лишь зря обнадеживало — быстрого окончания поединка явно не предвиделось.

Первые ощутимые ранения начали появляться лишь после того, как вокруг принялись гаснуть свечи и лампы. Молчаливый бой продолжался несмотря ни на что. Соперники интуитивно угадывали куда смещаться и, в какой момент наносить удары.

На стороне шуттанца были гибкость, скорость и подлость. Он как змея выискивал наиболее болезненные точки и жалил точно в цель. Ловчий был куда сдержаннее, в его движениях чувствовались размеренность и благородство, он брал силой и мастерством. Но так не могло продолжаться вечно, света оставалось все меньше, а силы начали подтачиваться утомлением и чересчур напряженным темпом боя. С каждой минутой схватка становилась все ожесточеннее. Распробовав друг друга, соперники перешли к открытым, рискованным ударам. Шуттанец выхватил второй кинжал, а ловчий прекратил осторожничать и начал подавлять противника преимуществом роста и возможностью пустить в ход крылья. Полилась кровь, скрежет металла смешался с первыми агрессивными возгласами и хрипом рваного, загнанного дыхания. Объятия грани распахнулись во всю ширь, ожидая хоть одного из яростных противников, а лучше сразу обоих, но у судьбы на этот счет имелось собственное мнение. Кровавая дуэль была внезапно прервана. Причиной завершения сражения послужил абсолютно неожиданный удар, последовавший со стороны третьего лица, разочарованного промедлением и общим ходом событий.

Разглядев неудачливого похитителя, женщина в зеленом стала обходить дерущихся по дуге, помогая шуттанцу, практиковавшему подлые, быстрые удары тем, что лишала поле боя источников света. Особой пользы хитрость не принесла, стало только хуже.

Покрутившись вокруг соперников еще немного, она с радостью обнаружила под одним из кустов завернутый в тряпку лук и решила принять участие в схватке, как только подвернется подходящая возможность. Выждав удачный момент, она пустила лук в дело точно так же, как тремя неделями ранее Эйнар — ловко приложила древком к голове противника, с той только разницей, что в этот удар была вложена вся возможная сила без заботы о сохранности черепной коробки.

Крылатый, поверженный не особо грозным, но совершенно безотказным оружием, рухнул к ее ногам, издав тихий, не верящий, толи вздох, то ли вскрик. Такого коварства он явно не предвидел и даже не успел разобраться в происходящем, перед погружением в темноту и беспамятство.

— Как же давно я об этом мечтала! Решено, нужно будет подумать, как выкупить эту восхитительную вещь у валарданского мастера. Будет нашим семейным оружием. — Восторг и ликование слышались в каждом слове и поражали своей незамутненностью.

Проверив лук на сохранность и, ткнув для верности носком туфли крылатого в бок, она задорно улыбнулась и предложила новый план:

— Может не будем из него стрелять? Давай просто хорошенько врежем Верховной по голове! Как тебе такая идея, Ригби?

— Заманчивая мысль, Клара. Дай только отдышаться и добить этого мерзавца. Ох и силен гад, — раздосадовано прохрипел шуттанец, утирая со лба пот и кровь. Бой дался ему с большим трудом и теперь он блаженно растянулся на земле, давая отдых все еще подрагивающим от напряжения мышцам. Давно ему не попадалось таких сложных соперников. И ведь ни единого грязного приема. Воплощенное благородство и превосходство старой школы, чтоб их.

— Всецело разделяю твои кровожадные порывы, но вынуждена порекомендовать забыть и думать о таком! Я честно предоставила тебе шанс прикончить крылатого, но ты его,

к несчастью, упустил, так что теперь можешь довольствоваться лишь почетным местом в клубе его ярких ненавистников, — невесело пожимая плечами, поделилась своими соображениями Клара, протягивая шуттанцу свою тонкую, изящную кисть. Особого желания принимать помощь не последовало, а потому, она продолжила, нависая над Ригби, с сожалением разглядывая, нанесенные врагом в горячке боя раны:

— Потеря лука и, как следствие, возможное лишение гражданства на Валардане — сущая ерунда, по сравнению с попыткой зарезать ее драгоценного Линаса. Не простит и будет мстить — долго, изощренно и со вкусом! Можешь мне поверить. Эйнар собирался перегрызть ему горло, я хотела пустить в ход все свои способности, а Тера... — продолжать Клара не стала, вместо этого резко выпрямилась и требовательно протянула ладонь, всем своим видом показывая, что дальнейшего отдыха на травке не потерпит.

— Что еще за Линас и почему я слышу о нем впервые? — ворчливо поинтересовался Ригби, принимая помощь и с трудом поднимаясь на ноги. Не дававшие о себе знать в пылу схватки раны, чуть поутихшие за время краткого отдыха, моментально отозвались болью и едва не вынудили шуттанца вернуться в исходное положение. — Мне вот интересно, окажись на моем месте Хэвард, он бы смог как следует отделать этого крылатого? Откуда в нем вообще такая сила?

— Окажись на твоем месте Хэвард, нам бы пришлось присутствовать на медвежьих похоронах, — досадливо поморщившись, порадовала Клара. — Сила Линаса — лишь вершина айсберга, пробившего дно нашего развеселого судна всего через пару месяцев, с того момента, как ты подло дезертировал, оставив нас с Эйнаром в одиночку справляться с обновленным мировоззрением Теры, — с укоризной во взгляде пояснила Клара, слишком резко затягивая повязку на боку Ригби.

— Я не дезертировал! Ай, больно!

— Прости, так нормально? — ослабив узлы, спросила Клара, усмиряя гнев, полыхнувший во взгляде ее прозрачных, голубых глаз. — Тебе действительно не стоило уезжать и ты знаешь это лучше, чем кто бы то ни было! А Линас — больная тема, потому-то о нем никто и не упоминал. Тера и Эйнар ругаются всякий раз, как он покидает Валардан.

— О, так он еще и у вас дома бывает? Как интересно, но при чем здесь мой отъезд? Объясни толком, я ничего не понимаю, — попросил Ригби, приступая к сбору разбросанных вещей.

— При том, что после твоего ухода Тера сильно изменилась. Как оказалось, из нас троих ты оказывал на нее наибольшее влияние. Придя в себя за пару недель, она пропала на несколько месяцев, предварительно объявив, что раз уж ее покинул лучший друг, она отправится присматривать себе самого надежного и стойкого врага. Сказано это было с ее обычной беспечностью... Мы с Эйнаром решили, что это всего лишь шутка и благополучно забыли о странных словах. Куда важнее было то, что она начала вытворять. За те несколько месяцев, пока мы старались ее отыскать, Серый Ловкач начал набирать такую известность, что без заголовка о его выходках не обходился ни один газетный выпуск. Я боялась, что ее арестуют и повесят, но нет, к счастью, обошлось. Страсти улеглись, Тера вернулась и привезла с собой Линаса... — дойдя до этого момента в своем повествовании, Клара запнулась и стала медленно наматывать на палец длинный локон каштановых волос. Так она делала всякий раз, как ее что-то сильно тревожило или она чувствовала сожаления о чем-то, чего нельзя было вернуть или изменить.

— Похоже, мы подоברались к кульминации! Неужели он стал тиранить ваших соседей,

обнося им клумбы и палисадники, а по ночам орать на всю улицу песни собственного сочинения? — решил развеселить, приунывшую от чего-то Клару, Ригби. Сбор вещей продвигался со скрипом, нагибаться за разбросанным по всему кладбищу барахлом, совсем не хотелось, а впереди еще ждало уничтожение следов колдовского ритуала.

— Лучше бы все было именно так, как ты описал! — зло стукнув луком о колено, прошипела, взбешенная неприятными воспоминаниями стекольщица. — Эйнару Линас сразу не понравился, а я была слишком рада ее возвращению и даже не подумала проверить, что за гостя Тера привела в наш дом. Шли месяцы, его визиты стали обычным делом, Эйнар по-прежнему смотрел на крылатого волком и даже не скрывал своего отношения. К сожалению, он так ничего и не выяснил, кроме того, что Линас из благородной старинной гродаринской фамилии. Тера все продолжала временами исчезать, а возвращалась чрезвычайно чем-то довольная. Приносила очередную побрякушкой, до которой ей не было никакого дела, и тут же начинала обдумывать новую кражу. На все наши расспросы она лишь загадочно улыбалась, — комкая в руках плащ, рассказывала Клара, пока Ригби заканчивал уничтожать последние следы, способные навести на мысли о колдовстве или драке.

— О, так она все же забросила свои освободительные движения? — оторвавшись на минуту от своего важного занятия, поинтересовался Ригби.

— Ничего подобного, Корда и Гродарин вскоре взвыли от ее частых налетов. Оказалось, что обворовывает она не всех подряд, а только тех, кто портил жизнь Боривалу и маленьким городкам, не выдерживающим жадности и беспредела столицы. Через некоторое время они с Эйнаром начали посещать город двуликих и всерьез взялись за дело. Жизнь вернулась в прежнее русло. Я даже радовалась, что она нашла нового друга, с которым ей было так легко и спокойно. Линас здорово отвлекал ее. Никаких разговоров о политике королевства и бесконечных краж в дни его приездов не было. Они мирно прогуливались по набережной, Тера носила красивые платья и шляпы, смеялась, с удовольствием принимала участие в обсуждениях всего на свете и неизменно проигрывала ему в шахматы... Как оказалось, за пределами доски шла совсем другая игра, куда более опасная и сложная. Тера в ней вела с таким же сумасшедшим отрывом, как Линас в их безобидных партиях за доской у нас дома. Потому-то ее и не смущали постоянные проигрыши, чему мы так долго удивлялись, — подошла к самому интересному Клара и поднялась с камня, собираясь продолжить путь, так несвоевременно прерванный появлением крылатого дуэлянта.

— Неужели она и его обворовывала? — с сомнением в голосе спросил Ригби. Картинка никак не желала складываться и он не мог угадать к чему клонит Клара.

— Хуже, во много раз хуже! Она раз за разом была по его гордому самолюбию и продолжает это делать даже сейчас, когда они стали настоящими друзьями, как мне кажется. Линас ищет ее, Ригби, и однажды обязательно найдет, такой уж у него характер. Он ни за что не отступится, даже спустя десять или двадцать лет, слишком заиклился и втянулся в игру, на кону которой — ее выживание и его престиж. А тут еще их дурацкое пари, — склонившись над Линасом, посетовала Клара. Она как раз вспомнила о том, что они не могут просто так взять и уйти. Крылатого следовало куда-нибудь деть.

— Что?! — придушенно выдохнул шуттанец, до которого наконец дошло, что за игру затеяла его сумасшедшая подруга детства. — Быть такого не может... Как она могла собственноручно притащить к вашему порогу гродаринского ловчего? Они же, как бульдоги, вцепятся — не оторвешь. Прекрасно, теперь я точно должен добить его! Не хватало еще оставлять за ее спиной такого смертельно опасного врага. Да он чуть меня за грань не

отправил, а у Теры из боевых навыков лишь колкости и смехотворные пинки по ногам, этого мало, слишком мало, даже для попытки убежать. Он же прикончит ее, если узнает, — засуетился Ригби и выхватил кинжал, намереваясь положить опасному фарсу конец.

— Эйнар тоже хотел его убить, как, впрочем, и я, но Тера поклялась, что мы пожалеем, если по нашей вине с головы ее персонального ловчего упадет хоть один волос. Как видишь, она исполнила старое обещание и отыскала своего самого надежного и стойкого врага. Ей с ним так же интересно, как было с тобой, и она дорожит их странной дружбой. Так что, оставь все как есть и лучше помоги оттащить Линаса в один из склепов. Не хватало еще, чтобы на него наткнулся кто-то из стражников и сорвал нам все дело, — оборвала шуттанца Клара и первая ухватила ловчего за ноги.

Постояв над ненавистным крылатым еще пару секунд с занесенным кинжалом, Ригби вернул оружие на пояс и молча подхватил врага под мышки. Поджарое телосложение с лихвой компенсировало рост и могучие красновато-бурые крылья ловчего, тащить его было тяжело и неудобно. Радовало лишь одно — пункт назначения. Не сговариваясь, они уложили бессознательного гродаринца в один из пустующих гробов и накрыли ветхим покрывалом, сдернутым с массивного саркофага, стоящего по центру склепа. Россыпь вышитых знаков прядильщиков, внушала робкие надежды хотя бы на незначительный вред для крылатого от воздействия силы, растревоженного похоронного колдовства.

— Жаль нечем дверь подпереть, замок не сможет удержать такого надолго. Может еще раз треснуть его для верности? — мстительно предложил Ригби, заканчивая возиться с проржавевшим замком. — И что там за пари? Ты так и не рассказала.

— Его вообще никакая сила не удержит, когда он придет в себя и отправится искать тех, кто с ним так некрасиво поступил, — флегматично ответила Клара, старательно проверяя, все ли свои вещи они забрали с места вынужденной задержки. — А пари — это отдельная головная боль, благодаря которой мы и узнали, кто с таким завидным постоянством просиживает штаны у нас на диване. Эйнар едва не подавился, когда услышал, как Тера в шутку объявила, что выйдет за ловчего, если он наконец-то перестанет позориться и поймает Серого Ловкача. И будто ей было мало этого — еще добавила, что Линасу стоит серьезно поразмыслить над такой удачной возможностью, ведь за нее дают воистину королевское приданное. Так они и заключили свое идиотское пари! — горько подвела итог Клара, отодвигая ветку и устремляясь вглубь кладбища к намеченному ими заранее вековому дубу, приютившемуся у самой ограды.

— Да уж! — емко ответил Ригби, когда к нему вернулся дар речи. — А приданное и правда королевское, Верховные Корды и Гродарина лично скинутся, если ловчий однажды явится требовать награду, полагающуюся за ее голову, — хохотнул шуттанец, понимая, что убийство Верховной Хильды и остальные пункты их сегодняшнего плана — не такая уж безнадежная затея, это всего лишь один из напряженных дней обычной жизни его старинных, неугомонных друзей.

Дальнейший путь по кладбищу проходил в полном молчании и невеселых размышлениях. До начала шествия свечей оставались считанные минуты. Намеченное для решающего выстрела место, радовало своей скрытостью и широтой обзора. Ригби поспешил занять его и стал зорко следить за происходящим на территории главного храма, удобно устроившись на массивной ветке. Клара расположилась под деревом и принялась за очередной магический рисунок толченым хрусталем. На этот раз, безобидным поиском пропажи дело кончатся не планировало.

Глава 9.1 Шествие свечей

Как чудесны бывают массовые празднования. Сколько счастья и веселья дарят их яркие огни и душевные тосты за мир и процветание во всем королевстве. Именно такие вечера служат источниками для наиболее смешных шуток, вырастающих на благодатной почве разнообразных забавных случаев, так коварно подпортивших когда-то всеобщее ликование. Спустя годы, память услужливо превращает мероприятия и связанные с ними курьезы, в настоящие легенды. Вспоминать о шумных вечерах становится чуть ли не приятнее, чем вновь отправляться на поиски новых масштабных развлечений.

Подобным памятным событием должно было стать и долгожданное трехсотлетие победы Дэйлиналя над Ловцом живых чудес. Прядильщики превзошли самих себя, организовав праздник с небывалым размахом и торжеством. Каждая минута Ночи Свечей была тщательно продумана и неоднократно оговорена. Кордцы приложили массу усилий, стараясь предугадать мельчайшие неожиданности, способные помешать шествию свечей или проведению ритуала в главном храме. Верховная Хильда приказала ограничить доступ во внутренний город, чего раньше никогда не делала. Стражники проверили каждого гостя столицы, прибегнув к помощи камней чистых помыслов, а после проследили за закрытием всех ворот, терпеливо дождавшись окончательного переплетения корней и ветвей живого дерева на створках и засовах. Храмовые служители и даже члены ордена Опаленных с особым вниманием и настороженностью контролировали происходящее на переполненных гостями улицах. Ни одна странность или хоть немного подозрительная мелочь не должны были ускользнуть от их непрерывного надзора!

И все же, враг умудрился просочиться сквозь плотно сомкнутые ряды защитников и нанести такой удар, какого Корда не получала со времен беспорядков четырехлетней давности. Именно тогда начались первые дерзкие попытки срыва ночных торжеств. В тот год прядильщики едва справились, после чего накрепко заучили преподанный им урок. Дальнейшие ежегодные празднования хоть и продолжали приносить хлопоты, но это уже никого не могло удивить или застать врасплох; с беспечностью было покончено. Резвость нарушителей пошла на спад, не выдержав череду неудач, последовавших вслед за маленькой победой. Кордцев подобное положение вещей вполне устраивало. Они в открытую посмеивались над тщетными попытками, решив для себя, что виноваты во всем одни лишь боривальцы — неугомонные неудачники, о которых и думать лишней раз не стоило. Неусыпная бдительность прядильщиков получила свою сахарную косточку и не подозревала о притаившейся буре ровно до того момента, пока крыша ее надежной конуры не была сорвана первым мощным порывом, возникшим так внезапно, что никто не успел понять с какой именно стороны явилась напасть. Как расплзающееся масляное пятно, по городу разошлась молва о близящемся бунте.

Не нужно отличать особой проницательностью, чтобы заметить, как кардинально изменилось общее приподнятое настроение, царившее в городе. Гости Корды поверили слухам и тут же прекратили радостно смеяться и искренне улыбаться друг другу, словно все они были старыми друзьями, собравшимися за кружечкойпряного пива после долгой разлуки. Откровенный страх, холодная решимость или на худой конец, что-то среднее, замешанное на стойком непонимании происходящего — вот все, что читалось на их лицах, ни единой положительной эмоции!

Повсюду, куда не поверни, ощущалось болезненное напряжение. Никто не подзывал лоточников и не интересовался следующими пунктами развлекательной программы.

Волновал лишь один вопрос — грянет обещанный бунт или же кровавой бойни все-таки удастся избежать?

Ни на шутку обеспокоенные прядильщики, еще рассчитывали изменить ход событий, а потому делали вид, будто ничего особенного не происходит, упорно продолжая тянуть упирающийся праздник к финальному действию. Шествие свечей и ритуал были слишком важны для них. Не будь этого серьезного фактора, ни о каком выжидании и надеждах на лучшее речи бы не шло!

В противовес мирным чаяньям прядильщиков, боривальцы питали собственные надежды, куда более разрушительные и кровожадные. Двумикие собирались в тесные группки, подальше от стражников и храмовников, вполголоса обсуждали ключевые моменты и тут же расходились, шустро разнося по улицам все новые и новые подробности предстоящего дела. По мере приближения решающего момента и усиления волнений, среди них начали появляться явные лидеры, готовые взять на себя ответственные роли боевых командиров. Двумикие хищники не собирались упускать долгожданный, так удачно подвернувшийся шанс — перегрызть ненавистной Корде горло. Всем им слишком опостылело ярмо столицы. Новоявленные лидеры осознавали риск и не питали глупых иллюзий. Любой из них мог не пережить эту ночь и, что еще хуже — имел все шансы утянуть за собой еще и тех, кто были далеко не так прозорливы и дальновидны. Все двумикие, от мала до велика, оказались готовы рисковать чем угодно, только бы у их родного города появился хоть один призрачный шанс вернуть себе былое величие и полную свободу.

Постепенно ядро боривальского движения начало обрастать осязаемыми слоями валарданских проглоченных обид и многолетних возмущений. Все что так долго пряталось за улыбками и вежливыми словами дорогостоящих валарданских мастеров, стремительно прорывалось наружу и разъедало остатки спокойствия. Островитянам нашлось, что сказать и о чем припомнить. Давняя мечта окончательно избавиться от влияния Корды, подмявшей под себя всю власть в Дэйлинале сразу после вельдской трагедии, разжигала несвойственную спокойным мастерам воинственность. Ранее невиданный союз Боривала и Валардана обещал стать той силой, от которой не смогла бы с легкостью отмахнуться, даже могущественная Корда.

Следующим неприятным сюрпризом для прядильщиков стал раскол мнений чужестранных путешественников. Большинство открыто высказывалось о беспределе, творящемся в Дэйлинале, и грубо критиковало тех, кто придерживался противоположной точки зрения. Разгоряченные выпитым вином приезжие, приводили в пример собственные просвещенные королевства и яро отстаивали мнение о необходимости проведения ряда реформ. Они искренне считали, что только таким способом можно улучшить качество жизни простых жителей королевства, в особенности, в конец обнищавших двумиких Боривала. Опасные речи привлекали к себе не только очевидных противников кордской политики, но и некоторых прогрессивных гродаринцев. Наибольшей популярностью выступления чужестранных ораторов пользовались среди молодых крылатых. Те еще толком не разобрались, как устроена жизнь и не могли оценить все преимущества неравенства народов Дэйлиналя. Идеалистам Гродарина было не понять почему богатство одних должно проистекать из бедности других, а потому они рьяно поддерживали красивые речи о лучшем мире и старательно воображали, как просто и правильно все станет, если сделать так, как говорят чужестранцы.

Центральные улицы Корды начали напоминать губительный водоворот, чьи грохочущие

волны закручивались от ступеней, ведущих к шестнадцати дверям главного храма, и расходились легкой рябью, достигая оборонительных стен. Возле запертых на время празднования ворот, испуганно толпились слабонервные и наиболее впечатлительные. Эти гости столицы были готовы сбежать из города, как только представится удобная возможность. Мысленно, они уже составляли план рассказа о своих волнительных приключениях в загадочной Корде и лишь надеялись, что в финале не появится трагических сцен с их непосредственным участием. Некоторые чужестранцы упорно молились своим богам и покровителям, клятвенно обещая всевышним больше никогда не посещать опасное королевство, сколько бы чудес и потрясающих зрелищ им не сулили. Взамен они просили лишь одного, чтобы милостивые боги позволили им насладиться рассветом уже за стенами дэйлинальской столицы, желательно, как можно дальше от кордской горы, а еще лучше — и вовсе, с палубы корабля, стремительно уплывающего обратно, домой.

Непрерывная тревожная мелодия горных каренцилий, вызванная непривычно ранним приходом Злого ветра, многократно усиливала и без того нешуточное волнение, распространявшееся по улицам со скоростью лесного пожара. Прядильщики с тревогой замечали, что особенно обозленные боривальцы и, даже валарданцы, не выдерживали навязчивого звука и молниеносно обрывали голоса цветов. Они безжалостно срывали безобидные растения с дверей домов и топтали, топтали их, пока белые лепестки не превращались в безмолвное, жалкое месиво, лишённое всякого колдовства и очарования свежести.

Шествие свечей, обычно вызывавшее восхищение, чувство умиротворения и, даже ощущение сопричастности чему-то светлому и вечному, на этот раз больше напоминало похоронную процессию, двинувшуюся в едином подавляющем безмолвии и угрюмой решимости.

Светящиеся шары с прорезями в виде колдовских символов, были крепко зажаты в ладонях идущих и напоминали маленькие снаряды, готовые в любую минуту устремиться в полет навстречу вражескому войску, каким бы грозным и непобедимым оно не казалось. Чем ближе участники шествия подносили их к храмовой площади, тем тусклее становилось свечение запертых в них, пузатых ритуальных свечей. Злой ветер подлетал к каждому участнику, старательно кусал его за пальцы, яростно дергал за полы плаща и всеми силами пытался вырвать заветный огонек из надежного стеклянного домика. Пока что попытки не приносили особого результата, но ветер не сдавался и упорно выискивал брешь. В его порывах чувствовалась не меньшая решимость, чем в собранных движениях двуликих и уверенных взглядах кордских защитников. Казалось, будто Злому ветру тоже известно нечто важное и на этот раз он прилетел в Корду не ради развлечения или своих обычных проделок, а с куда более важной целью.

Не меньшей осознанностью действий и тайной осведомленностью мог похвастаться еще один незванный гость столицы — двуликий белый лис. Эйнар с комфортом разместился за ветхим бревенчатым сараем в одном из пустынных, неуютных переулков Корды. Всего в каких-то тридцати ярдах от того места, где он сидел на перевернутом ведре, проходили хмурые участники шествия свечей, но никто из них не замечал двуликого. Узкий, захлащенный переулок, со стороны которого не долетало даже собачье лая, не вызывал особого интереса. Там было слишком темно, так что и при большом желании, ничего не удалось бы разглядеть. Единственными, кто еще мог заглянуть туда, чтобы проверить все ли в порядке, были стражники, но и они не выказывали излишнего рвения.

Пользуясь временной передышкой и относительным спокойствием окружающей его обстановки, Эйнар развел небольшой костер. Тепла от него было так же мало, как и света, но и этих чахлых языков пламени хватало для его скромных нужд. Безостановочно раздувая огонек найденной неподалеку крышкой от плетеной корзины, лис старательно сжигал серую украденную рясу. Возмутительное занятие требовало от него полной сосредоточенности и внимания — ни одна нитка не должна была уцелеть и тем самым обрести шанс отыграться на святотатце.

Прядильщики творили настоящие чудеса, когда к ним в руки попадала ткань, соприкасавшаяся с телом несчастного, до которого они по какой-то причине решали добраться. Да что там ткань! Видящим и переплетающим нити, хватало всего одной жалкой ниточки. Получив ее, они могли наслать такое колдовство, после которого оставалось лишь одно — ожидать скорого и мучительного конца. К счастью для всех, таких белоглазых умельцев с каждым годом становилось все меньше, а легендарных обрывающих нити, в Корде не рождалось уже лет сто, если не дольше. Подобный спад колдовской силы внушал врагам прядильщиков небезосновательный оптимизм.

Вслед за рясой, в костер отправились серый парик и разновеликие подушки, отлично послужившие для создания видимости раздутых щек и откормленных боков, делавших неприметный мышиный образ Эйнара, на порядок правдоподобнее.

С наибольшим удовольствием, лжеслужитель отправил в огонь толстые уродливые очки, напоследок, со свистом крутанув их за неудобную дужку и поцокав языком в знак «сожаления» о скором прощании. Всего за один день, громоздкие очки столько раз проехали по его длинному прямому носу, что, даже избавившись от своей утомительной маскировки, лис машинально продолжал пытаться вернуть очки на исходное место.

Как бы приятно не было отогреть озябшие пальцы над догоравшим костром в тишине и покое, время отдыха подошло к концу. Эйнар поднялся и как следует потянулся, разминая спину и плечи, затекшие от длительного, вынужденного хождения в сторбленном состоянии. Лишь окончательно завершив разминку, он перешел к придирчивому изучению своего нового наряда. Развешанная на ближайшем заборе мантия ордена Опаленных, нравилась ему ничуть не больше серого мешка, только недавно кремированного без всяких почестей и сожалений.

Эйнар не стал бы утруждаться сменой маскарадного костюма, но ситуация в городе резко обострилась и ему стали жизненно необходимы несомненные преимущества добротного фиолетового бархата, отделанного золотыми галунами и перевязанного красными шелковыми шнурами. Нацепив такую приметную одежду, в Корде можно было отправляться куда угодно. Никто не посмел бы останавливать или задавать лишних вопросов. Единственным недостатком одеяния, была утомительная борьба, без которой оно никак не желало доставаться вежливому грабителю. А ведь лис по-хорошему предлагал пожилому служителю разоблачиться и ступить своей дорогой!

Безобидный на вид прядильщик не пожелал ограничиваться вялыми попытками оказать легкое, приличествующее случаю сопротивление, чем обычно занимаются для очистки совести все умеренные смельчаки. Вопреки ожиданиям Эйнара, старик приложил все усилия, чтобы как следует проучить наглеца и лишний раз продемонстрировать силу ордена. Храмовник так разошелся, что пригрозил содрать с двуликого шкуру и самолично растянуть ее на одной из стен местной живодерни. Лис упоминаний о подобных местах не терпел, а потому быстро отбросил вежливость и прекратил церемониться с говорливым святошей.

Завязавшийся за безраздельное владение мантией бой, не принес особой радости ни одному, ни другому. Тощий старик оказался тем еще драчуном и всячески норовил выдрать клочок ткани из одежды соперника, надеясь с его помощью дотянуться до нитей врага и как следует их перепутать. На более вредоносные, а главное, быстрые действия, его явно не хватало, что несказанно радовало Эйнара. Хоть он и ошибся в определении безропотности жертвы, знания о различиях в перстнях ордена Опаленных не подвели, его догадка об истинной силе храмовника оказалась верной. Тот действительно владел колдовством, но далеко не таким, из-за которого его стоило бы обходить десятой дорогой.

Преимущество молодости и ловкие маневры лиса, пусть и ограниченные нежеланием повредить будущий трофей, оказались весьма действенными. И все же, справиться с задиристым храмовником удалось лишь после того, как в ход был пущен кнут. При этом, что именно укротило воинственность служителя из ордена Опаленных — нехватка воздуха или осознание того, что его шею обвил знаменитое оружие Ловца живых чудес, осталось загадкой.

Эйнар никогда не понимал этого суеверного ужаса дэйлинальцев, возникавшего всякий раз, как их взгляды замирали на его кнуте. Оружие было самым обыкновенным и не имело никакого отношения к Ловцу, однако, даже внешнего сходства хватало для извлечения немалой выгоды. Стойкие предрассудки с лихвой компенсировали отсутствие колдовской составляющей, которой славилось знаменитое оружие из страшных историй, чем лис и пользовался, не спеша разубеждать суеверных трусов.

Глава 9.2 Шествие свечей

Спешно покончив с облачением, Эйнар убедился в незаметности и надежности крепления кинжалов, проверил удобно ли будет выхватывать их из ножен в случае необходимости, и уже собрался покинуть свое временное убежище, как невдалеке раздался жалобный, полный боли вскрик. За ним последовала затяжная, напряженная пауза. Начало казаться, что все обойдется, но нет! Грубые предупреждения и посыпавшиеся со всех сторон угрозы, разорвали наступившую тишину и продолжились отчетливыми звуками первых ударов. Было ясно — что бы ни послужило первоначальной причиной, повода явно хватило для начала жестокой, шумной потасовки. В какой-то момент к человеческим голосам прибавился звериный рык, характерный свист валарданских пращей и резкое хлопанье крыльев. Путь через удобную освещенную улицу, был окончательно отрезан. Следовало убираться подальше и как можно скорее. В противном случае появлялись все шансы оказаться втянутым в серьезную драку, а излишнего насилия Эйнар не любил и всячески избегал.

— Да уж, Клара, теперь я верю твоим заверениям о преимуществе всего одной хрустальщицы против десятка черностекольщиков! С таким чудовищным размахом заварить кровавую кашу могла только такая, как ты, прирождённая мастерица играть чужими эмоциями, — с долей сожаления и полным неодобрением в голосе проворчал Эйнар, поглубже натягивая капюшон мантии.

Так не во время вспыхнувшая потасовка, заставляла его значительно ускориться и заложить большой крюк, чтобы успеть влиться в шествие свечей где-нибудь в другом месте, если, конечно, шаткое перемирие еще не успело позорно сдать последние рубежи...

Чинное вышагивание по освещенным улицам, уместное для его позаимствованной мантии, чередовалось со стремительными перебежками по темным подворотням и пустынным аллеям. Стараясь срезать путь везде, где только можно, лис значительно

экономил слишком быстро покидавшее его время, и уходил от опасных столкновений с настоящими высокопоставленными храмовниками. Дважды Эйнару пришлось поворачивать обратно и выбирать новый маршрут. Первоначальный план легкого проникновения в главный храм, с каждой минутой казался все несбыточнее и безумнее.

Прядильщики стремительно теряли контроль над происходящим в городе. С большим трудом им удавалось оберегать от бойни центральные улицы, примыкающие к храмовой площади. Спешно минуя их, заканчивалось традиционное шествие свечей. Численность идущих, по сравнению с прошлыми годами, была до того мала, что оставалось гадать — кто вообще еще пытается сохранить видимость спокойствия и главное, зачем они это делают?

Влиться в удаляющуюся процессию удалось лишь на подступах к храмовой площади. Для осуществления своего рискованного плана, Эйнар проник в удачно расположенный особняк кого-то из власть имущих Корды. Ему даже не понадобилось доставать отмычки или разбивать оконное стекло камнем. Черный ход оказался незапертым, а дом — покинутым и темным. Не став привлекать лишнего внимания светом, Эйнар бесшумно выбрался на длинный балкон, увитый диким виноградом, и стал оценивать обстановку с высоты третьего этажа.

Подходящий момент не заставил себя долго ждать. Эйнар сразу заметил того, кто вполне мог оказать ему необходимую помощь, даже не подозревая о своем участие в плане лиса. Неспokoйный валарданец поминутно вытягивал шею и как-то уж больно часто оглядывался. Со стороны могло показаться, что он боится пропустить все самое интересное, потому и крутится во все стороны, как заправский флюгер. На деле же все обстояло несколько иначе — валарданский мастер набирался смелости и готовился к выступлению на публику. Его первые реплики прозвучали довольно невнятно и тихо, но чем дальше мастер говорил, тем увереннее и тверже звучал его басовитый голос. На островитянина начали обращать внимание. Хоть он и не проявлял открытой агрессии, его меткие речи о свободе и справедливости били Корду ничуть не хуже, выпущенных из пращи камней. Расслышав слова разошедшегося валарданца, прядильщики и стражники поспешили уговорить оратора, пока и эта часть шествия не превратилась в боевую колонну. Для этого им пришлось покинуть свои посты вдоль улицы и убраться подальше от двери особняка.

Эйнар не стал дожидаться, чем кончится стычка между противниками крикливого мастера и теми, кто решил встать на его защиту. Пришло время покинуть удобный наблюдательный пункт и постараться незаметно пристроиться в хвост колонны. По расчетам лиса, замыкавшие шествие должны были поравняться с парадной дверью особняка где-то через шесть, максимум семь минут.

Удовлетворенно кивнув своим соображениям, лис отстранился от перилл балкона и стремительно выбежал на широкую лестницу, ведущую в холл. На ней было гораздо светлее, чем в остальных частях дома. Отсветы ритуальных свечей проникали сквозь высокие, зарешеченные окна и отражались от белых мраморных ступеней. Прошелестев полами мантии до поворота лестницы на втором этаже, Эйнар едва не полетел вниз, краем глаза уловив приближение сразу нескольких храмовников в одеяниях ордена Опаленных. Не став разбираться, что именно тем понадобилось в темном, пустом доме, лис оттолкнулся от широких перилл лестницы, ловко запрыгнул в узкую стенную нишу, протиснулся за статую Хозяйки Свечей и стал ждать, стараясь вести себя как можно незаметнее. С минуту ничего не происходило, не было слышно ни шагов, ни голосов. Эйнар начал ворочаться, времени отсиживаться за медной покровительницей Корды совершенно не оставалось. Первый испуг

прошел, уступив место смутным подозрениям.

Набравшись решимости, лис с трудом выбрался из-за статуи, кряхтя и поражаясь, как ему вообще удалось пролезть за нее. Места там было настолько мало, что даже Тера хорошенько подумала бы, прежде чем останавливать свой выбор на сомнительном убежище, в котором не то что прятаться, дышать удавалось с большим трудом, да и то лишь урывками. Эйнар бесшумно перепрыгнул обратно на лестницу и, крадучись вернулся к тому месту, где ему привиделись три грозные фигуры.

— Какой позор! Нет уж, эту историю я унесу за грань вместе с собой, — прошептал лис, попеременно касаясь кончиками пальцев гладкой поверхности старинных вельдских зеркал. Подкарауливавшими в темноте врагами, оказались его собственные зеркальные отражения. Но что забыли в доме неприятеля эти «господа» в богато украшенных рамах, да еще в количестве целых трех штук? Убедившись в целостности мантии, после диких акробатических номеров на ней вполне могли обнаружиться дыры, Эйнар сделал зарубку в памяти — следовало узнать, кому именно принадлежит особняк. Интересными сведениями не следовало разбрасываться, в будущем они могли пригодиться при самых неожиданных обстоятельствах.

К несчастью, халатностью слуг, забывших запереть черный ход, беспечность в особняке неизвестного любителя антикварных зеркал и заканчивалась. С замком парадной двери пришлось как следует поработать. Отсутствие освещения усложняло непростую задачу, но Эйнар не рискнул зажигать огонь. Он мог выдать его присутствие в чужом доме и зародить в наблюдательных стражниках ненужные подозрения, если те окажутся поблизости и заметят полосу света, пробивающуюся из-под двери.

Дождавшись заветного щелчка, заявившего о готовности двери принять участие в его ночной аванюре, Эйнар потянул на себя массивную медную ручку и вышел на крыльцо с таким видом, будто проделывал это сотни раз. Прядильщиков ордена и стражников поблизости не оказалось. Лис беспрепятственно занял скромное место позади четверых двуликих, замыкавших шествие свечей. Те, совершенно не обрадовались новому соседству и сочли за лучшее продолжить путь в полном молчании. Лишь изредка боривальцы бросали на храмовника недобрые, настороженные взгляды и старались отодвинуться как можно дальше, наступая на пятки, идущим впереди валарданцам. Последние, вначале попытались возмутиться, однако разобравшись в чем проблема, умолкли и по примеру боривальцев, прибавили шагу.

Ступив на багровую брусчатку храмовой площади, Эйнар сообразил, что его образу кое-чего сильно недостает. В спешке он забыл обзавестись ритуальной свечей и теперь шел с пустыми руками, привлекая к себе излишнее внимание.

Исправить положение помогла одна из статуй, так удачно подвернувшаяся на пути в том месте, где хвост шествия начал заворачивать на привычный круговой маршрут по краю площади. Эйнар мгновенно наклонился и схватил светящийся шар, оставленный прядильщиками, как знак уважения в память об одной из бывших Верховных Корды. По всей видимости, эту важную мраморную госпожу не особо любили. Свечей у подножия ее статуи было не так много, как у остальных, но за то, она не выглядела, как старая интриганка. Из всех каменных лиц, обращенных к главному храму, ее было самым приятным и юным. Остальные статуи, которые Эйнар успел рассмотреть, пока шел, можно было с большим успехом использовать вместо огородных пугал. Ни один ворон не посмел бы претендовать на вверенные их защите посева, побоявшись, что эти суровые старухи догонят его, выставят

счет и заставят заплатить за каждое, выклеванное из земли зерно.

Чем дальше продвигалась процессия, тем сильнее досаждал Злой ветер. Его совершенно не привлекала отобранная у статуи свеча. Весь свой интерес он сосредоточил на мантии Эйнара, в особенности на широком капюшоне. Приходилось все время придерживать его рукой и надеяться, что такое странное поведение, обычно не свойственное величавым и спокойным храмовникам ордена Опаленных, не привлечет подозрительных взглядов.

Оставалось пройти совсем немного до того места, где можно было свернуть на библиотечную аллею, ведущую к большим кордским архивам. Тера еще четыре месяца назад умудрилась выкрасть план главного храма и чертежи построек, соединявшихся с ним подземными ходами. Этот путь представлялся самым безопасным и легким. Во время Ночи Свечей в архивах не оставалось ни души, разве что смотритель мог по какой-то причине не пожелать присоединиться к празднику, но это вряд ли. Эйнару оставалось пройти по пустынным коридорам, спуститься на подземный этаж и подняться по тайной лестнице, ведущей прямым путем на крышу главного храма. Но судьба не любила легких путей, ей вечно хотелось подкинуть кому-нибудь неожиданных неприятностей, поэтому впереди Эйнара поджидал большой и очень неприятный сюрприз.

Целая толпа храмовников, одетых точно так же, как и он сам, перегораживала проход в аллею. Все они что-то бурно обсуждали, размахивая руками и косясь в сторону шествия так, будто идущие были виноваты во всех смертных грехах разом. Становилось понятно, почему на пути к храмовой площади встретилось так мало членов ордена Опаленных, все они собрались здесь. И что еще хуже, помимо них, в свете ритуальных свечей, отчетливо виднелись редкие фигуры в бордовых платьях. Слепые прядильщицы покинули стены главного храма и теперь настороженно вглядывались в проходящих мимо них участников шествия. Видящие нити, выискивали кого-то среди идущих. Эйнар даже не сомневался — кого именно. До прядильщиков наконец дошло, что враг может быть совсем близко и они решили воспользоваться самым верным средством, раз уж подвели камни чистых помыслов. Видящие суть, не могли проглядеть преступника, сколько бы фиолетовых мантий тот на себя не натянул. Следовало немедленно разработать новый план. Одного взгляда видящей нити, могло хватить на заключение Эйнара в крепость до конца дней или, что вероятнее, на короткое, безрадостное свидание с тонкой пеньковой госпожой.

— А, чтоб вам, — в сердцах прошипел лис, чем моментально привлек внимание впереди идущих. Они со страхом уставились на него, выжидая продолжения реплики, но Эйнар упорно делал вид, будто ничего не говорил и двуликие отвернулись, решив, что им послышалось.

Расстояние до аллеи сокращалось, приближая момент неминуемого разоблачения. Эйнар лихорадочно озирался по сторонам, выискивая путь к отступлению, но его, как на зло, не находилось. Вокруг были одни лишь молчаливые статуи и ритуальные свечи.

Беглый взгляд зацепился за одну из свечей и тут же переместился на неприметную ручку люка. Она была оттопырена и отличалась от других таких же, поворотом под непривычным углом. Как Тера ни старалась, она так и не смогла отыскать чертежи, включавшие возможные подземные ходы, берущие начало от подножий некоторых из статуй Верховных. Что находилось под этими люками, оставалось неразрешимой загадкой. Но едва ли, сокрытое у ног бывших Верховных Корды, могло оказаться страшнее, чем толпа разъяренных прядильщиков, до которых оставалось рукой подать.

Взглянув на аллею в последний раз, Эйнар решительно шагнул в сторону. Пользуясь

прикрытием статуи Трюд — прошлой Верховной Корды, лис ухватился за кованую ручку люка, приподнял его и не размышляя ни минуты, скользнул в темноту, прихватив с собой еще парочку светящихся шаров. Чтобы ни ожидало внизу, ему хотелось увидеть это собственными глазами.

Глава 10.1 Подземелье

Очутившись в глухой, непроглядной темноте, начинаешь понимать, что из веры в страшные сказки о жутких местах, переполненных чудовищами и злым колдовством, вырасти невозможно. Старинные страхи обязательно найдут подходящий момент и вернуться, принеся с собой забытые воспоминания о том, что так сильно пугало в детстве. Когда-то давно, от них еще могли уберечь маленькая ночная лампа и надежное теплое одеяло. Стоило лишь попросить не гасить храбрый огонек и завернуться поплотнее, как обрывки памяти теряли власть и прекращали пугать видениями из прошлого, подпитанными фантастическими вымыслами.

Но как спастись, если хранившая сон лампа, перекочевала на чердак покинутого дома, а старенькое одеяло стало слишком мало, чтобы укрыть от всех бед мира, давно повзрослевшего мальчишку?

Всего на минуту Эйнару показалось, что он вновь оказался на острове Колдери, в том самом злополучном дне, с которого начинались его разрозненные детские воспоминания. Мор начисто лишил лиса памяти о родном доме и будто в насмешку, оставил лишь один единственный кошмар о мертвых островитянах, зверском холоде и царящей повсюду безнадежной тишине. Вспоминать о том далеком времени совсем не хотелось. Хотя судьба и проявила тогда свою благосклонность, приведя к нему на помощь госпожу Видалис, чувство одиночества и бессилия навсегда отпечатались в памяти и не позволяло забывать о том, каково это — захлебываться в вязком ужасе и уже не надеяться выплыть на поверхность.

Эйнар сумел выжить и давно перестал быть тем маленьким, насмерть перепуганным лисенком, из-за чьего еженощного, душераздирающего крика было невозможно спокойно спать не только в их доме, но и в паре соседних. Лис вырос, возмужал и научился справляться с любыми сложностями. Временами подсознание затевало с ним свои жестокие игры, но он с честью выходил из них победителем и больше не нуждался в чьей-либо помощи или опеке.

Первые шаги по склизкому каменному полу подземелья дались нелегко. Навязчивые образы окоченевших трупов мешали свободно переставлять ноги. Эйнару казалось, что он вот-вот споткнется о тело, обезображенного болезнью мертвеца и рухнет в колючий, пропитанный кровью снег. Волны воспоминаний о Колдери все продолжали накатывать и безжалостно биться о камни с трудом восстановленного спокойствия.

Узкий сырой коридор давил на плечи гнетущей атмосферой и уводил все глубже под землю. Стены, сложенные из грубых небрежно пригнанных камней, поросли липким, мохнатым растением. Блеклые маленькие листья кололи пальцы всякий раз, как лису приходилось касаться стен. Дышать с каждым шагом становилось все тяжелее и тяжелее. Захваченные на поверхности ритуальные свечи, сникли и потускнели, им было не под силу разогнать тьму, засевшую прямо под священной храмовой площадью.

Эйнар дошел до конца длинного петляющего коридора, остановился и облегченно перевел дух. Просторная галерея с высокими стрельчатыми сводами представлялась ему обманчивым миражом, неожиданно возникшим посреди голой пустыни, пока обезумевший от жажды путник, нехотя прощался с неприступной линией горизонта. Сверху, сквозь узкие

щели, струился мягкий свет. Сырой холод остался за пределами витой, полукруглой арки, отделявшей каменный коридор от величественного зала. Воздух здесь казался чистым и легким. Но радость лиса оказалась преждевременной. Красивый зал был очередной насмешкой прядильщиков. Эйнару предоставлялся щедрый выбор из пяти направлений, уводящих в разные стороны и вот они уже ничем не отличались от того мерзкого туннеля, который он только что с радостью покинул.

Отдергивая тяжелые занавеси одну за другой, Эйнар все отчетливее убеждался в предусмотрительности прядильщиков. Ни единого знака, указывавшего, куда ведут неприглядные ходы, не обнаружилось. Все те же грубые камни, облепившие их мерзкие растения и неотступный запах сырости, пропитавший подземелье сверху донизу. Как на зло, ни малейшего сквозняка, способного указать верную дорогу наружу. Складывалось впечатление, будто воздуху и теплу строго настрого запретили покидать галерею. Попытки рассмотреть хоть что-то, находящееся за границами света, так же не принесли желаемых результатов.

Оставалось отправиться в один из проходов наугад, но Эйнара совершенно не прельщала возможность заблудиться или, чего доброго, угодить в скрытую изощренную ловушку, рассчитанную специально на таких незваных гостей, как он.

— Надеюсь, на другом конце меня не будет поджидать очередная толпа взбешенных храмовников, — оптимистично подбодрил самого себя Эйнар, чтобы хоть немного разогнать гнетущую тишину. Спонтанное решение последовать за неизвестным, привязавшим бечевку к ржавому стенному кольцу второй арки слева, показалось приемлемым. Оно словно перекладывало вину за возможную неудачу на чужие плечи и тем самым снимало груз ответственности за непростой выбор с самого Эйнара.

Сухость и новизна волокон веревки позволяли сделать определенные выводы о времени ее появления в подземелье. После более тщательного изучения, Эйнар с удивлением понял, что его находка далеко не так проста, как показалось на первый взгляд. Ему повстречался подлинный валарданский артефакт, маскирующийся под обыкновенную вещь; хитрый предмет из числа тех, за которые даже Тера готова платить полновесным золотом и не торговаться.

— Пожалуй, на тебя можно положиться, — рассудил Эйнар и ухватился за бечевку покрепче. Передвигаться с ее помощью было гораздо удобнее и быстрее, чем наощупь. Она не была мокрой и колючей, как гнилые стены подземелья. Лису претило время от времени касаться их и он с радостью отказался от этой вынужденной необходимости, взявшись за импровизированный веревочный поручень.

Вскоре пришлось признать очевидное — кем бы ни был хозяин артефакта, выбирать дороги он умел. Уже через пару сотен метров дышать стало гораздо легче. Отвратительные растения, паразитировавшие на камнях, попадались все реже, да и сами камни незаметно сменились гладкими мраморными плитами.

За плавным поворотом, вдалеке, показался неровный свет. Как Эйнар и предполагал, владелец артефакта все еще не покинул подземелье. Никто без острой необходимости не оставил бы такую дорогостоящую, опасную вещь на радость прядильщикам. Веревка была своего рода нитью, которая могла поведать немало интересного о своем хозяине, но и это еще можно было пережить, а вот то, что сумели бы сделать с ее помощью белоглазые — об этом оставалось судить одним лишь святым и покровителям.

Эйнар двинулся навстречу свету и вскоре его тонкий лисий слух начал улавливать

отдельные неразборчивые слова. Враждебности в голосе говорившего не ощущалось, скорее уж озадаченность вперемешку с настойчивостью. Нечто подобное Эйнару приходилось слышать всякий раз, как тетя Клара пыталась отыскать очередную, оставленную на «своем месте» вещь. В ее арсенале имелись самые разнообразные дипломатические приемы: вежливые просьбы, нравоучительные увещевания, льстивые посулы и много чего еще... Одна беда — срабатывало все это крайне редко.

Решив для себя, что так забавно разглагольствовать ни прядильщики, ни кордские стражники точно не стали бы, Эйнар предусмотрительно оставил светящиеся стеклянные шары у стены и бесшумно двинулся вперед — выяснять к кому же его привела валарданская бечевка и что задумал ее владелец, раз отважился покуситься на тайны прядильщиков в Ночь Свечей. В такое беспокойное время, даже самый последний младший служитель храма был готов незамедлительно примерить маску палача и безжалостно расправиться с чужаком, сунувшим нос, куда не следовало.

Смелые догадки и далекие от реалистичности предположения, даже близко не соперничали с удивительной картиной, открывшейся лису за неплотно задернутой занавесью. Веревка завершилась бантом на железном кольце арки, ведущей в небольшой круглый зал. Ее загадочный владелец обнаружился в центре помещения и уже одним своим комичным видом моментально улучшил Эйнару настроение.

Рыжеволосый валарданский мастер опасно балансировал, стоя на краю шаткой ритуальной жаровни. Он упорно царапал ключом потолок и не подозревал, что за ним вот уже несколько минут оценивающе наблюдают. Несмотря на все ухищрения с подставкой, дотягиваться до невысокого потолка получалось с большим трудом. Длинные золотисто-оливковые одежды, подоткнутые для удобства за широкий пояс, и изрядная полнота, заметно мешали гладкому исполнению циркового номера, но мастер продолжал двигаться к своей неведомой цели. Он так старательно тянул руку с зажатым в кончиках пальцев крохотным ключом и потешно пританцовывал на носочках, что за один этот образ его бы без лишних вопросов приняли в любую бродячую труппу королевства.

Валарданец, как мог подбадривал себя и попеременно то умолял Хозяина Ветров отсыпать ему совсем немного везения и ловкости, то обращался к невидимой замочной скважине, прося ее стать хоть чуть-чуть различимее и самую малость податливее. К сожалению, покровитель Валардана не желал откликаться и принимать участие в сомнительной афере, а у строптивой замочной скважины, расположенной по какой-то неведомой причине на самом потолке, и вовсе не было причин содействовать и облегчать жизнь горе взломщику.

Будь у Эйнара больше времени, он бы обязательно задержался и с удовольствием понаблюдал за представлением подольше, но времени оставалось в обрез. Лису срочно требовалось расспросить чудного мастера. Благообразный господин вряд ли сумел протиснуться на глазах у всего шествия через люк на храмовой площади, а значит, ему был известен иной, более удобный и безопасный путь наружу.

Прежде чем появиться перед мастером, Эйнар стянул с себя мантию кордского храмовника и, на всякий случай, рассмотрел внушительную фигуру будущего информатора на предмет имеющего вооружения. Случай с седовласым, безобидным на вид прядильщиком, кое-чему его научил. Но на этот раз предосторожность оказалась излишней. Ничего опасного разглядеть не удалось, даже традиционная валарданская праща смотрелась на, затейливо украшенном поясе мастера, как дорогая, но совершенно нелюбимая игрушка.

Уверившись, что неприятных сюрпризов в ближайшее время не должно произойти, лис не спеша вышел из-за занавеси на свет.

— Многоуважаемый мастер, — негромко позвал Эйнар, стараясь как можно тактичнее обозначить свое появление, чем невольно нарушил хрупкое равновесие коварной жаровни. Та, видимо, давно мечтала избавиться от разъявшегoся акробата и не упустила свой шанс — мастер полетел на пол, а сама она — откатилась к стене, оглашая зал жалобным скрипом и возмущенным бряцаньем железных подвесок.

— Вот и связывайся с этими грифалетскими шарлатанами после такого! Мог ведь, проклятый, объяснить все по-человечески, так нет же, загадок загадал, туману напустил и выпроводил, довольный собой, — перемежая речь болезненными вздохами и оханьями, начал возмущаться мастер, смешно дергая короткими ногами в тщетной попытке выпутаться из своего многослойного наряда.

Эйнар не предусмотрел, что его спокойные, уважительные слова могут так дурно повлиять на равновесие незнакомца. Солидный господин с пышными усами и бакенбардами не показался ему робким или пугливым. Тем не менее мастер упал, причем именно по вине Эйнара.

Лис бегло прикинул, сможет ли эта досадная оплошность осложнить получение нужной информации, досадливо поджал губы и поспешил к валарданцу, продолжавшему судорожно барахтаться на полу. Падение явно не пошло тому на пользу. Мастер нуждался в помощи и все никак не мог подняться. Эйнар склонился над ним и вежливо протянул руку. Валарданец похоже ничуть не обиделся за несвоевременное вмешательство в его таинственные дела и тут же с готовностью ухватился за ладонь Эйнара обеими руками.

Поднять здоровяка оказалось задачей не из легких, весил он изрядно. Лис же, в свою очередь, не мог похвастаться выдающейся тягловой силой. После нескольких неудачных попыток, едва не стоивших Эйнару сорванной спины, упорство было вознаграждено. Мастер сумел встать на нетвердые ноги. Отряхиваясь и неуверенно трясая головой, он постепенно приходил в себя. Немного оправившись, мастер на мгновение замер, посмотрел на свои руки, заглянул зачем-то в широкие рукава и тут же бросился обратно на пол.

— Ох нет, только не это! Я его упустил, — энергично ползая на коленях и шаря руками по полу, горестно воскликнул мастер. Эйнару оставалось лишь вовремя убирать с его пути ноги и удивляться вновь обретенной резвости валарданца, еще недавно в бессилии корчившегoся на полу.

— Многоуважаемый мастер, — решил предпринять новую попытку Эйнар. — Не мог бы ты указать мне дорогу, ведущую из подземелья наружу?

— Какую еще дорогу? Хорош изображать статую Хозяйки Свечей, бездельник, лучше помоги отыскать ловцов ключ! — гаркнул валарданец, оторвавшись от опустошения жаровни. Он смерил Эйнара таким свирепым взглядом, что тому стало не по себе.

— И это еще называется верный союзник! Пересчитаю же я тебе кости, грифалетец, дай только пережить эту ночь. Вовек не захочешь морочить честным людям головы, подлый мерзавец, — не унимался мастер, расшвыривая во все стороны золу и кашля всякий раз, как она залетала ему в рот.

Эйнар постоял еще немного, устало потирая лоб, окинул тяжелым взглядом творящееся безобразие и молча двинулся к выходу из круглого зала. Лис быстро смирился с потраченным впустую временем и начал прокручивать в голове новый план. Однако его стройные размышления были грубо прерваны.

— Куда это ты собрался?! — уперев руки в бока, пророкотал мастер, заметив, как лис отодвигает занавесь.

Эйнар удивился наглому вопросу, нехотя обернулся и вопросительно вздернул бровь. Островитянин стоял на другом конце зала и молча буравил его недовольным взглядом, явно ожидая какой-то реакции. Эйнар всмотрелся в лицо незнакомца внимательнее, силясь понять, не могли ли они быть знакомы, но нет — этого человека он видел впервые. Слишком крупный, шумный и рыжий, такого невозможно легко забыть. Значит дело было в чем-то другом.

Глава 10.2 Подземелье

— Нужно достать ларец, пока наверху не начался ритуал, — четко выговаривая каждое слово, стал втолковывать мастер, указывая пальцем в потолок. Спокойствие давалось ему с большим трудом.

— Ларец с сокровищами? — ехидно осведомился Эйнар, складывая руки на груди.

— Решил поиздеваться надо мной, боривалец? — вспыхнул мастер, сжимая кулаки. На что Эйнар, лишь молча сунул руку за ворот и извлек на свет небольшой круглый медальон.

— А! Валарданец, — взглядевшись в простое украшение, незнакомец одобрительно крикнул и стремительно сократил, разделявшее их расстояние. — Так чего же ты молчал, земляк? — радостно рассмеялся островитянин, хлопая Эйнара по плечу.

Лис поморщился, скосил глаза на отбитое плечо и с неудовольствием отметил появление черного пятипалого отпечатка на своей некогда белой рубашке. Бурное проявление радости мастера несколько не удивило Эйнара. Валарданцы держались друг за друга, как утопающие за борта спасательных шлюпок. Превыше всего они ценили свой общий дом, расположенный посреди Доброго моря и то чувство единства, которое он им дарил.

— Рыжий Сэлли, — представился мастер, протягивая лису, перепачканную в саже руку.

— Эйнар, — назвал лис, отвечая на крепкое рукопожатие. Пришлось безропотно смириться с очередной порцией сажи, помня о том, насколько категорично расценивается на Валардане отказ от протянутой руки дружбы. Такого явного пренебрежения островитяне никогда не прощали и не забывали, а наживать себе врага, на ровном месте, лис не хотел.

— Проклятый грифалетец наплел мне невесть чего, нет бы предупредить, что встречу я ни кого попало, а своего земляка. Это же в корне меняет все дело! Ох и зададим же мы сейчас Корде, — заявил Сэлли, воинственно грозя потолку огромным кулаком.

— Так что за ларец и при чем здесь я? — деловито полюбопытствовал Эйнар, присоединяясь к созерцанию потолка.

— При том, что вытянуть ларец — это самый легкий и безопасный способ сорвать Верховной Хильде весь ритуал. Заберем его и можем отправляться домой, а она пусть продолжает свои колдовские пляски хоть до самого утра, ничего все равно не получится, — самодовольно поделился планом мастер и тут же пояснил: — Знал бы ты сколько времени я потратил на расшифровку бумаг моего далекого предка, но оно того стоило — метод железный!

— Допустим, но как ты узнал, что я появлюсь в подземелье и соглашусь помочь? Неужели предсказатель выдал такой ясный и подробный прогноз? — усомнился Эйнар, попутно прикидывая, как бы ему не опоздать с выполнением собственного плана и не упустить возможность принять участие в перспективной затее мастера.

— Так я взял его измором, — весело подмигнул Сэлли. — Пришлось очень постараться,

чтобы успеть вернуться в Дэйлиналь к Ночи Свечей напрямик из Грифалета. Старый шарлатан все тянул время и не желал принимать меня в своем знаменитом доме. На пятой неделе пребывания в том травоядном королевстве я окончательно озверел, поставил маленький походный шатер прямо у его порога и на всякий случай разогнал всех прислужников. Сработало! Предсказатель моментально пересмотрел свое неверное решение и проявил должное гостеприимство. Правда с ясностью и подробностью предсказаний возникла небольшая заминка... Но я обязательно во всем разберусь!

— А вот и ключ, — кивнул в сторону разорённой жаровни Эйнар.

— Где? — воодушевился Сэлли, направляясь в указанном направлении.

Лис опередил мастера и ловко выхватил из кучи золы маленький серебряный ключ. Тот был горячим и, казалось, что в нем пульсирует крохотное сердце.

— Колдовство, — ответил на невысказанный вопрос Сэлли. — Не будем терять времени, быстрее начнем — быстрее закончим и вон из Корды, вон, чтобы и не вспоминать о ней. Чего я только не насмотрелся, пока пробирался к нужному залу! — брезгливо передернул плечами мастер, вспоминая об увиденном.

Сэлли сунул руку в карман, извлек массивные золотые часы на цепочке и откинул инкрустированную крышку.

— Пора, — прикинув что-то на пальцах, объявил мастер и легонько пнул жаровню. Та протяжно скрипнула и кособоко покатилась. — Не подойдет... Вот что, Эйнар, забирайся мне на плечи, — присаживаясь на корточки в центре зала, предложил Сэлли.

— Идет, — не стал спорить Эйнар, устраиваясь на широких плечах мастера. Поднявшись под потолок, лис стал тщательно исследовать ровную поверхность, но так ничего и не нашел. — Сэлли, здесь нет никакой замочной скважины. Это точно то самое место?

— Не сомневайся, мы сейчас прямо под кордской свечей, над нами центральная точка многоугольного зала. Весь фокус в том, что скважина скрыта колдовством, нужно искать наощупь, — стал объяснять мастер, придерживая лиса за ноги. — Ключ нужно провернуть шесть раз назад, восемь вперед и три раза по кругу, когда появится углубление для перемещения замочной скважины.

— Нашел, — объявил Эйнар, приступая к прокручиванию ключа. Повороты давались с переменным успехом. Под пальцами ощущалась неприятная пульсация, усиливавшаяся с каждым новым вращением. В какой-то момент Эйнару показалось, что ключ ужалил его за руку, но он не придал боли особого значения. А вот мастер, ощутивший резкий укол в спину, оказался куда чувствительнее. Его повело в бок и он едва не уронил лиса на пол.

— Что это еще такое было? — озадаченно спросил Сэлли, возвращаясь на прежнее место. Он пару раз крутнулся вокруг своей оси, но так и не обнаружил ничего подозрительного.

— Понятия не имею, но ключ больше не пульсирует, — заметил Эйнар, спешно заканчивая повороты на одном месте. — Надеюсь, твой предок не ошибся в своих записях. Кстати, откуда он вообще знал про то, как устроена кордская святыня? — запоздало поинтересовался Эйнар, выискивая глазами обещанную круговую дорожку на гладком, целом потолке.

— Это довольно грустная история, — вздохнул Сэлли. — Предок был таким же рыжим и гениальным, как я, — скромно приступил мастер к своему печальному рассказу, на что лис лишь хмыкнул.

— Нечего хмыкать! В нашей семье все рыжие и жутко талантливые. Одна беда — везет, как утопленникам, — пожаловался Сэлли, стряхивая с носа каменную крошку. — Что там творится, Эйнар? Мне снизу не разглядеть.

— Ничего особенного, — будничным тоном ответил лис, наблюдая за тем, как трескается потолок. Небольшой ровный круг замкнулся, внутренняя часть провернулась и скважина вместе с ключом медленно поползла к границам узкой щели. — Кордское колдовство... Но при чем здесь валарданский мастер, даже такой жутко талантливый, как твой предок?

— Можешь шутить сколько влезет, но таким он и был, — засопел Сэлли и принялся приводить весомые аргументы. — Кордская свеча — не большая святыня, чем корабль Ловца, на деле же — это большой артефакт, подпитанный колдовством. Прядильщики обманули моего предка и использовали его великое изобретение в своих целях, а потом еще и убили... Подлые мерзавцы, а ведь он хотел уберечь от беды весь Дэйлиналь!

— Что-то мне это не нравится, — медленно проговорил Эйнар, когда все манипуляции с ключом были завершены.

Во все стороны от того места, куда провалился ключ, начали расползаться тонкие трещины, дождем посыпалась каменная крошка. Сэлли, почуяв неладное, рванул с места, как заправский призовой скакун. И не зря! Не успел он выскочить в коридор, унося на плечах Эйнара, как обрушился потолок зала. Крупные камни наполовину завалили проход. Белая пыль выедала глаза, сквозь ее плотную завесу ничего не удавалось разглядеть. Грохот обвала оглушил так, что даже собственные слова доносились, как из-под воды. Новые союзники сочли за лучшее убраться подальше от заваленного входа в зал и подождать пока пыль осядет. Они добрались до того места, где лис оставил ритуальные свечи, тяжело привалились к холодной мраморной стене и сползли по ней на пол.

— Ты же говорил, что будет легко и безопасно, — постарался прорваться сквозь назойливый гул в ушах Эйнар.

— Обвал, под которым никто не застрял — это всего лишь мелкая издержка, — философски заключил Сэлли, потирая ушибленную ногу.

— Лучше бы застрял, — мрачно возразил лис, с прищуром вглядываясь в темноту. Сэлли проследил за его взглядом и заметил два блуждающих красных огонька. Парное перемещение было таким рваным, что за ним с трудом удавалось уследить. Огоньки еще немного пометались, замерли, поблуждали на одном месте и безошибочно направились в их сторону.

— Подъем, Эйнар, — первым вскакивая на ноги, скомандовал Сэлли и вздернул лиса за шиворот. — Зря я поленился расшифровать все остальное, ох и зря!

Бурча под нос самые страшные ругательства, Эйнар быстро сгреб в охапку светящиеся шары и двинулся в обратный путь к просторному залу с высокими сводами. Сэлли ненадолго задержался, чтобы забрать свою веревку. Он резко дернул за нее, выкрикивая неразборчивую короткую команду. Та, мгновенно среагировала и обвилась вокруг его правого запястья, превратившись в тонкий нитяной браслет.

Шумные сборы не понравились источнику красного свечения. Глухой недовольный рык прокатился по всему коридору, стремясь нагнать удалявшихся и вонзиться им в спины роем отравленных стрел. Почуяв опасность, Сэлли и Эйнар, не сговариваясь, сорвались на бег.

Страх оказаться растерзанным неведомой тварью так подстегнул мастера, что тот вмиг забыл и об ушибленной ноге, и о том, что внушительные габариты обычно не позволяли ему

развивать хоть сколько-нибудь впечатляющую скорость. Ориентируясь на спину Эйнара, мастер бежал, как никогда прежде. При этом он так шумно сопел, размахивал руками и топал, что у лиса складывалось впечатление, будто это монстр вот-вот нагонит и вцепится в горло.

Закончился бешеный рывок лишь после того, как бегуны ввалились в просторный светлый зал. Сэлли едва не сорвал полог с петель, зацепившись мелкими поясными крючками за тканевую преграду. Желая выпутаться, он стал крутиться на одном месте, но лишь усугубил ситуацию и окончательно запутался. Раззадоренная встречей с красными, рычащими огоньками фантазия тут же превратила безобидную занавесь в смертельно опасную ловушку. Мастер начал орать и сыпать проклятиями, чем немало раздосадовал Эйнара, мечтавшего сейчас только об одном — привлечь как можно меньше внимания.

— Угомонись, Сэлли! Ради всех святых и покровителей прошу, не то я сам тебя придушу, — прошипел лис, помогая выпутаться впечатлительному мастеру. После чего с такой яростью задернул занавесь, что Сэлли даже и не подумал возмущаться, поняв, как опрометчиво с его стороны было поднимать шум и привлекать к ним ненужное внимание.

Мастер хрипел, как загнанная лошадь, тяжело уперев руки в колени. Он все силился что-то сказать, но никак не мог восстановить дыхание.

— Вначале отдышись, как следует, — спокойно посоветовал Эйнар, пятясь подальше от входа в зал. Занавесь оставалась неподвижной, из коридора не доносилось ни звука, но это еще ничего не значило.

Проигнорировав совет, Сэлли потянул Эйнара за рукав и указал пальцем в сторону дальней стены зала. Та отличалась от прочих целым рядом старинных, выцветших картин, развешанных в шахматном порядке от пола до потолка.

— Где-то там, за третьей справа мазней должен быть тайный ход, — продемонстрировал мастер вопиющее неуважение к творениям далеких живописцев древности. — Только я так и не понял, куда он ведет. То ли к главным воротам, то ли в аллею перед архивами.

— А как же ларец? — спохватился Эйнар.

— О нет, я совсем про него забыл, — обреченно простонал Сэлли.

— Как думаешь, монстр мог отправиться по своим делам?

Ответить Сэлли не успел. За их спинами раздался треск, распарываемой на куски ткани. Стараясь не делать резких движений, Эйнар обернулся и встретился взглядом со зверем, напоминавшим помесь волка и кабана. Все его тело было оплетено корнями и вьющимися стеблями, пробивавшимися наружу из позвоночника.

— Не оборачивайся, — едва слышно прошептал Эйнар, осторожно отцепляя от пояса кнут. — Я отвлеку это, а ты по моей команде побежишь и откроешь дверь.

— Оно очень страшное? — замерев на месте, дрожащим голосом поинтересовался Сэлли, еле сдерживаясь, чтобы не оглянуться.

— Так себе, — медленно разматывая кольца кнута, бесстрастно соврал Эйнар, краем глаза отметив, как напряглась спина мастера.

Хищная тварь следила за своими будущими жертвами сквозь полуопущенные веки и не спешила нападать. Находиться на свету ей явно не нравилось, но уходить в тень, не отведав сочного мяса, она не собиралась. Раздувая широкие кривые ноздри, она молотила длинным хвостом по полу и осторожно скребла когтями, усыпляя бдительность своей неподвижностью.

Эйнар так же не спешил бросаться в атаку. Он замер на месте и незаметно выискивал уязвимые места диковинного противника. К сожалению, удавалось найти лишь преимущества: верткий шип на кончике хвоста, толстые прямые клыки, направленные вперед и вверх, мощные когтистые лапы и в довершении ко всему — вьющееся растение, не желавшее замирать в одном положении на теле зверя. Чем бы ни было это существо, милосердия и пощады от него ожидать точно не следовало.

— Хозяин Ветров, спаси и сохрани, — сдавленно выдохнул Сэлли, порывисто прикладывая руку к груди напротив медальона.

Тварь мгновенно среагировала на резкое движение и пригнулась к полу, готовясь к броску. Эйнар щелкнул кнутом, надеясь вернуть ее внимание. Но цель уже была намечена. Животный страх мастера привлекал хищника. К чему было охотиться на того, кто не боится и может дать отпор, когда совсем рядом трясущаяся, растерянная жертва, от которой так и веет сладким ужасом и беспомощностью?

— Дверь, Сэлли, ловцова дверь! — прорычал Эйнар, преграждая дорогу, медленно двинувшейся на мастера твари.

Утробно зарывчав, зверь попытался обогнуть Эйнара, не переставая следить за, начавшим пятиться мастером. Остановить неспешный маневр смог лишь хлесткий удар кнутом по морде. Взыв от боли, зверь моментально позабыл обо всем и бросился на обидчика. Завязался бой.

Эйнар перемещался по залу, как опытный танцор, выводя сложные фигуры кнутом, раз за разом нанося меткие удары. Зверь не уступал ему в скорости, но был менее маневренным, и все никак не мог ухватить ловкого противника.

— У меня получилось, Эйнар, — заорал с другого конца зала Сэлли. — Дверь крепкая!

— Отлично, — процедил сквозь стиснутые зубы Эйнар и особенно яростно хлестнул чудовище, целясь по глазам.

Точный удар заставил зверя отступить и сменить тактику. Больше он не желал бездумно бросаться и получать порез за порезом, медленно обходя врага по дуге, тварь выжидала подходящий момент для нападения.

Эйнар воспользовался временной передышкой и стал поспешно расстегивать пуговицы на рубашке. У него появилась совершенно безумная идея.

— Приготовься Сэлли, — выкрикнул Эйнар и резко дернулся в сторону.

Не ожидавшая такого поворота тварь, замешкалась на секунду, зло рыкнула и бросилась в погоню за белым лисом, силясь ухватить нахального зверя за пушистый хвост. Маневренность мелкого хищника действовала ей на нервы. Лис нарочно дразнил ее и заманивал поближе к распахнутой двери за картиной. С каждым новым неудачным броском охотница распялялась все сильнее. Ее движения стали более напористыми и рваными. Раз за разом челюсти смыкались на воздухе всего в какой-то жалкой паре дюймов от белого неуловимого хвоста. Ее собственный шипастый хвост оставлял выбоины на мозаичном полу. Во все стороны из тела страшного зверя начали вытягиваться гибкие длинные стебли.

Сделав последний обманный маневр, Эйнар понесся со всех лап по направлению к застывшему у двери Сэлли. Мастер держался молодцом и даже не думал убираться с дороги, несущегося на него монстра. Он все шевелил губами в беззвучной молитве и не отводил глаз от преследующего лиса существа.

У самых дверей, разогнавшись до предельной скорости, Эйнар круто вильнул в бок. Тварь с шумом пронеслась мимо него и с разбегу залетела в распахнутую дверь. Сэлли

рывком захлопнул дверь и та, с мерзким чавканьем, встала на свое законное место. Надежно сработали запирающие механизмы. Монстр выл, рычал и бился в окованную железом преграду, но не мог вырваться.

— Эйнар, мы победили! — не веря до конца в неожиданное избавление, воскликнул Сэлли, неловко спотыкаясь о длинный побег, перерубленный дверью. — Эйнар...

Ответа не последовало. Белый лис замер в паре ярдов от двери. По его блестящей белой шубе расплзлось яркое алое пятно. Он был тих и неподвижен.

Сэлли уставился на лиса широко распахнутыми глазами и все не мог заставить себя сделать хоть один маленький шаг. Он перестал обращать внимание на звуки, доносящиеся из-за унылой картины, все его внимание сосредоточилось на клочке слипшейся от крови шерсти. Неестественная краснота так резко выделалась на фоне общей белизны, что мастер никак не мог взять в толк, на что именно смотрит.

— О, покровитель, да это же кровь, — заторможено сообразил мастер, чувствуя, как холодеют ладони, а в висках будто набатом бьется одно единственное страшное слово.

— Нет уж, братец, ни за что ты здесь не умрешь! Вот увидишь, я тебя обязательно вытащу из этого поганого подземелья и мы им еще всем покажем! — решительно пообещал Сэлли, опускаясь возле Эйнара на колени.

Глава 11. Золотая игла

Время Ночи Свечей, подобно запертым в стенах Корды дэйлинальцам, разделилось на маленькие отряды и начало проводить собственные военные операции, попеременно помогая то бунтовщикам, то защитникам города и их союзникам. Для одних его вмешательство становилось чудесным спасением, наступавшим благодаря вовремя подоспевшей подмоге, для других — неожиданным поражением, случавшимся по вине запоздалой реакции на шальную атаку.

Сколько всего успевало произойти за доли секунды, пока выпущенный из пращи камень летел в грудь крылатому или пока прядильщик отступал от валарданца, унося вырванный из рукава врага клочок ткани? Мог ли ускользнуть храмовник, окруженный со всех сторон взбешенными двуликами, если один из них уже занес когтистую лапу, целясь притеснителю в незащищенное горло?

Время могло дать ответы на все эти вопросы... Но оно было слишком занято, как и яростные бойцы, предпочитавшие лишней раз нанести удар противнику сбитым в кровь кулаком или тяжелым сапогом, нежели задаваться ненужными философскими вопросами.

Мало кому выпадала возможность наблюдать за всем со стороны и ни во что не вмешиваться. И далеко не каждому из таких редких счастливцев мирное бездействие приносило удовольствие.

— Подай знак снова! — в который раз за последний час нетерпеливо потребовала Клара, настойчиво протягивая Ригби потертый коробок спичек и круглый хрустальный кристалл на цепочке.

— Еще пара знаков и по наши души явятся храмовники. Уверен, им будет очень интересно узнать, какому это призраку так нескучно живется на соседнем кладбище, — съязвил Ригби, тщетно пытаясь отыскать удобное положение. Длительное сидение в обнимку с луком на продуваемой всеми ветрами ветке пагубно отразилось на его и без того не самом радужном настроении.

Сузив глаза, Клара недобро уставилась на беспокойного шуттанца снизу вверх. Ее толстая комфортабельная ветка располагалась ниже и имела несомненное преимущество в

виде густой листвы, неплохо предохранявшей от назойливого ветра. Принимая во внимание этот немаловажный фактор, Клара не стала злиться или настаивать на своем. Вместо этого она предпочла сжалиться над озябшим сообщником. Подобрав пышные юбки, хрустальщица великодушно потеснилась. После чего нарочито громко похлопала ладонью по освободившемуся месту, желая привлечь внимание Ригби.

Дважды уговаривать не пришлось. Продрогший шутанец с радостью покинул наблюдательный пункт и примостился рядом, подперев голову, согнутой в колене ногой. Вскоре он отогрелся и прекратил ерзать. Но не прошло и десяти минут, как на смену одному неудобству явилось другое. Порядком наскучившая тишина, досаждала ничуть не меньше холода. Ригби изнывал от безделья, но не решался тревожить Клару. Та была слишком поглощена размышлениями и вряд ли желала принимать участие в бессмысленной беседе. Не придумав ничего лучшего, он стал насвистывать веселую народную песенку о храбром моряке, сумевшем переплыть все моря и океаны на углой лодчонке с одной лишь удачей вместо паруса и весел.

Долгие минуты ожидания тянулись в напряженном наблюдении за крышей и неподвижными полотнами. Что бы не происходило в стенах главного храма, рассмотреть хоть что-то сквозь завесы не удавалось, с какой ветки не загляни. Сколько еще оставалось ждать и кто в результате одержит победу в ночной гонке — сильно запаздывающий Эйнар или, спешащая завершить ритуал, Верховная?

— Прекрати паясничать, Ригби, не то я спихну тебя на землю! — процедила сквозь зубы Клара, не выдержав раздражающей игры на тетиве, так некстати добавившейся к свисту. Нестройные щипки отзывались противным звоном в ушах, мешая сосредоточиться на обдумывании, все осложнявшейся ситуации.

— Только если расскажешь правду, — решил попытать удачу Ригби, краем глаза наблюдая за тем, как Клара беспокойно теребит подол шелкового полосатого платья. — Каковы ваши с Терой шансы пережить эту ночь, если ритуал пройдет успешно? — напрямую спросил он, усиливая эффект особенно громким финальным щипком на последнем слове.

Неожиданный вопрос застал Клару врасплох. Вздвогнув, как от удара, она незаметно скосила глаза на безмятежно глядящего вдаль шутанца. Его уверенное спокойствие совершенно не вязалось с брошенными будто невзначай словами. Уголки губ хрустальщицы нервно дернулись, силясь удержать рвущуюся наружу грубость. Мимолетная вспышка гнева схлынула так же быстро, как и накатила, оставив после себя легкую дрожь и чувство необъяснимой тревоги. Тонкие пальцы медленно разжались, высвобождая измятую чудом уцелевшую ткань.

Поборов первое удивление, Клара гордо расправила плечи. На ее губах заиграла вежливая полуулыбка. Холодный взгляд прозрачных голубых глаз приобрел неестественную мягкость. Примерно с таким же видом она предпочитала принимать незваных гостей на Валардане, когда не успевала отделаться от визитеров заранее. Плавнo развернувшись к Ригби, Клара сразу осознала всю тщетность своих попыток. Ложь и притворство давно стали и его хлебом.

— Что за странный вопрос? — резче, чем хотелось бы, поинтересовалась она, на что Ригби лишь покачал головой.

— Долгие годы я все пытался, но никак не мог понять, зачем вам троим так упорно рисковать жизнями ради восстановления справедливости в Дэйлиналие? Тера и Эйнар, по сути, чужестранцы, а тебе самой куда лучше подошла бы роль хитрой, эгоистичной

злодейки, но уж никак не спасительницы целого королевства, — доверительно поделился соображениями Ригби, покачивая свободной ногой в такт немелодичным щипкам. Он нарочно возобновил свой маленький концерт, желая добиться от Клары, если не правдивых слов, то хоть естественной реакции, по которой можно угадать хоть что-то.

— Хитрая и эгоистичная злодейка... Что ж, в чем-то ты прав, — согласилась Клара, проводя пальцами по деревенеющей вслед за ее прикосновением тетиве. — Раз уж ты так настаиваешь, я расскажу правду, но она останется только между нами!

— Даю слово, — серьезно пообещал Ригби, быстро проводя большим пальцем левой руки по закрытым глазам. — Твоя тайна уйдет со мной за грань, если сама не позволишь раскрыть ее, — произнес он традиционные слова, прижав ладонь к груди.

— Я поверю твоему слову, но не приму клятву, — отводя руку шутганца от сердца, грустно улыбнулась Клара. — Наша с Терой беда как раз и заключается в данном некогда слове. Все началось триста лет назад, когда одна глупая представительница рода Видалис взяла на себя обязательство и, как водится в печальных историях о подвигах, с треском провалилась, наградив последствиями своего необдуманного героизма всех остальных. Ее кровная клятва намертво закрепила за нашим родом статус вельдских гарантов. По одну сторону баррикады — мы, по другую — Верховные Хильда и Арас. С той только разницей, что старые интриганы как раз и были теми, кто осознанно заварил всю эту кашу, а мы с Терой оказались втянутыми лишь потому, что нам очень не повезло с родством. Что касается Эйнара, то он не связан со всем этим напрямую и все же вынужден участвовать, являясь неотъемлемой частью нашей семьи. Борьба с Кордой — по сути, вопрос выживания и никакой политикой в этом деле не пахнет. Такова моя правда.

— Тебе следовало рассказать мне обо всем раньше, — угрюмо протянул Ригби, задрал голову к небу. Клара никак не отреагировала на его слова, лишь еле заметно пожалала плечами. Добавить ей было нечего. Минуты тихого ожидания вновь заняли свое прежнее место и принялись наверстывать упущенное.

Ригби не прекращал выискивать ответы среди звезд, крыша главного храма больше не занимала его мыслей. Чернота неба способствовала размышлениям и в какой-то момент решение нашлось. Улыбнувшись небесным светилам, Ригби опустил голову и задал новый вопрос.

— Если сорвать ритуал, не прибегая к убийству старухи, этого хватит, чтобы вас не задело?

— И да, и нет... Убийство Верховной — само по себе единственная возможность остановить ритуал, — безразлично отозвалась Клара.

Со стороны могло показаться, будто ее куда сильнее заботит то, что она никак не может дотянуться до особенно крупного дубового листа. Отсветы огней площади подсвечивали его фигурные контуры, выделяя на фоне сотен других. При первом же взгляде на него, Клару посетила иррациональная убежденность — стоит ухватить этот красивый лист и все обязательно наладится.

Но даже в таком несложном деле, ей сегодня отчаянно не везло. Чиркнув кончиками пальцев по краю заветного листа, Клара лишь сбила его, а с ним и остатки собственной выдержки. Наблюдая за тем, как кружась, опускается на землю символ ее самообладания, хрустальщица тяжело вздохнула и начала делиться накопившимися переживаниями.

— Если бы ты только знал, как я надеялась, что мы сможем расплатиться по счетам и навсегда покинуть Дэйлиналь. Ни Эйнар, ни Тера понятия не имеют насколько плохи наши

обстоятельства на самом-то деле. Я специально не посвящала их в эту тайну, — в сердцах повинилась Клара и тут же холодно добавила: — Короткая, свободная жизнь с открытым финалом куда лучше долгой, заранее предрешенной. Не находишь?

— Пожалуй... Но что в таком случае ими движет? Я еще могу понять Эйнара, двуликим приходится действительно туго, но Тера... Что вынуждает рисковать ее?

Получив вполне обоснованный вопрос, Клара ненадолго замолчала, грустно усмехнулась собственным мыслям и медленно заговорила, тщательно подбирая слова. Объяснить то, что она знала и принимала как должное, было не так-то просто.

— Сколько бы Тера не воровала и не лгала, она все равно остается стекольщицей. Более того — самой настоящей зеркальщицей и это уже приговор! Своеобразное благородство, неуемная жажда вмешиваться и восстанавливать справедливость у нее в крови, как бы нелепо это не звучало. Не было нужды рассказывать, что от нашей борьбы за Дэйлиналь зависит ее и моя жизни. По доброй воле Тера все равно не отступилась бы, — со вздохом заключила Клара, отправляя очередной истерзанный листок вдогонку ветру. — Но как ты вообще узнал?

Запоздалый вопрос Клары моментально отбросил Ригби в прошлое, далеко за пределы Дэйлиналя. Ответ заключался в недолгом разговоре с предсказателем. Но как объяснить? Нужные слова он так и не сумел подобрать, даже для себя самого.

— Не так давно мне пришлось посетить дом одного сумасшедшего. Он загадал мне загадку, над которой я лишь расхохотался. Видимо моя реакция знатно его оскорбила. Старик решил отыгаться, дав мне подсказку. Как только до меня дошло, куда он клонит, настал его черед вдоволь посмеяться уже надо мной... Подсказка оказалась предсказанием — на редкость жестоким, расплывчатым и совершенно несвоевременным.

— Ты ведь никогда не верил в подобные вещи, — с сомнением заметила Клара, удивляясь неприкрытой тревоге, прокрававшейся в голос Ригби.

— О вере речь и не идет! Мне хотелось отмахнуться от его слов, но я не решился... Старинная шуттанская поговорка гласит, что лучше сто раз убедиться в обмане лично, чем всего один раз оказаться попутчиком сожаления, плывущего на черном корабле за грань. То, что сказал предсказатель, звучало, как самый настоящий бред, однако я предпочел не рисковать. Только и всего, — небрежно подытожил туманные объяснения Ригби.

— Только и всего, — эхом отозвалась Клара, отстраненно разглядывая пустынную крышу храма. — А я все гадала — что могло заставить тебя вернуться, спустя целых четыре года? Выходит, вернулся попрощаться...

— Прощаюсь я только с врагами! — бесстрастно пресёк ее слова Ригби, перекладывая лук Кларе на колени. Та собиралась задать еще пару вопрос. Но шуттанец предвосхитил ее намерения и предпочел уклониться от дальнейшего обсуждения, резко отклонившись назад.

Неловкий воздушный кувырок завершился жестким приземлением на стылую, растрескавшуюся без дождя землю. Тонкий слой опавших листьев не сумел уберечь голые ладони. Поутихшие раны, моментально среагировали на глупую выходку: перед глазами поплыла кровавая, жгучая дымка, в ушах противно зашумело, а надежная опора начала раскачиваться из стороны в сторону, грозя окончательно уплыть из-под дрожащих ног.

— Нашел время, — опуская прохладную ладонь на затылок Ригби, обеспокоенно прошептала Клара. — Эйнар может появиться в любую минуту, а ты едва держишься на ногах. Как в таком состоянии собираешься стрелять?

Несмотря на пышное платье, спуск с дерева дался ей куда легче, чем израненному

шуттанцу. Встреча с Линасом обошлась тому очень недешево, но на этом список проблем и не думал заканчиваться.

— Ловцов плющ... Все-таки подействовал, — приложив вторую ладонь к горячему лбу Ригби, нахмурилась Клара. Даже ее скромных познаний в ядах и их воздействиях, вполне хватало, чтобы оценить новую, еще более безрадостную перспективу дальнейшего развития событий.

Ригби так же не питал особых иллюзий насчет своего неуклюжего падения. Он молча сцепил зубы, борясь с нахлынувшей болью, выждал пока в глазах перестанет двоиться, выпрямился и осторожно отвел руки хрустальщицы. Отказываться от прохлады, дарящей хоть немного облегчения, совсем не хотелось, но ему требовалась помощь другого рода и он собирался добиться ее, чего бы это ни стоило.

— Заставь меня поверить, будто яд не подействовал, — решительно потребовал Ригби, просительно сжимая руки Клары.

— Нет! — непререкаемо запротестовала та и попыталась отстраниться. — Мы терпеливождемся Эйнара, ты выстрелишь, а я позабочусь обо всем остальном. Не забывай, любое мое серьезное вмешательство — это беспощадный клин, вбиваемый в чье-то незащищенное сознание. Полностью вытянуть его обратно уже не выйдет. Ты же знаешь, как это работает, так что даже не проси меня о таком! Последствия зачастую оказываются куда серьезнее, чем первоначальная проблема... — попыталась Клара воззвать к чувству самосохранения Ригби, но тот не желал сдаваться без боя.

— Знаю, мы хотели добиться лишь небольшого волнения на улицах города, а в результате имеем полномасштабный бунт. Это прискорбно, не спорю. Но у нас не осталось времени дожидаться Эйнара! Скорее всего, он не сможет прорваться через заслоны на подступах к площади. Сама посуди, прядильщики прогнали процессию, как стадо овец, оставив у храма лишь необходимый минимум. Будь Эйнар среди участников шествия, белоглазые точно подняли бы шум и стали гоняться за ним по всей площади.

Безрадостное предположение произвело впечатление. Плечи хрустальщицы поникли. Верно истолковав потухший взгляд Клары, Ригби поспешил зайти с другой стороны. Он вымученно улыбнулся и уже куда бодрее добавил: — Так что нам придется всего лишь еще немного подкорректировать первоначальный план и позаботиться обо всем самостоятельно.

— У нас не только времени не осталось, но и вариантов, — с полной уверенностью отозвалась Клара, высвобождая руки. — Ты бы мог пробраться на крышу храма, но я не выстрелю из лука. Я могла бы пройти по подземелью от архивов, но стоит ступить на первую ступень храмовой лестницы, как прядильщики тотчас узнают о моем приближении. Живое дерево почувствует враждебную магию и донесет Верховной. Чудо уже то, что нас здесь до сих пор никто не обнаружил!

— Найдем другого третьего, — раздраженно выпалил Ригби, перебирая перстни, нанизанные на длинную золотую цепочку. Будь с ним слеза морина — волноваться было бы не о чем, но он отдал перстень с противоядием еще в Боривале и благополучно забыл об этом. Оставшиеся варианты мало на что годились. Не менее бесполезными представлялись попытки вынудить Клару влезть к нему в голову. Это Ригби уяснил, перехватив ее виноватый взгляд, направленный в сторону перегороженных улиц. Все было понятно без слов. Вместо опасной, действенной помощи пришлось принять слабенькое, короткодействующее средство.

Со скрипом закрутив крышку опустевшего перстня, Ригби спрятал цепочку за ворот

рубашки и поспешил объяснить свой замысел.

— Я отвяжу все полотна, ты отвлечешь Верховную, а Злой ветер...

— Совсем из ума выжил? — поражено воскликнула Клара. От ее недавней неуверенности и грусти не осталось даже следа. — Добровольно отдать Злому ветру такую силу? И чем же мы тогда будем отличаться от прядильщиков, бросивших Вельду врагу на растерзание? — сложив руки на груди, высокомерно поинтересовалась Клара, в упор глядя на Ригби.

— Тем, что останемся живы! — веско заявил тот, с трудом перенося ее разочарованный, осуждающий взгляд.

Не дождавсь новых возражений, Ригби развернулся к хрустальнице спиной и направился в сторону ограды, отделявшей кладбище от храмовой площади.

— Не вынуждай меня причинять тебе вред, — обманчиво мягко предупредила Клара, не сходя с места. В ее тихом голосе отчетливо проскользнули те самые, особые нотки, заслышав которые, стоило немедленно заткнуть уши и попытаться убраться как можно дальше. Колдовство, играющее на чувствах и эмоциях, заставляющее поверить в то, чего нет и никогда не было. Клара не жаловала оружие, да оно было ей и ни к чему. Ее голос мог нанести куда больший вред, чем любой, остро заточенный клинок или самый смертоносный яд.

Проигнорировать предупреждение Ригби не решился. Вместо этого он медленно обернулся, сунул руки в карманы и спокойно зашагал обратно. Клара и не думала шутить. Ригби понимал, стоит ему сделать хоть одно лишнее движение по направлению к храмовой площади, и она непременно пустит в ход чары.

Осознав, какой глупостью было раскрывать перед ней карты, раздосадованный шутанец улыбнулся и попытался изобразить полное смирение. Талантливая игра вновь осталась без аплодисментов. Завидев до боли знакомое притворство, Клара лишь плотнее сжала губы, готовясь к долгой и очень неприятной беседе.

— Почему бы не оставить заботу о благородстве Тере и Эйнару? Ты ведь сама сказала, что у нее, как у зеркальницы, это в крови, а за лиса я сам готов поручиться. Эйнар не раз доказывал свою состоятельность в подобных вопросах, — подойдя вплотную, стал искушать Ригби. — Мы же — совсем другое дело, к чему притворяться?

— Жертвовать целым королевством ради собственного спасения — такого не будет! — непреклонно отчеканила Клара.

— Что ж, очень жаль! Твоя помощь могла бы облегчить задачу, но ничего не поделаешь. Иногда приходится расставаться даже с самыми блестящими идеями, — покорно отступился Ригби, осторожно перебрасывая блестящий каштановый локон хрустальнице за спину. Незаметное движение отозвалось едва заметным уколом.

Клара слишком поздно поняла, что происходит, попыталась дернуться, но не смогла. Тонкая золотая игла надежно засела под ее правой ключицей. Убедившись, что опасная соперница не может двинуться или заговорить, Ригби тут же избавился от овечьей шкуры. Отступив на шаг, он заглянул Кларе в глаза. Такого яростного взгляда он еще ни от кого не получал, сколько бы подлых дел не проворачивал.

— Я не верю в глупые сказки о душе Ловца, летающей по миру в обличье Злого ветра, зато прекрасно знаю на что способны старинные клятвы и не собираюсь разменивать какое-то вшивое королевство на жизни тех немногих, кого считаю своей семьей, — без тени сомнения пояснил свою позицию Ригби.

Не став тратить времени понапрасну, он отошел к брошенным под деревом вещам и стал копаться в небольшой холщовой котомке.

— Ты сможешь двигаться через минуту после того, как я вытащу иглу, говорить — только через час. Знаю, поступать так — не слишком честно, но ты сама не оставила мне выбора! Самопожертвование — весьма сомнительный способ решать проблемы и раз уж ты на нем так настаиваешь, придется мне самому обо всем позаботиться, — устало проговорил Ригби, доставая со дна котомки туго свернутый плащ.

Накинув капюшон, он осторожно выдернул ядовитую иглу, крепко обнял Клару на прощание и быстро ушел, ни разу не обернувшись.

Ощущать ненавидящий взгляд, вонзавшийся копьем между лопаток, было так же неприятно, как и осознавать всю неминуемость крушения былых дружеских чувств. За прошедшие недели Ригби добился немалых успехов. Эйнар и Клара вновь приняли его, как родного. Тера начала потихоньку оттаивать. Казалось, что все вот-вот вернется и станет таким, как раньше, но ничего не возвращалось, лишь запутывалось еще сильнее, окончательно лишая надежды на лучшее.

Приветом из прошлого служило смутное чувство конца, такое же горькое, как и четыре года назад. Тогда, на пути в Шутту, Ригби только предполагал, что уже никогда не сможет вернуться, теперь же — знал наверняка. Предательство во благо, оставалось все тем же предательством, сколько доводов в его пользу не приводи...

— Хватит жалеть себя, — прорычал шуттанец, натягивая черные кожаные перчатки. — Можно подумать, что встреча с грифалетским предсказателем могла закончиться чем-то другим, исходя из того, что ты прибыл с целью уничтожить его маленькое, дрянное королевство, — резво перебираясь через ограду, настраивался на боевой лад Ригби, безжалостно давя в себе чувство детской обиды на несправедливость большого, лживого мира. Он столько раз с легкостью рушил чужие жизни и добивался своих целей грязными методами, никогда не задумываясь о том, каково это — остаться один на один с проигрышем, без малейшей надежды на второй шанс.

Неприметный бурый плащ вкупе с уверенной походкой послужил отличным прикрытием. Стражники и храмовники проносились мимо, принимая Ригби то ли за отбившегося от шествия гостя, то ли за слугу чужестранного вельможи, отосланного с поручением выяснить что происходит. Никто не пытался останавливать его или расспрашивать. Храмовая площадь оказалась тем загадочным местом под лампой, где темноте жилось спокойнее всего.

Вскоре пустынная библиотечная аллея осталась позади. Парадные двери архива приветливо распахнулись, стоило Ригби легко нажать на скрипучую латунную ручку в форме изогнутой свечи. Просторный холл встретил пыльным полумраком и вечным запахом старой бумаги. Смотрителя нигде не было видно. Первоначальное предположение подтвердилось. Путь через большой кордский архив и правда оказался самым легким и безопасным, жаль Эйнар не сумел пройти по нему вовремя.

Спускаясь по широкой лестнице на нижний ярус, Ригби не смотрел по сторонам, а все продолжал предаваться своим невеселым мыслям. Что ему стоило перерезать, удерживающий полотно канат и незаметно покинуть крышу, оставив все на волю Злого ветра? Предельно простая задача, не требующая особых усилий. С таким делом мог справиться кто угодно. А с тем, что произойдет позже? В последнем Ригби сильно сомневался. Несмотря на всю браваду, он прекрасно осознавал — шанс оказаться глупцом,

сумевшим оживить давний ночной кошмар Дэйлиналя, был не так уж и призрачен. И что еще хуже — случись такое несчастье, спрятаться за глупостью и незнанием у него не выйдет.

Ригби так задумался, что едва не полетел головой вперед, споткнувшись обо что-то мягкое. Неожиданная встряска пошла ему на пользу и вмиг избавила ото всех переживаний. Близость опасности оказывала на господина посла прямо-таки магическое воздействие — он, как самая настоящая кобра, раздувал капюшон и исхитрялся прикончить любого, кто оказывался в пределах досягаемости. Какая еще совесть и милосердие, когда неподалеку маячила угроза для жизни? Так он рассуждал и неизменно выходил сухим из любого болота, каким бы глубоким и непроходимым то не оказывалось.

Отскочив в сторону, Ригби инстинктивно прижался спиной к стене, выхватил из ножен кинжалы и стал оглядываться по сторонам, выискивая смертника, посмеявшегося попытаться сбросить его с лестницы. Неровный огонь факелов давал достаточно света, позволяя оценить обстановку и заметить любого, кто мог притаиться в тени прямого широкого коридора. Малейшее шевеление, отблеск или шорох — сгодились бы что угодно, но ничего не было, лестница оставалась в его полном и безраздельном распоряжении.

— А это еще что такое? — заинтересовался Ригби, присаживаясь на корточки перед кучей тряпья, сваленной у стены. Он ловко подцепил край ткани кончиком кинжала и тут же удивленно присвистнул.

— Да им следовало ввести налог на жестокость, — пораженно воскликнул шуттанец, приглядевшись повнимательнее к тому, на что умудрился не обратить внимания с самого начала.

Издорванные когтями деревянные панели, щербатые каменные ступени, разлетевшиеся по полу свитки и даже редкая паутина, свисавшая рваными клочьями с потолка — буквально все, на чем только мог задержаться взгляд, носило на себе следы кровавой расправы.

Выхватив ближайший факел из стенного крепления, Ригби стал кружиться на месте, подмечая все новые детали. То, обо что он так неловко споткнулся, при ближайшем рассмотрении оказалось оторванной рукой. На ее пухлом указательном пальце поблескивал массивный перстень, сумевший поведать о своем покойном владельце куда больше, нежели бесформенная груда тряпья, превратившаяся из мантии смотрителя архива в саван. Кому понадобилось убивать безобидного книжного червя, да еще с такой неслыханной жестокостью?

Всего на секунду Ригби задумался об Эйнаре и попытался представить того в роли безжалостного хищника, способного растерзать врага в приступе ярости. Воображаемый белоснежный зверь увеличился втрое, грозно ощерился, сверкнул разноцветными глазами, хищно припал к земле и в самый решающий момент, вместо того чтобы напасть и как следует кого-нибудь загрызть, лишь презрительно хмыкнул, совсем как настоящий Эйнар.

— Нет, определенно не он, — покачал головой Ригби, спеша как можно быстрее убраться подальше.

С какой бы целью этот, слетевший с катушек двуликий, ни пробрался в архив, им было явно не по пути. На руках у времени был ядовитый козырь, и оно собиралось пустить его вход сразу, как представится подходящая возможность. Ригби не забывал об этом, как и о том, что не в его интересах вступать в новую смертельную схватку, пока к нему не вернется уверенность в собственных силах.

Бесшумно спускаясь по лестнице, он с легкостью отбросил все посторонние мысли и принялся с особой тщательностью всматривался во все, что могло послужить местом для

засады. Предоставлять опасному противнику преимущество внезапности, он не собирался.

Глава 12.1 По ту сторону боли

Горячие слезы стекали по безобразной, вытянутой морде зверя, капля за каплей опускаясь на нежные лепестки горных каренцилий. Плотный цветочный ковер раскинулся у подножия широкой деревянной лестницы, насчитывающей всего четыре полукруглые ступени. Три нижние заняли храмовые пузатые свечи, последнюю — охалка свежих полевых цветов. Сразу за ними возвышалась старинная картина, обрамлённая изящной серебряной рамой, почерневшей от времени и пыли.

Стараниями неизвестного художника живые цветы казались посланниками легкого ветерка, занесенными в подземное хранилище с полотна в причудливой раме. Мастерски проработанные бутоны горного луга, смотрелись совсем как настоящие, а сама картина представлялась окном в иной мир, куда более светлый и солнечный. Но не это маленькое чудо приковало благоговейный взгляд зверя, не из-за цветов он ронял крупные кровавые слезы. В этот самый миг на всем полотне зверь видел лишь одну единственную тоненькую беловолосую фигурку и ничего больше. Спустя столько лет он наконец отыскал ее. Вот она, всего в паре шагов — его вечно юная, улыбчивая хозяйка, стоит перед ним, как прежде, и ждет, пока он подойдет и ткнется носом в протянутую ладонь. Она не забыла, пришла за ним... И больше никто и никогда не посмеет разлучить их!

Простое холщовое платье характерного бордового цвета, подпоясанное грубой бечевкой, болезненная худоба бледных, протянутых навстречу рук и в довершение — пугающая белесость слепых глаз. Ничто из этого не могло заставить принять изображенную на портрете девушку, за одну из тех жестоких, озлобленных мастериц, которые с такой легкостью рушили чужие жизни одним лишь прикосновением к незащитным нитям. Светло улыбающаяся с картины прядильщица, хрупкая и такая добрая, виделась совсем иной, не похожей на своих ныне живущих сестер по дару.

Не своя с нее замороженного, преданного взгляда, зверь нерешительно двинулся вперед. Мощные лапы неслышно погружались в праздничный цветочный ковер, переставая пугать длинными когтями, а через секунду вновь показывались на поверхности, будто стремясь напомнить о силе и безжалостности своего хозяина. Достигнув первой ступени, зверь остановился. Кривые бархатные ноздри затрепетали в надежде уловить родной запах. Ничего не вышло... Зверь забеспокоился, шумно втянул воздух, раз, другой, третий, но так и не смог почувствовать запаха хозяйки. Пыльное подземное хранилище пропиталось удушливыми благовониями и неразлучными запахами старой бумаги и мореного дуба, пущенного умелыми столярами на изготовление особо прочных внутрстенных стеллажей. Единственной приятной ноткой, разгонявшей затхлость огромного зала, был знакомый нежный аромат каренцилий. Но его одного оказалось слишком мало, чтобы утешить зверя, наконец осознавшего, что перед ним лишь ловкий обман двуногих, а не его любимая хозяйка.

Короткие, рваные уши поникли. Стебли и корни, пробивавшиеся из крепких позвонков наружу сквозь толстую шкуру, потускнели и повисли безжизненными плетями. Разочарованный зверь неосознанно выпустил когти, до предела впиваясь в гладкие доски пола. Алые слезы хлынули из-под сомкнутых век с утроенной силой. Зверь невесело опустил косматую голову, медленно распахнул глаза и двинулся вверх по ступеням. Его неспешные, осторожные шаги не потревожили ни единой свечи. Подойдя к картине вплотную, он тесно прижался к ногам нарисованной прядильщицы. Зверь все еще надеялся ощутить ее тепло. Он

потерся боком о полотно, но так ничего и не почувствовал. В ответ на его нежность старинная картина щедро поделилась кусочками облупившейся масляной краски. Разноцветные фигурные чешуйки приставали к жесткой шерсти, слипшейся от крови, его собственной и чужой.

На полотне появились красные разводы, перепачкавшие маленькие ладони прядильщицы. С их появлением ее протянутые руки перестали казаться теплыми и ласковыми. Напротив, в их угловатых изгибах и резких линиях почудилась расчетливая жестокость и неуловимая кровожадность. Всему виной стали ленивые вязкие капли, стекавшие по тонким, искусно изображенным пальцам прядильщицы. Темные пятна погубили безмятежную гармонию чудесного полотна. На смену явилась навязчивая тревожность и сопутствующее ей дурное предчувствие. От картины захотелось отвернуться...

Не замечая перемен, зверь порывисто прильнул к подолу хозяйки в последний раз, нехотя отстранился и одним гибким прыжком преодолел все четыре ступени. Горные каренции, посулившие скорую встречу с хозяйкой, оказались подлыми обманщиками. За это зверь зло разметал их длинным шипастым хвостом. После чего плавно обернулся к картине, сверкнул красными, засветившимися в темноте глазами, резко вздернул голову к потолку и завыл. Так протяжно и отчаянно, что даже древнее эхо не посмело смеяться над его болью, унося печаль ввысь, под закопченный сотнями ламп потолок в первозданном виде.

Если бы не этот дикий, душераздирающий рев, так неожиданно прорезавший тишину подземелья, Ригби с высокой вероятностью мог повторить участь растерзанного зрителя. Затуманенное ядом сознание, не сумело вовремя предупредить об опасности и он едва не потревожил горюющего монстра. От роковой ошибки спешащего шуттанца отделял лишь хлипкий невысокий стеллаж, заполненный магическими трактатами о нитях и судьбах, а также смутное подозрение в обоснованности, ранее выдвинутого предположения.

Ни один двуликий, даже самый безумный и крупный, не мог издать настолько громкий, страшный звук... Услышав вой повторно, Ригби рывком опустился на пол, замер, стараясь уgomонить грохочущее сердце и одновременно постарался разведать обстановку. На его удачу под днищем орехового стеллажа обнаружилась приличная щель, сквозь которую удалось разглядеть мечущийся по полу хвост. Острый шип оставлял царапины на каменных напольных указателях и с легкостью пропарывал толстые доски, погружаясь в них, как в масло. Ригби сглотнул, приник к полу еще плотнее, но так и не смог разглядеть обладателя опасного хвоста, только сваленные неподалеку ветки и коренья. Невидимое существо оставалось на месте и не предпринимало никаких активных действий. Этим Ригби и решил воспользоваться, а также тем, что громкий вой прекрасно маскировал любой, даже самый неосторожный шорох, которым он мог бы выдать себя, сохранись в гулком помещении прежняя тишина.

«Учитесь ползать по-пластунски, господа трусы, однажды это обязательно спасет ваши ценные дипломатические жизни!» Так, кажется, орал старый отставной генерал, хватив лишнего на позапрошлом королевском большом приеме? И ведь не ошибся! Выходит, зря шуттанский дипломатический корпус ополчился на старика после того, как король проникся идеей и отправил всех своих «болтунов» на принудительные полевые учения наравне с простыми солдатами.

Раньше подобные «упражнения» получались у Ригби не слишком хорошо, барахтаться

на земле в пыли — это было уж слишком, зато сейчас, подстегнутый опасностью, он полз так, что любой бывалый солдат присвистнул бы от зависти, доведись ему увидеть, как господин посол проворно пятится, соблюдая все предписания идеальной «ползучей» тактики отхода.

Неподалеку обнаружилось солидное кожаное кресло, удачно задвинутое в надежный угол, образованный двумя крепкими на вид картотеками. За него-то Ригби и успел юркнуть в тот самый момент, когда хрупкому затишью наступил быстрый и весьма болезненный для хранилища конец.

До этого, спокойно сидевший зверь, так обозлился на какие-то свои звериные мысли, что не нашел ничего лучшего, как разнести ко всем ловцам, ни в чем неповинный подземный зал. Гибкие стебли с размаху проламывали, заставленные редкими книгами полки, неумолимо расправлялись со свитками и рушили все, до чего могли дотянуться. При этом сам зверь не двигался с места, продолжая выть на одной единственной, протяжной ноте. Вся его натянутая фигура, от пушистых кисточек на прижатых к голове ушах до кончика шипастого хвоста, источала такую скорбь и боль, какую не смог бы вынести ни один двуногий, окажись он хоть на миг на месте обездоленного, покинутого чудовища.

Обломки полок, столов и стульев разлетались во все стороны, с грохотом ударяясь о стеллажи и толстые железные цепи, удерживающие круглые масляные лампы. Большая часть старинных светильников, оказавшихся в поле действия живых плетей, обращалась в холодный дождь из жалящих осколков и масляных брызг, чтобы со звоном и плеском обрушиться на бедное, не сумевшее уберечь их покой, хранилище.

Ригби было дернулся в сторону выхода, запоздало сообразив, как опасно оставаться в непосредственной близости от источника столь неконтролируемой ярости, но тут же передумал. Поиски еще одной двери, выходящей на тайную лестницу, грозили затянуться, а времени и так почти не осталось. Ритуал Верховной мог завершиться в любую минуту, да и оставлять за спиной «нечто», способное на такие вспышки, явно не следовало...

Опасливо высунувшись из-за кресла, Ригби лихорадочно закрутил головой, готовый в любую секунду скрыться за широкой кожаной спинкой и ускользнуть в узкий зазор между тяжелыми тумбами. Увиденное справа, слева и впереди не порадовало. К счастью, случайный, бегло брошенный взгляд вверх, принес долгожданное облегчение. Изворотливый ум молниеносно подбросил неплохую, хоть и довольно рискованную идею, вызвавшую на лице Ригби злорадную кривую ухмылку.

Прикинув все «за» и «против», шутанец решительно выставил ногу из-за кресла, нашарил обломок стула и очень вовремя подтянул конечность с добычей обратно. Как раз на то самое место, где еще секунду назад лежала резная деревяшка, рухнул увесистый обломок мраморного бюста.

Даже без оттопыренного левого уха и половины крючковатого носа, Ригби с легкостью узнал профиль выдающегося ученого мужа. Имя старинного философа выветрилось из его головы, как и большинство мудрых высказываний. Но это еще не означало, что он хочет получить все эти безусловно полезные знания обратно, да еще вместе с неподъемной мраморной глыбой в придачу.

Мимолетная мысль о собственной, едва не раздробленной лодыжке, покорила Ригби. Неуважение к мыслителям древности — это еще пол беды, но ведь на месте ноги, не прояви он привычной осмотрительности, могла оказаться его светлая голова! Этого гнусного покушения невоспитанному зверю Ригби простить не мог.

Прежде чем спрятаться за креслом, он бросил острый, неприязненный взгляд в сторону покосившегося, чудом устоявшего орехового стеллажа. Разгром все набирал обороты, а зверь так и не показывался.

Скрывшись за креслом, Ригби деловито взвесил занозистый обломок в руке, удовлетворенно кивнул, медленно выдохнул и приготовился предпринять новую вылазку. Встав во весь рост, он размахнулся и со всей силы метнул искорёженную ножку стула в стекло, защищавшее особо ценные свитки от неминуемого воздействия времени. Как и ожидалось, дверца подвесного магического шкафа не выдержала меткого попадания. Вслед за раздавшимся жалобным звоном на пол посыпались мелкие блестящие осколки черного цвета.

Ригби выскочил из-за кресла, метнулся к ходящему ходуном стеллажу, с разбега оттолкнулся ногой от вывороченной дверцы, как от трамплина, что есть силы подпрыгнул и едва не пролетел мимо. Уцепиться за нижнюю полку подвесного шкафа удалось лишь на излете, да и то с большим трудом. Онемевшие под воздействием яда пальцы, отказывались подчиняться.

Не желая становиться легкой мишенью, Ригби замолотил по воздуху ногами, силясь как можно быстрее подтянуться на ослабевших руках. Предприняв новый, неосторожный рывок, он тут же пожалел о своей беспечной невнимательности. Правую ладонь окутало такой невыносимой болью, от которой захотелось взвыть не хуже, притаившейся неподалеку твари. Однако черный осколок сильно заблуждался, если думал, будто смог навредить врагу. Напротив, ему удалось то, на что Ригби сегодня уже и не надеялся. Вязкая пелена отступила, одурманенное ядом сознание прояснилось, а все, враз обострившееся внимание, сосредоточилось на длинном, остром куске стекла, пропоровшем руку насквозь.

Еще пара импульсивных движений ногами, львиная доля упрямства и вот он уже крепко упирается толстыми подошвами сапог о нижнюю полку магического шкафа, уверенно держится здоровой рукой за боковую стенку и даже не думает смотреть вниз. Досадное падение откладывалось на неопределенный срок, как и неприятная встреча с шумным монстром. Не став останавливаться на достигнутом, Ригби предпочел взобраться повыше. Вскоре предпоследняя полка лишилась остатков уцелевшего стекла. Вслед за ним отправилась и половина бесценных рукописей, занимавших, по мнению Ригби, неоправданно много места. Пыхтя и отдуваясь, он заполз в надежное подвесное укрытие и с наслаждением вытянулся на полке во весь свой невысокий рост.

Раздался металлический скрежет, а за ним и короткий, звонкий хлопок. Подточенное ржавчиной напольное крепление, не выдержало резвого пополнения книжной коллекции. Подвесной шкаф утратил поддержку нижней стабилизирующей цепи и тут же начал раскачиваться из стороны в сторону, подобно пущенному в ход маятнику. Ожил растревоженный подъемный механизм. Верхняя цепь медленно потянула сложную конструкцию к потолку.

Ригби чувствовал, как его спасительная колыбель уносится вверх, но ему было все равно. Головокружительный прыжок отнял последние силы. А еще этот проклятый осколок, застрявший, как на зло, именно в правой руке, нет бы хоть в левой!

Закусив край плаща, Ригби одним резким движением вырвал кусок стекла из пульсирующей боли ладони. После чего кое-как перевязал рану платком, затянув узел зубами. Толку от такой перевязки оказалось немного. Не прошло и минуты, как тонкая ткань начала пропитываться кровью. Но на этом злоключения Ригби и не думали заканчиваться.

Его бывалая выдержка неожиданно дала трещину и едва не заставила добровольно выпрыгнуть из шкафа, совершенно не заботясь о приличной высоте и блуждающем неподалеку звере. Всему виной стало неприятное открытие — под ним явственно копошилось что-то мерзкое, стремительно теплеющее и начинающее источать отвратительный, гнилостный запах, от которого слезились глаза и тянуло закашляться. Впервые за эту ночь Ригби действительно пожалел о своем приезде в Дэйлиналь. Впрочем, момент слабости длился не долго. Обругав себя последними словами за трусость и слабохарактерность, шуттанец собрал волю в кулак и решительно пошарил здоровой рукой сбоку от себя.

Вскоре выяснилось, что прямо под ним с невероятной скоростью истаивали древние рукописи. Лишенные защитной магии страницы, скукоживались прямо на глазах, разлагались и неумолимо обращались в пыль или гадкое месиво, в зависимости от того, что именно послужило материалом для создания книги. Разобравшись в чем дело, Ригби едва не застонал от досады, ведь он был прекрасно осведомлен о свойствах полезных магических шкафов, без которых не обходилась ни одна богатая шуттанская библиотека.

Беспечно оставленные на полках труды, достойно отомстили за своих изгнанных собратьев. Защитная магия черного шкафа испарялась, а с ней и драгоценная бумага, напоминающая теперь рой ненасытных червей, копошащихся в гробу несвежего покойника. В купе с темной тесной деревянной полкой, сходство с могилой становилось совсем уж невыносимым. Ощувив себя заживо похороненным, Ригби понял — короткому отдыху пришел конец. Он не без труда повернулся на бок, стараясь не порезаться об осколки, и осторожно свесился.

Глава 12.2 По ту сторону боли

Наблюдать за действиями неведомой твари из-под потолка было куда удобнее, чем сквозь тонкую щель под шкафом, а главное — в разы безопаснее. Злобное существо постепенно прекращало пускать в ход стебли и корни, чем несказанно порадовало Ригби, озадаченного столь невероятными способностями зверя. Ему совсем не понравилась длина маневренных отростков и тот факт, что они с легкостью удлинялись. Такого необыкновенного создания он никогда не видел даже на картинках, да что там видел, он ни разу о таком и не слышал.

Усомнившись в собственных глазах, Ригби всерьез задумался — может чудовище лишь плод его воображения, подстегнутого ядом? Но нет, помесь волка и кабана, таскающая на спине живой куст, по-прежнему преграждала путь на крышу храма и не желала растворяться, как любая другая, воспитанная галлюцинация. Препятствие было вполне материально и очень опасно, а значит с ним следовало как-то поступить...

Разбираться с таящими серьезную угрозу проблемами, господин посол умел лишь одним способом, достаточно действенным и не особо гуманным. Не раз оправдывавший себя метод, прекрасно сочетался с ранее придуманным планом, исподволь внушая размеренное спокойствие. Покалеченная ладонь сжалась в кулак. На губах Ригби вновь промелькнула жесткая, уверенная улыбка. Чем бы, или кем бы ни было существо, заставившее прятаться в шкафу самого Ригби Бессердечного, оно сполна поплатится и за унижение, и за дыру в руке.

Свесившись еще ниже, Ригби без опаски продолжил внимательное наблюдение. Монстр упорно не замечал слежки, причем, заметь он наблюдателя, мало что изменилось бы. Высота служила отличной защитой.

Орудяя крепкими когтями, зверь остервенело процарапывал глубокие борозды, раз за

разом все сильнее уродуя прочные доски пола. Местом для раскопок он безошибочно избрал площадку перед дверью, ведущей на потайную лестницу. Жуткий вой, поразивший Ригби в самом начале, сменился жалобным скулежом, подходящим маленькой, разобиженной собачонке, в которую недоброжелатель запустил бульжником, но уж никак не этой дикой твари, едва не разнесшей пол хранилища. Крупные щепки разлетались во все стороны, спеша убраться из-под мощных, мускулистых лап. Часть из них заканчивала полет в объятиях пламени, добросовестно продолжавшем подсвечивать одинокую картину, кажущуюся чужой и неуместной в холодных стенах заброшенного подземного хранилища. Беснующийся зверь то и дело прерывался, чтобы взглянуть на изображенную на картине прядильщицу, после чего возобновлял работу с утроенным рвением.

Для Ригби происходящее внизу оставалось загадкой. Да он и не стремился разгадать ее. Куда больше его занимал другой вопрос — не соизволит ли невиданный зверь убраться куда подальше. А уж если ему так хочется остаться, то не мог бы он, к примеру, передвинуться на другую сторону зала или, на худой конец, отправиться на поиски нового съедобного храмовника? Ригби старательно отгонял мысль о том, что он сам чуть не стал закуской. Зверь же в свою очередь и не думал сдавать позиции.

— Неужели во всем подземелье не нашлось другого подходящего места, чтобы зарыть косточку? — в сердцах прошипел Ригби и тут же добавил: — Ладно, волшебное чучело, не хочешь по-хорошему, будет по-моему!

Первым делом Ригби протиснулся обратно на полку, вытянул из-за ворота цепочку с перстнями, отыскал нужный и без колебаний отвинтил крышку. Прибегать к помощи этого зелья было такой же плохой затеей, как и просить помощи у Клары. Всего пара сладковатых оранжевых капель могла вытянуть из организма принявшего те силы, о которых тот и не подозревал, но вот плата за такую помощь нередко оказывалась смертельно высокой и далеко не всем удавалось расплатиться, стоя по эту сторону грани. Ригби прекрасно осознавал риск и был готов к тому, что зелье обязательно подведет. Уже сейчас он зашел дальше, чем собирался, а потому не мог отступить и уйти, не попытавшись завершить начатое. Простой расклад — его жизнь против их жизней... Все или ничего.

Ригби не стал просить помощи у богов Шутты, святых и покровителей Дэйлиналя или еще у кого-нибудь, их сомнительная милость была ему ни к чему, не станут мешать — и на том спасибо. Вместо этого он крепко зажмурился, молча досчитал до четырех, представляя лица тех, кем дорожил, резко опрокинул содержимое перстня в рот и стал ожидать действие зелья.

Спустя минуту волна легкости и небывалой силы подхватила его на свой высокий, пенный гребень и понесла прочь от опостылевшего шкафа, в котором все продолжали копошиться безвозвратно потерянные труды, ценимые прядильщиками на вес золота. Он ловко, как резвая заморская обезьянка, вскарабкался на крышу шкафа, уцепился здоровой рукой за цепь и принялся раскачиваться. Когда шкаф достиг максимальной точки, Ригби оттолкнулся и полетел вперед. Снизу раздался первый угрожающий рык и в тот же миг, в сторону Ригби устремилась добрая дюжина гибких длинных стеблей, однако ни один так и не сумел достичь цели.

Преодолев свой рискованный воздушный путь, ловкий шуттанец намертво вцепился всеми конечностями в толстую, проржавевшую цепь, удерживающую под потолком немалый вес величественной масляной люстры. Вздумай он разжечь огонь в этакой громадине, полученного света хватило бы на все подземелье, но это не входило в планы Ригби. Он

дождался пока цепь перестанет ходить ходуном, жалобно скрипеть и позвякивать, связанными в единую гроздь стеклянными сосудами, после чего сорвал первый, наполненный маслом шар и метнул в сторону чудовища. Монстр увернулся от снаряда и зло уставился на застывшего под потолком врага. В ответ на ненавидящий взгляд, Ригби лишь улыбнулся и продолжил обстреливать зверя. Но тот оказался слишком вертким и быстрым, его, вставшей дыбом шерсти, достигали разве что редкие осколки и масляные брызги. Ригби трудился без устали, швыряя шар за шаром. Казалось, что неудачи нисколько не задевают его.

Смена, проигрышной на вид тактики, произошла лишь когда в запасе осталось всего два шара — обычный боковой и самый крупный центральный. Первый шар Ригби метнул прямым в изображенную на картине прядильщицу, чем моментально привел зверя в такую ярость, какой многострадальное хранилище еще не видело. Взбешенный столь кощунственным выпадом врага, зверь позабыл обо всем. Он метнулся к лестнице, загородил собой картину и выпустил в сторону обидчика все свои смертоносные стебли и корни разом, сопровождая атаку неистовым ревом, на что Ригби лишь презрительно рассмеялся, нарочно распаляя ненависть осторожного хищника.

Последовала короткая пауза, в продолжение которой шуттанец успел зацепиться ногами за конец цепи, повиснуть головой вниз и начать раскачиваться, держась за последний, перекатывающийся масляными волнами стеклянный шар. Зверь следил за ним, как замороженный, не смея двинуться с места, а Ригби все продолжал раскачиваться, то подаваясь в сторону зверя, то вновь отдаляясь.

Сколько так продолжалось? Час, день, а может лишь пару минут? Казалось, будто само время обратилось в тягучую сахарную струну, соединив, застывшего внизу зверя, озадаченного двуногим безумцем, и человека, прекрасно знавшего, что произойдет в нужную секунду.

Вверх, вниз, вверх, вниз, вверх и бросок... Последняя стеклянная лампа отличалась толщиной стенок и размерами, именно для нее Ригби приберегал единственную, завалившуюся в кармане спичку. В последний момент он чиркнул ею об опустевший коробок, пропустил удар сердца в момент ленивого возгорания и уже на лету бросил спичку в отверстие, выпущенной из рук стеклянной посланницы, призванной передать его пламенный привет.

Инстинкты зверя не позволили тому задержаться на пути несущегося навстречу огненного шара. Он ловко вильнул, пропуская снаряд, крутнулся на месте и запоздало понял — нет, не замысел хитрого двуного, а нечто большее. Зверь словно увидел себя со стороны и попытался избежать, уготованной ему незавидной участи, однако не успел. Огненный шар с размаху врезался во вторую ступень, разлетевшись огненными брызгами и сотнями острых, безжалостных осколков.

Замысел Ригби воплотился в жизнь. Обрызганное маслом чудовище вспыхнуло, как факел, послышался новый, еще более мучительный, исполненный боли и ярости вой. Шуттанец не отвернулся и не испытал угрызений совести. Не ощутил он и радостного ликования при виде извивающегося на полу врага, тщетно силящегося сбить, пожиривший могучее тело огонь. Для господина посла любая жестокая расправа была лишь вынужденной необходимостью. Он не был безумцем и никогда не отбирал чужие жизни ради забавы. Производимое насилие не находило отклика в его сердце, от того-то, быть может, его и прозвали Бессердечным, кто знает.

Ригби терпеливо ждал, пока опасный противник испустит дух и наконец освободит ему путь, но этого все не происходило... Зверь катался по полу, натыкался на сломанную мебель, выл, рычал и производил то, о чем Ригби не удосужился подумать заранее.

— Этого еще не хватало! — простонал шуттанец, обреченно наблюдая за тем, как живая огненная масса разносит языки пламени по всему подземному хранилищу, заваленному самым лучшим и податливым сырьем для пожаров — сухой, пропитанной маслом бумагой. — Проклятье! И как я мог додуматься до такого идиотизма?!

Сыпля ругательствами на всех доступных ему языках, Ригби вновь принялся раскачивать цепь, мечтая успеть убраться из-под потолка до того, как разгорающийся пожар придушит его дымом или превратит в сочный, посольский шашлык. В пределах досягаемости был лишь один достаточно высокий стеллаж и к нему, как на зло, уже начал подбираться ненасытный огонь, а вместе с ним и, все не желающая испускать дух, тварь. После нескольких беспокойных взглядов на жуткое существо, Ригби посетила новая, на редкость разумная, запоздалая догадка. Получалось, что он пытался разделаться с явно магическим кордским существом с помощью огня, не потрудившись вспомнить о том, кем являлась покровительница города...

— Прошу тебя, только не окажись тем, о чем я сейчас подумал, только не это, — взмолился Ригби, выпуская из рук цепь. Очередной полет прошел далеко не так гладко. Он, как и прежде, с легкостью преодолел расстояние, приземлился на крышу стеллажа и даже сумел затормозить, но на дальнейшее благополучие его удачи уже не хватило. От удара, высокий стеллаж пошатнулся и стал стремительно заваливаться, увлекая за собой Ригби. Затрещали, охваченные огнем подпорки, хрустнула и разорвалась страховочная цепь. Заваленный горящими свитками и разлетевшимися страницами пол, дождался своей добычи. За миг до столкновения, Ригби успел сгруппироваться, принимая удар в виде упругого мяча, пробившего стену огня, ограничившись лишь подпалинами на плаще.

Благодаря зелью Ригби не чувствовал боли или усталости, но на сколько еще его могло хватить с таким бешеным темпом? Об этом он старался не думать. Поспешно избавившись от загоревшегося плаща, Ригби уткнулся носом в сгиб локтя и со всех ног бросился к ступеням лестницы.

У картины его ждало новое разочарование, подтверждавшее, что именно Эйнар должен был отправиться в это подземелье, а не он. Кордский запирающий механизм отличался от того, с чем привык иметь дело Ригби. Лихорадочные ощупывания и резкие нажатия не давали результата. Запоры не желали пропускать его к двери, скрывавшейся за картиной.

Огонь медленно пожирал полотно, поднимаясь все выше и выше, перекидываясь с подола бордового платья на протянутые руки прядильщицы, подбираясь все ближе к высокой груди и спокойному лицу. Ее пристальный, ничего не выражающий, белоглазый взгляд, здорово отвлекал шуттанца, не давая собраться с мыслями и отыскать наконец нужные точки для нажатия. За спиной стихал вой монстра. Ригби не оборачивался, зная, что все равно не увидит ничего хорошего. Разогретое серебро прожигало перчатки, оставляя ожоги на пальцах. Сейчас он не чувствовал боли, но совсем скоро она обязательно настигнет его, как и собирающаяся с силами, бессмертная тварь, которую он имел неосторожность обозлить. Не удержавшись, Ригби бросил вороватый взгляд за спину. Монстр медленно и неумолимо поднимался на лапы, обугленные стебли и корни ползли по полу в сторону обидчика, напоминая смертельно опасных, растревоженных змей.

— Вельдский Стеклодув, валарданский Хозяин Ветров, боривальский Хозяин Лесов, да

хоть сам Ловец живых чудес...

То ли удача наконец сменила гнев на милость и соизволила возвратиться на сторону рискованного шуттанца, то ли помянутый в отчаянной мольбе злодей, восхитился оказанным ему доверием и решил помочь. Причина была не важна, главное, что дверь наконец поддалась и отъехала в сторону.

Не сдерживая облегченного вздоха, Ригби ввалился в темный зев прохода и тут же принялся шустро перебирать руками и ногами. С каждой новой ступенью он уносился все дальше от огненного кошмара, преследуемый невыносимым жаром, оставленного за спиной пожара и неистовым ревом монстра, осознавшего, что наглая добыча умудрилась ускользнуть безнаказанной. Не веря собственному счастью, Ригби был готов возблагодарить любого бога или кого угодно еще за свое неожиданное спасение. Он не сторел заживо, не разбился и даже не попался страшной твари...

На последней радостной ноте дальнейшее передвижение вверх оказалось грубо приостановлено резким рывком вниз. Левая нога отказывалась подчиняться, с каждой секундой наливаясь все большей тяжестью, грозя утянуть Ригби обратно, туда, где его поджидала одна лишь смерть и темнота.

Упрямо не желая сдаваться, Ригби, что было сил, вцепился в тонкие перекладины лестницы, наклонил голову и посмотрел вниз. Стоило ему это сделать, как преждевременная радость сменилась разочарованием ужаса. Обугленный зверь, выделявшийся одними лишь горящими точками, немигающих глаз, сумел-таки протиснуться в узкий проход и дотянуться до него одним из своих цепких корней.

— Нет уж, тварь, за грань как-нибудь без меня, — зло прорычал шуттанец, не разрывая напряженного зрительного контакта. Из этой битвы взглядов Ригби намеревался выйти только победителем и никак иначе. Так и вышло. Зверь упустил ядовитую зелень глаз соперника, отвлекшись на новый, неожиданный приступ боли. Это шуттанец исхитрился полоснуть кинжалом по сапогу и обвивавшему его стеблю, успешно вырываясь из цепкого захвата.

Но не успел Ригби преодолеть и нескольких ступеней, как былая тяжесть вновь преградила путь, проявив на этот раз еще большую настойчивость. Настырный зверь поднялся на задние лапы, поставив передние на перекладины лестницы. Он сумел ухватить, ускользящую жертву, только теперь уже лишь за носок сапога. На большее длины отростка, к счастью, не хватило.

— Да подавись ты, только оставь меня наконец в покое, — гаркнул Ригби, выдергивая окровавленную ногу из разрезанного сапога.

Дальнейший подъем продолжался в абсолютной тишине, нарушаемой лишь мерными ударами одного сапога и тихими вздохами, притаившегося внизу зверя. Никаких новых действий чудовище не предпринимало. Оно молча следило за движениями удалявшегося беглеца, раскрыв пасть и лоя, падавшие сверху капли крови.

Ригби старался не смотреть вниз, но то и дело поддавался, опускал взгляд и неизменно натывался на горящие огоньки, сопровождавшие каждый его шаг. Спокойный изучающий взгляд будто намекал на скорую встречу и месть...

Но вскоре и это прекратилось. На смену огненным точкам явились яркие языки пламени, а зверь исчез, очевидно, решив наконец убраться из эпицентра пожара. На то, что огонь покончит с чудовищем, Ригби уже не надеялся. Кем бы ни было это существо, Хозяйка Свечей явно благоволила ему.

Глава 13.1 Лестница

Короткий судорожный вдох, неловкий взмах рукой, а за ним безвольное погружение, окончившееся тихим одиноким всплеском. Ледяная вода все же дождалась своего часа. Невыносимая тяжесть опустилась на грудь, сдавила виски и потянула вниз, цепко ухватив отчаявшуюся жертву за ноги. Спасительный шанс на еще один глоток воздуха застыл на поверхности, не сумев преодолеть черную рябь моря. Лишь робкие закатные лучи проскальзывали сквозь незримые водяные путы, тревожно отражались в широко распахнутых, угасающих глазах и тут же уносились прочь. Они будто спешили попрощаться, а может попросить прощения, за то, что не смогли помочь или хотя бы задержаться до конца и не бросать наедине с бездушной темнотой ночного пролива. Упрямая надежда нехотя покидала разум, а за ним и глупую, вечно на что-то рассчитывающую душу. Во всем теле оставалось лишь всеми покинутое, усыпляющее безразличие.

Продолжать жалко барахтаться, выталкивать из осипшего горла болезненный крик, которого все равно никто не услышит и до последнего не опускать руки... К чему все это? Совсем скоро над затихшим проливом начнет разгуливать ночной ветер, тот самый, именуемый старыми рыбаками, Злым. Ласковые, убаюканные жарким солнцем волны, очнутся ото сна, обернутся мстительными воительницами и отправятся на охоту, выискивая смельчаков, посмевших задержаться в черных водах дольше дозволенного. Им так редко удается поживиться свежей добычей...

Шуттанцы — мудрый народ, издревле привыкший чтить зароки предков. Они знают смерть в лицо, питают к ее величественной персоне уважение и не испытывают страха при мысли о путешествии за грань... Быть может, именно благодаря этому, они и остаются безучастными ко всем ее посулам и настойчивым уговорам попытать удачу в череде веселых, будоражащих кровь игр.

В мирное время воинственные сыны королевства соблюдали осторожность и не гнушались поделиться дельными советами с теми, кому не посчастливилось родиться с их знаменитым национальным здравомыслием. Наибольшей заботы удостоивались хвастливые заезжие чужаки, напоминавшие шуттанцам сладкоголосых хохлатых попугаев — жутко забавных и совершенно безобидных. Приезжих нередко переполняла опасная убежденность в их собственном бесстрашии и неуязвимости, а потому они, как никто другой, нуждались не только в добром совете, но и в защите от самих себя, которую им с радостью предоставляли.

Обделенными благотворным влиянием предупреждений оказывались лишь те немногие, кому хватало глупости явиться в Шутту со злом. К услугам таких редких гостей открывались все дороги. Им охотно позволяли даже запретные морские прогулки по черным водам пролива. Более того — с ними великодушно отряжали самых «крепких» и «весомых» сопровождающих, способных в полной мере продемонстрировать всю глубину истинно шуттанского гостеприимства.

Одна беда — назад из увлекательных путешествий так никто и не возвращался. Дикая красота местной стихии оказывала неизгладимое впечатление и не желала отпускать ни чужака, ни его свиту. И если о «весомом» сопровождающем так никто и не вспоминал, то расставание с его «крепким» товарищем отзывалось явственным сожалением.

Да и что толку от таких скучных гостей самому морю? Оно, как ребенок, ждало даров, обожало ломать живые игрушки и злилось каждый раз, как ему доставалась очередная мертвая кукла. До такой пустышки ему не было дела, как, впрочем, и до молитв несчастных, призревших более чем недвусмысленное предупреждение об опасности, таящейся в ночных

священных водах пролива.

В темный час, никто из пребывающих в здравом уме и при доброй памяти, не отваживался бросить открытый вызов проливу, если, конечно, не желал мучительной, долгой смерти. Его коварные воды ни за что не отдавали своего и жестоко наказывали любого, кто рисковал нарушить закон. Единственный, кому море еще могло позволить совершить успешный заплыв, должен был предварительно потребовать Суда богов и на глазах сотен свидетелей прыгнуть со скалы Справедливости, поклявшись переплыть ночной пролив до того, как вод коснутся первые лучи восходящего солнца. Сдержав клятву, просящий доказывал свою неоспоримую правоту и больше никто не смел подвергать сомнениям его невиновность.

Вот только на этот раз, ни о каком священном суде речи не шло, лишь о поразительном скудоумии и вопиющей беспечности, так не свойственной коренным жителям королевства. Факелы не горели, не раздавалось ободряющих окриков зрителей, а о помощи не стоило и мечтать, даже от богов... За нахождение в черных водах после заката, без веской на то причины, последние могли лишь покарать. А раз так, то и незачем продлевать агонию, пытаясь пробить брешь в боку непреложной истины, гласящей о невозможности преодолеть черные воды Керри вплавь посреди ночи. Легче поддаться ненавязчивым уговорам переливистого гула и добровольно опуститься на учтиво расстеленное песчаное дно.

К тому же всем известно — утопленники на особом положении, с них и спросу никакого, ведь что толку расспрашивать о злодеяниях того, кто ухитрился набрать в рот воды, только бы не отвечать на неудобные вопросы грозного стража грани. Не такая уж и плохая перспектива!

И все же, все не так просто... Есть нечто важное, маячащее где-то на периферии ускользающего сознания, заставляющее продолжить неравный бой и попытаться одержать победу над непокорной злобствующей стихией. Оно нестерпимо жжется, толкается под веками, всеми силами не позволяя замереть и окончательно сдаться. «Тебе необходим еще один глоток воздуха!» — вот о чем настойчиво шепчет яростный, непримиримый голосок, рождающийся в недрах затуманенной головы.

Но зачем, неужели все дело в недостойном шутганца, пустом страхе смерти, отличающем всех бессловесных тварей и смешных чужаков? От одной мысли об этом становится гадко, ведь должно же быть что-то большее. Не слишком ли проста и безобразна разгадка? Но нет, ему не за что стыдиться... Потому как выжить должен не только он, но еще и вверенная его заботе чужачка — беспечная и не в меру самонадеянная, впрочем, как и все чужаки. Уже не имеет значения, что именно по ее вине они оба очутились у жадной грани, изготовившейся распахнуть свои, крошащие ребра объятия. Куда важнее то, что он дал слово позаботиться о глупой девчонке и слово свое он сдержит!

Невыносимо медленный, тягучий поворот головы дался с трудом. Отросшие смоляные пряди потянулись к глазам, заслоняя и без того скудный обзор. Вслед за ними накатило острое, почти болезненное сожаление — утеранный в волнах шнурок, был совсем новым! Он только вчера купил его у торговца заморскими диковинками, а ведь тот клятвенно заверял, будто дорогостоящая безделушка притягивает удачу... Какая бесстыжая ложь! И почему обычно ко всему подозрительная Тера, захотела поверить в нее?

Она так искренне обрадовалась, разглядев проклятую вещицу на прилавке, что он и не подумал разубеждать ее — молча купил и тут же пожалел о своей сговорчивости. Любой купец позавидовал бы красочности ее заверений в его невероятном везении. Со слов Теры

выходило, что за такое ценное приобретение, без раздумий передралась бы большая половина дэйлинальского народа, а меньшая — еще долго бы кусала локти, поняв, как просчиталась, решив не принимать участие в борьбе за «жизненно важный» трофей.

Она ведь и правда поверила тому паршивому торговцу. А сколько энтузиазма было в огромных, искрящихся восторгом глазах, когда он наконец прекратил скептически хмыкать и добровольно позволил ей поиздеваться над его волосами. Шнурок никак не хотел превращаться в бант, но Тера не желала сдаваться и продолжала дергать его за волосы, попутно приводя все новые веские доводы в пользу «волшебности» обновки. Подумать только, еще вчера отец, Клара и Эйнар смеялись над его многострадальной гримасой, вызванной очередным витком радостного рассказа о том, как они отыскивали шнурок удачи, а уже сегодня тот сгинул в волнах, а вместе с ним, похоже, и они двое...

Именно эта мимолетная мысль о безжалостно обманутом детском доверии пробудила, разрывающую на куски, неистовую злость и целую гамму самых разнообразных эмоций, с легкостью потеснивших и безразличие, и оцепенение.

На принятие трудного, единственно верного решения из числа тех, что становятся поворотными и навсегда отделяют обычных людей от тех немногих, кого называют действительно сильными и стойкими, ушла всего доля секунды. А за тем последовал резкий, стремительный рывок вниз, прямым ходом туда, куда еще недавно так не хотел погружаться. Усталые легкие взорвались болью, моля о прекращении пыток. Трусливый здравый смысл визгливо потребовал, чтобы его сумасшедший хозяин немедленно прекратил погружение и подался вверх, к живительному воздуху, раз уж отыскались запасные силы. Но Ригби не поддавался и все упрямее расталкивал неповоротливую воду, устремляясь вслед за одиноким светлым силуэтом, скрывшимся в тени цепких, густых водорослей.

Все отчетливее пульсировала у виска предательская мысль, что он уже никогда не отыщет свою наивную подругу. Недостойная мысль, как и любая другая, допускающая само существование поражения. И будто в подтверждение верности вывода, озябшие пальцы нашарили худенькое плечо, а за ним и безвольную, холодную кисть, опутанную скользкими бурыми лентами. Тоненькое запястье так и норовило выскользнуть из захвата. Кустистым водорослям явно не хочется расставаться со своей смиренной пленницей. Они бы рады не упустить и ее спасителя, но двоих им не удержать, а один он ни за что не уйдет.

И он, и Тера, они оба выберутся. Однажды он обязательно перестанет потакать ее опасным прихотям, станет таким же осторожным, как зануда Эйнар, или, на худой конец, предусмотрительным, как неунывающая авантюристка госпожа Клара. Но все это позже, а пока следует сосредоточиться лишь на одном — далеко, мерцающем луче, зовущем назад, к бескрайнему звездному небу и дарящему дыхание ветру. Отец выбирался и не из таких передраг, а он — его сын.

Неожиданный прилив сил слился с твердой уверенностью — пока он рядом, со ставшей такой родной чужачкой, не произойдет ничего дурного. Теперь он знал это, как и то, что их обоих обязательно спасут. Нужно лишь продержаться еще немного. Они не одиноки, у них есть те, кому не страшен ни Злой ветер, ни коварное море. Нельзя сдаваться и тогда их обязательно отыщут!

Ригби вздрогнул, распахнул глаза и тут же с силой сжал скользкую перекладину, нарочно беря рана, заставляя острую боль отогнать от него непрошенное видение из далекого прошлого. Он забылся всего на миг и едва не полетел вниз. Краткая передышка могла стоить ему жизни, впрочем, как и тогда... Ригби совершенно не хотелось окунуться в

детали одной из самых страшных ночей в его жизни.

Подумать только, всего каких-то несколько часов, проведенных в темноте и холоде, раз и навсегда перекроили все его мировоззрение, заронив ядовитое зерно сомнения, разросшееся с годами в могучее древо персонального философского зла, одним своим существованием перечеркивающего большинство постулатов Шутты. Тогда Ригби выжил сам и вытянул Тера, но взамен утратил веру в богов, накрепко уверился в единоличной власти над собственной судьбой и в довершение ко всему — окончательно растерял доверчивость.

— И почему именно я вечно должен выживать тебя из-за грани, Тера? — проворчал Ригби, остервенело перебирая руками и ногами.

Действие мощного зелья улетучилось, а бесконечные ступени все не желали заканчиваться. Казалось, будто тайная лестница ведет не на крышу главного храма Корды, а как минимум на гору мудрецов Шутты. Сил больше не было, осталась лишь упрямая механика мышц, побуждаемых к действию нестигаемой волей человека, не привыкшего проигрывать и пасовать перед трудностями.

Где-то наверху ждал толстый канат, а может целая сеть из перепутанных веревок, или один единственный волшебный шнур, удерживающий все шестнадцать полотен разом. Для Ригби не имело значения как именно это будет выглядеть, он жаждал лишь одного — выбраться на крышу и сделать все от него зависящее, чтобы Злой ветер помог не лишиться того единственного, ради чего господин посол еще был способен совершать безумные, несвойственные ему в своем бескорыстии, поступки.

Разогнавшись, Ригби больше не думал об усталости и боли, он скоро преодолевал ступени, не заботясь о том, что далеко не все из них оказывались надежными. Пару раз опора с треском проламывалась, но он лишь крепче хватался, подтягивался и лез дальше. Утратившие чувствительность пальцы, раз за разом с остервенением впивались в перекладыны, словно те были многочисленными шеями его заклятых врагов. Второй сапог полетел вслед за первым, но и это не остановило его. Ригби молча припоминал всех, по чьи души явится, когда наконец покончит со всеми делами в Дэйлиале. Отправляясь в это проклятое королевство, он совершенно не заботился о текущих острых вопросах Шутты, а ведь их было не так уж и мало!

Построение будущих планов — дерзких, рискованных, а под час и откровенно подлых, вселяло абсолютную уверенность в том, что он встретит не только этот рассвет, но и многие другие, последующие за ним. Хищная улыбка не покидала его растрескавшихся, кровоточащих губ, а от неистового взгляда пробрало бы и самых бесстрашных, доведись им заглянуть в этот момент в ярко зеленые, горящие безумным огнем глаза.

Возвращению к действительности поспособствовал резкий, болезненный удар, ознаменовавший неожиданное окончание подъема. Каменный люк поприветствовал бодливого гостя, давая понять, что таким способом мимо него еще никто не проходил и вряд ли когда-нибудь пройдет. Шипя от боли, Ригби зло ухватился за железное кольцо и уже собрался выбраться на крышу, как до его слуха долетел, нарастающий гул голосов. Спорщики приближался к его укрытию и совершенно не таились. Учитывая это, выскакивать перед неожиданными защитниками храмовой крыши, не выяснив предварительно сколько их и кто они такие, явно не следовало.

— Говорю тебе, Гант, здесь кто-то есть! — раздался визгливый, перепуганный голос откуда-то сверху. — Я ощущаю незримое присутствие зла...

— Заткнись, Лерри! Тошно и без твоих вечных рассказней о не упокоенных душах и

страшных тварях, выползающих из-за грани. Посмотри лучше на площадь, не прорвались ли через заслоны бунтовщики? Ох и не нравится мне все это! В прошлом году Верховная завершила ритуал спустя три часа после шествия свечей, а что в этом? Скоро рассвет, центральная свеча, судя по всему, так и не восстановлена, на улицах беспорядки, а еще этот ветер, чтоб ему. На моей памяти ни разу Злой ветер не был таким настойчивым и свирепым. Прорвется и все, конец нам! — припечатал собеседника обладатель грубого голоса, подпорченного шумной, свистящей одышкой.

— Верховной виднее, как защищать Дэйлиналь от Ловца и прочих врагов королевства и сколько времени отводить на ритуал. Да она... — задыхаясь от приступа фанатичной веры, попытался высказаться Лерри, однако вновь был бесцеремонно прерван.

— Старая злобная карга, из-за которой нам с тобой ежегодно приходится мерзнуть на крыше храма в то время, как остальные либо развлекаются, либо заняты делом, как в этом году. Стражники обязаны отбивать Корду у захватчиков, а не просиживать штаны на крыше. Можно подумать здесь есть что красть или от кого сторожить. Смех, да и только! К храму не подступиться, все белоглазые столпились у стен, а с ними и изрядная часть ордена Опаленных. Думаешь, на их фоне от нас с тобой здесь есть хоть малейшая польза?

— Уж не хочешь ли ты умолить важность священного ритуала? — вкрадчиво поинтересовался Лерри, вкладывая в каждое слово все возрастающую порцию явно наигранного ужаса.

— Моя двоюродная сестра — воспитанница видящей Арии, как ты знаешь, — надменно пропыхтел Гант. — Так вот она утверждает, что с ежегодным ритуалом все не так чисто, как принято считать, а еще, что стекольщики пострадали далеко не из-за Ловца живых чудес, а из-за грязных политических игр, — заговорщически понизив голос, поделился стражник.

Повисла долгая пауза. Видимо не один Ригби поразился услышанному, но и некий визгливый Лерри. Выпалить столь явное святотатство, стоя на крыше главного храма Корды — это еще нужно было постараться! Впрочем, Ригби и раньше догадывался, что в народе пользуются популярностью самые разнообразные домыслы и слухи, но уж никак не мог предположить, будто и в самой Корде есть те, кто без зазрения совести могут позволить себе назвать Верховную каргой и так открыто поставить под сомнение старую добрую сказку о благородных стекольщиках, безропотно пожертвовавших жизнями ради спасения целого королевства.

— Ты, верно, последнего ума лишился, друг мой, раз решил произнести такое вслух? — будто читая мысли Ригби, неожиданно свирепо выпалил Лерри, принявшись неистово барабанить по люку. Последнего, приложивший ухо к каменной крышке шуттанец, явно не одобрял. — Хочешь оказаться в застенках и меня заодно с собой прихватить? Да за такие речи тебя любой, даже самый чахлый храмовник обвинит в ереси и без разбирательств отправит на костер!

— Пусть только попробует! Я верен Корде до последнего вздоха. Этот город — мой дом и мне безразлично какими способами прядильщики удерживают власть в Дэйлинале — дураят пустые головы дураков ритуалами, давят налогами или переписывают историю под себя. Все это совершенно не важно! Пусть хоть с Ловцом живых чудес договариваются, лишь бы город устоял и продолжил оставаться главенствующей силой королевства, — взревел оскорбленный Гант, грохнув напоследок чем-то еще более тяжелым о свою часть люка.

Цинизм стражника позабавил Ригби и вместе с тем показался вполне обоснованным, причем, похоже, ни ему одному. Ответной реплики со стороны святоши Лерри не

последовало, как и продолжения немилосердных ударов по люку, отдающихся в голове Ригби тупой, пульсирующей болью.

Постояв еще немного, собеседники сочли за лучшее разойтись в разные стороны и продолжить сторожить, вверенную их защите территорию, по-отдельности и исключительно молча. Зашкаливающий уровень взаимной обиды с легкостью угадывался по громким, отчетливым шагам, словно стремящимся затоптать аргументы противной стороны.

Радостное известие о том, что ритуал все еще продолжается, несказанно ободрило Ригби. Выждав для верности минуту, он осторожно повернул кольцо и незаметно приподнял люк. Как и ожидалось, поблизости никого не обнаружилось. Зато совсем рядом, буквально в шаге от того места, где он скрывался, начиналась деревянная, хлипкая на вид, лестница.

— Славно, — недовольно обозначил свое отношение к новой порции ступеней Ригби, после чего зажал между зубами кинжал и одним рывком выбрался на крышу. Коварный люк не преминул воспользоваться удобным случаем и поспешил встать на место, с тихим хлопком отрезая единственный безопасный путь к отступлению. У Ригби имелись огромные планы на многочисленные ответвления вертикального лестничного тоннеля, но, увы, ничто больше не напоминало о существовании тайного хода. Он был вынужден с досадой убедиться в этом, несколько раз проведя ладонью по цельной шершавой дорожке, скрывшей секретный спуск, почище любой кордской картины.

Всего таких каменных подходов насчитывалось шестнадцать, по числу храмовых дверей. Узкие, лишенные перил дорожки, начинались от маленьких угловых башенок, расположенных по кругу храмовой крыши и вели к высокой центральной башне со шпилем. Один неверный шаг в сторону и под ногами окажется невероятно скользкий золотой скат, спуск по которому обеспечит быстрое гарантированное падение с высоты, внушающей уважение даже крылатым Гродарина. От беглого взгляда вниз Ригби едва не замутило, но он сумел взять себя в руки и поспешил скрыться в тени башни.

Глава 13.2 Лестница

Разбираться со стражниками совершенно не хотелось. И дело было далеко не во внезапно нагрянувшем приступе милосердия, и даже не в усталости или ознобе, проявившимся особенно четко в тот момент, когда Злому ветру вздумалось пересчитать все прорехи на его изрядно потрепанном, местами прожжённом костюме. Причина острого нежелания принимать бой, заключалась в том, что, упавши с крыши хоть один поверженный противник, как о вторжении злоумышленника моментально узнают все, кто находился сейчас под стенами храма, а за этим непременно последует вполне ожидаемая расправа — жестокая и очень болезненная.

Отмахнувшись от назойливых образов изуверских пыток прядильщиков, Ригби сделал небольшой шаг в сторону и придирчиво оглядел белую лестницу. Опоясывающая центральную башню череда ступеней, не шла ни в какое сравнение с тем бесконечным кошмаром, по вине которого Ригби уже успел проникнуться искренним отвращением ко всем лестницам в целом и персонально кордским — в частности. И все же, что-то в ней не давало покоя, удерживая от немедленного подъема. Продавленные деревянные ступени не внушали доверия, но дело было не в том, что они местами разошлись и могли развалиться прямо под ним, а в чем-то ином, подстегивавшем интуицию выискивать признаки опасности... Слишком ветхая, невзрачная лестница сильно проигрывала на фоне общего великолепия храма — вот что привлекло внимание Ригби, привыкшего подмечать малейшие странности и несоответствия. Рефлекторная внимательность, не раз спасавшая его от

неприятностей, не подвела и сейчас. Стоя у первой ступени, Ригби четко осознавал — необходимо отыскать иной путь на башню, пусть не такой удобный и быстрый, однако безопасный и, не вызывающий безотчетной тревоги. Прядильщики отнюдь не были дураками и раз уж они создали нечто столь безобидное на вид, поместив в самом сердце города, значит от этого стоит держаться как можно дальше.

К несчастью, воплотить здравую мысль в жизнь Ригби не успел. В опасной близости от его носа просвистел арбалетный болт, а очередной зловредный порыв ветра толкнул в спину с такой силой, что Ригби не оставалось ничего другого, как ухватиться за перила обеими руками. Дальнейшие глубокомысленные размышления о возможных последствиях подъема резко превратились из предусмотрительных, в более чем неуместные и даже смертельно опасные. Следовало убраться с линии огня и как можно скорее, пока одному из стрелков не улыбнулась, явно отвернувшись от Ригби этой ночью удача.

— Хватай его, Лерри, — заорал здоровенный усатый стражник, спешно перезаряжая арбалет.

— Моя алебарда! — взвыл его худощавый, нервный напарник, пытавшийся в это время вернуть, ускользавшее от него по скату крыши оружие.

— Брось ее, дурень, и немедленно отползи от края, пока ветер и тебя не отправил вслед за ней! — среагировал грозный, но не особо меткий стрелок.

Разумное предостережение старшего стражника пришлось весьма кстати. Не отпрянь Лерри вовремя от края, его бы непременно снесло с крыши.

Злой ветер будто взбесился. Он то свивался вокруг башни бешеным вихрем, снося, выпущенные арбалетные болты, то пихал в спину, пошатывающегося шуттанца, помогая тому преодолевать, тянущую жизненные соки лестницу. Хищные ступени скрипуче визжали и подвывали, отзываясь на каждый новый шаг Ригби. Они безжалостно впивались в босые ступни сотнями заноз, жадно вытягивали кровь, стремясь остановить идущего, но тот молча продолжал подъем, все яростнее сжимая зубами острие кинжала.

Пять ступеней, четыре, три, две... За шаг до цели кровожадная лестница сменила тактику боя — напоследок, кольнула сжимавшие ее перила ладони, после чего резко ухнула вниз, сложившись у подножья башни благонаправленным карточным домиком. Ригби вовремя отдернул руки, но не успел среагировать на стремительно ускользающие из-под ног ступени. Если бы не очередной воздушный пинок, с размаху впечатавший его тело в ледяную каменную кладку, подлый маневр лестницы определенно завершился бы падением.

Повиснув на локтях, Ригби с трудом разжал зубы, отбрасывая кинжал вперед. Тот с лязгом проехался по дощатому отполированному полу, затормозив на расстоянии вытянутой руки. Ригби дернулся вперед, крепко сжал рукоять и из последних сил вогнал лезвие в пол. Как ни странно, удар практически не встретил сопротивления, раздался лишь сухой хруст. Клинок удачно угодил в стык деревянных многоугольников, составлявших небольшую круглую площадку. Но на долго ли могло хватить такой опоры? Обагрённая кровью рукоять, так и норовила выскользнуть из-под пальцев, в то время как отяжелевшее тело медленно, но верно сползло вниз. Следовало поднажать и выбраться на защищенную от стрелков площадку, вот только сил для последнего рывка уже не находилось. Ригби завис на краю, опустив голову на руки. Цель была слишком близка, чтобы сдаваться, требовалась всего минута отдыха и он бы собрался, но и такой малости ему не дали.

Очередной арбалетный болт пробил ветряной заслон и на этот раз помимо каменного крошева стены стальному наконечнику достался еще и крохотный глоток вражеской крови.

Совсем неглубокая царапина на боку — пустяк, не стоящий внимания на фоне остальных ран... Но и этой несущественной мелочи оказалось достаточно, чтобы одним махом усугубить печальное положение Ригби.

Неосознанный рывок в сторону нарушил хрупкое равновесие. Скользящая рукоять кинжала вывернулась из-под пальцев, оставив из опор в распоряжении Ригби лишь злосчастный арбалетный болт, надежно пригвоздивший к стене полу его кожаной куртки.

— Помоги мне, и я помогу тебе, — в отчаяние прорычал Ригби, стараясь замедлить падение еще хоть на миг, вонзая обломанные ногти в узкие щели наборного пола.

В ответ на его более чем сомнительное деловое предложение, Злой ветер еще разок крутанулся вокруг башни, хлестнул Ригби по плечам и внезапно стих, чем моментально вызвал порцию брани у шуттанца и слаженный, ликующий клич у стражников. Не сдерживаемые более опасениями за собственные жизни, они сломя головы бросились к главной башне, спеша преодолеть опасные участки над скатами до того, как ветер передумает и решит еще побуянить.

Приближаясь каждый со своей стороны, они не замечали, как в отдалении, напротив того места, где завис обессиливший злоумышленник, закручивается новый вихрь. Он бесшумно вбирал в себя всю доступную пыль, золу и песок. Еще секунда и в метре над каменной дорожкой зависла переменчивая ветряная фигура человека, поблёскивающая в свете факелов золотыми песчинками, насильно выбитыми из скатов храмовой крыши.

Первым делом ветряной дух метнулся к сползавшему по стене Ригби, вцепился в ворот его куртки и резко потянул вверх, игнорируя жалобный треск разрываемой кожи. Вогнанный в стену болт остался ни с чем. Злому ветру хватило всего одного рывка, чтобы Ригби кубарем влетел на защищенный от стрел небольшой пяточок под куполом.

Закончив с помощью, ветряной дух перешел к более привычной забаве — сшиб с ног вначале одного стражника, а затем и другого. Вид жуткого, неотвратимо надвигающегося монстра, привел к моментальному разрыву сердца у Ганта и лишил голоса Лерри, ошарашенно застывавшего в опасной близости от края дорожки. Но и этого Злому ветру показалось мало. Вновь представ воздушной плетью, он беспощадно сбросил с крыши обоих, обернулся подобием человека и с удовлетворением проследил, как стражники сползают по золотым скатам, летят тряпичными куклами вниз и приземляются в толпу напыщенных храмовников. На ветряном лице отразилась злорадная усмешка. Засуетившимся прядильщикам, зрелище показалось таким же занятным, как и ему. Об этом явственно свидетельствовали устремленные в сторону крыши лица, выражавшие такую лютую ненависть, какой бы позавидовали даже самые свирепые сторожевые псы.

Вдоволь отдышавшись, Ригби кое-как привстал на локтях, окинул затуманенным взглядом израненные ноги, перевернулся на живот и со стоном пополз к основанию шпилья, понимая, что подняться без опоры ему уже не удастся. Скользящий, обжигающе горячий шест поддался лишь с шестой попытки. Ригби кое-как выпрямился, прислонился к нему всем телом и поднял голову. Сложное переплетение тонких веревок оплетало шпиль, расходясь во все стороны. Вот оно — сердце защиты храма, протяни руку и коснёшься. Но что толку? Будь у него хоть целый день, отыскать нужные он так и не сумеет, слишком хитры многочисленные петли и узлы. Перерезать их одну за другой — тоже не вариант, помог бы огонь, но его-то с ним как раз и не было.

Промелькнувшее воспоминание о последней спичке, невольно вынудило прищуриться и запрокинуть голову еще выше. Мерцающая сеть веревок освещалась лишь одной огромной

масляной лампой, неподвижно зависшей под самым куполом. Она манила своим теплым сиянием, переливалась искристыми стеклянными гранями и всем своим видом демонстрировала гордую неприступность. Дотянуться до нее Ригби не мог...

— Должно быть, гореть заживо будет очень больно... — бесцветным, ровным голосом проговорил шуттанец, решительно стягивая рваную куртку.

Он еще раз внимательно оглядел переплетение веревок, перевел взгляд на огненный шар, набросил куртку на голову, четко понимая, что от нее все равно не будет толка и без промедления выхватил из ножен два последних кинжала. Меткий бросок и лампа летит вниз, ударяется о железную перекладину, раскалывается на куски и со звоном обрушивается на узловатую паутину, удерживающую защитные полотна храма.

Ригби так и не успел броситься на пол или хотя бы поправить сползшую при броске куртку. Молча притаившийся за его спиной ветряной дух, опередил, обратился вихрем, бесцеремонно втянул Ригби, дернулся в сторону, покидая башню, после чего резко вышвырнул отчаянно барахтавшегося пассажира на каменную площадку.

Вслед за очередным удавшимся актом милосердия, последовала быстрая филигранная работа над раздуванием, вырвавшегося на свободу огня. Злой ветер умело направлял языки пламени, справляясь с их помощью с недоступной его касаниям веревочной сетью. Опадали прожжённые обрывки, расплзался причудливый узор и вскоре наземь принялись оседать первые полотна. Шелест тонкой ткани звучал музыкой, как и панические крики прядильщиков, сопровождавшиеся громогласными выкриками стражников, решивших, будто смогут ему помешать. Вдалеке раздался запоздалый топот десятков ног, кордцы спешили подняться по крутой храмовой лестнице, но для этого было уже слишком поздно. Неизбежное падение последнего из защитных полотен, означает их скорое поражение и они прекрасно знали об этом, а не сдавались, лишь из упрямства и жалкой уверенности в былом могуществе столицы, которому совсем скоро собирался наступить конец.

Удовлетворенный результатом поджога, Злой ветер вновь обернулся подобием человека, плавно подлетел к Ригби, присел на корточки и требовательно провел ребром ладони по обращенному в сторону шуттанца запястью.

— Собрание идиотов проходит внизу, здесь — только я, — нахально хмыкнув, пояснил Ригби, прекрасно понимая, чего именно от него хочет дух. — Не думаешь же ты, что я добровольно поделюсь кровью?

Очевидно, о чем-то подобном он и думал, но поостерегся настаивать, оценив как настороженность Ригби, так и устремленный на него прямой, оценивающий взгляд. Гордый смертный не испытывал ужаса и это никак не вязалось с представлением Ловца о нормальной реакции на его требование.

Качнувшись с пяток на носки, дух предпринял новую попытку, изобразив тайное приветствие капитанов берегового братства. Ригби внимательно следил за каждым его жестом и поражался, с какой ловкостью тот проделывает точные пасы, управляя лишь горсткой пыли. Немое послание гласило о желании Ловца принять Ригби в ряды морских разбойников. Ему щедро предлагали принести кровную клятву и занять место у штурвала одного из судов Злого моря.

— Очень жаль, с детства страдаю морской болезнью, — без малейших колебаний солгал шуттанец, наблюдая за тем, как все яростнее закручиваются ветряные плети, составлявшие плащ духа. Тот явно был зол и с огромным трудом сдерживался, но вот он взял себя в руки, наклонил голову к плечу, словно прикидывая что-то, приложил ладонь к сердцу

и поклонился, после чего протянул правую кисть ребром, опертым на обращенную к небу ладонь левой руки. Старинный жест мира, братства и вечной дружбы.

— Неужели тебе так нужна моя кровь? Почему бы не забрать силу огня центральной свечи? — серьезно поинтересовался Ригби, слыша, как уже гораздо ближе, чем раньше, раздаются голоса и все нарастающий топот. Совсем скоро прядильщики ввалятся на крышу и прикончат его, а ритуал так и не будет сорван.

Ветряной человек, не меняя позы, медленно кивнул. В любом другом случае Ригби позабавило бы и нелепое предложение Ловца и то, что весь этот фарс разыгрывается прямо под носом у прядильщиков...

— Пообещай, что сорвешь ритуал, — тихо, но очень отчетливо потребовал шуттанец, рывком стягивая окровавленную повязку с правой руки.

Злой ветер подхватил отброшенную ткань, не дав той улететь, и тут же втянул в себя, после чего согласно кивнул и осторожно сжал протянутую в соответствии с традицией руку. Секунду ничего не происходило. Ригби не мог разобраться в ощущениях. Невесомое касание щекотало мельчайшими песчинками, холодило кожу и не оказывало ровным счетом никакого воздействия. Ветряной человек смотрел на него, не предпринимая никаких действий, но вот он подался еще ближе, очертания фигуры поплыли, а легчайшая хватка обернулась настоящим капканом, потянувшим кровь не хуже недавних деревянных ступеней.

Такой чудовищной боли Ригби еще не приходилось испытывать. Отпрянув назад, он попытался вырвать руку, в ответ на что, хватка лишь усилилась. Казалось, вместе с кровью его покидает и сама жизнь. В какой-то момент Ригби не выдержал и заорал, изо всех сил стараясь отпихнуть ветряного монстра. Но куда ему до силы самого Ловца живых чудес, хоть и призрачного? Все попытки оказались тщетны. Удары и пинки проходили сквозь то собирающуюся, то вновь расплывшуюся темную фигуру, не причиняя монстру вреда. Вспомнились слова Клары и то, как она смотрела на него, когда он уходил с кладбища, уверенный в том, что помощь Злого ветра не выйдет им всем боком. Как же он ошибался...

— Ты слишком силен духом, горд и умен, а еще не в меру нагл и не труслив, как для обычного человека, за которого я и принял тебя вначале. Но теперь я вижу, как ошибался. Твоя кровь поведала мне много занятного, друг, — прошелестел ветер, делая особый упор на последнем слове. — Останься здесь и дождись меня. Нам есть о чем потолковать.

Сказав это, Ловец опустил руку Ригби, посидел еще секунду молча, после чего небрежно добавил: — Я действительно рад, что ты все же соизволил вернуться, пусть и в таком беспомощном, лишенном магии, человеческом теле. А что до синеглазой гадюки, умудрившейся пригреться возле тебя, то совсем скоро она сполна поплатится за все, что натворила!

Выпрямившись во весь рост, Злой ветер учтиво поклонился, обратился вихрем и улетел, оставив, еле живого Ригби, лежащим на холодной каменной дорожке и мечтающим лишь об одном — убраться с проклятой крыши и как можно скорее, пока знаменитый дэйлинальский тиран не вернулся и не решил добить его, поделившись напоследок еще одной порцией отборного бреда в духе грифалетских предсказателей.

И словно в ответ на его невысказанное желание, неподалеку раздался тихий щелчок, а за ним и недовольные слова, озвученные до боли родным голосом:

— Вот ты где, мерзавец! Уже успел наворотить дел, не так ли? — бесстрастно поинтересовалась, взбешенная до предела, Клара, после чего добавила уже совсем другим тоном, обращаясь к кому-то постороннему, скрывавшемуся за ее спиной. — Поднять его и

переместить в тоннель из которого мы прибыли! — и столько магии было в этом коротком, властном приказе, что даже у Ригби, к которому слова не имели ни малейшего отношения, заломило в висках и потемнело в глазах.

Совсем близко раздавались приглушенные приказы, слышался все нарастающий гомон неотвратно приближающихся шагов, усиливалось завывание Злого ветра, готовящегося поглотить силу неприступного пламени вечной свечи, а все, о чем мог думать Ригби — это подтачивающее изнутри сожаление, накотившее вслед за осознанием, как сильно он просчитался.

Крепкие руки подхватили его обмякшее тело, дернули вверх и куда-то понесли. Ригби уже не успел разобрать, куда и зачем. Тьма окутала его с ног до головы, позволяя сдаться и перестать чувствовать всю ту боль, с которой ему приходилось справляться на протяжении стольких часов. Ни сил, ни воли, ни даже, быть может, жизни в нем уже не осталось...

Самая долгая и темная ночь в году стремилась к своему завершению. Долгожданные солнечные лучи готовились возвестить о начале нового дня и принести утешение всем тем, кто потерялся в кровавой Ночи Свечей и уже не надеялся обрести верный ориентир.

Глава 14. Восточный пустырь

У каждой столицы, какой бы величественной и прекрасной та не казалась на первый взгляд, обязательно найдется хоть одно неповторимое, тщательно скрываемое ото всех уродство. Доподлинно о нем известно лишь избранным жителям города. Тем немногим, чьи раскидистые родовые кроны с легкостью и готовностью укроют в своей густой тени не только саму проблему, но и ту неприглядную историю, благодаря которой светлый лик венценосного города имел неосторожность обзавестись столь досадной приметой. Что касается остальных жителей, то им останется лишь строить самые разнообразные догадки и предусмотрительно держаться от злополучных мест так далеко, как только получится.

Столица Дэйлиналя не стала счастливым исключением, за века ей удалось собрать такую внушительную коллекцию изъянов, что только и оставалось гадать — как Корде все еще удастся сохранять за собой лестное звание одного из самых красивых и загадочных городов мира? И не потому ли в нее так сложно попасть в те дни, когда Верховная Хильда не находит веских причин для радушного распахивания городских ворот перед любопытными посторонними?

Неподкупные каменные стены, пронизанные ветвями и корнями живого дерева, ревностно оберегают секреты прядильщиков наравне с преданными стражниками, готовыми по первому приказу замкнуть ворота перед любым, кто покажется хоть отчасти неудобным гостем. Благодаря всем этим предосторожностям, мало кому из чужаков удавалось провести какие ужасы таятся на территории прядильщиков. Даже самим кордцам не рекомендовалось пересекать особо значимые незримые границы счастливой и безопасной жизни.

Среди прочих, наибольшей популярностью у жителей столицы пользовались городские легенды о жутком восточном пустыре безумия. Шутливая угроза выселения на него действовала на разошедшихся, упрямых карапузов ничуть не хуже обещания выпороть или оставить без сладкого. Стоило прозвучать грозным словам, как слезная истерика моментально сходила на нет, а непослушное дитя, как по волшебству, превращалось в кроткого, ласкового ягненка. Но стоило маленькому смутьяну повзрослеть и возмужать, как взгляды на опасное место кардинально менялись...

Во всей Корде не находилось ни одного уважающего себя сорвиголовы, чья юность обошлась бы без рискованной вылазки к стенам башни и окружающим ее развалинам,

раскинувшимся в самом сердце пустыря. Шумные компании решительных, изрядно «разогревшихся» для храбрости смельчаков, жаждали от опасного похода трех неизменных благ. Во-первых, пробудить крепко дремлющие или усилить уже проявившиеся способности к магии. Во-вторых, получить бесспорное признание их выдающегося бесстрашия. И, в-третьих, примкнуть к негласному братству действительно побывавших на восточном пустыре и видевших все собственными глазами. Большинству непосвященных последний довод мог показаться на редкость сомнительным, но только не въедливым кордцам, привыкшим докапываться до истины, как бы глубоко та не залегала и сколько бы лопат закаменевшей земли не пришлось откинуть.

Далеко не все искатели острых ощущений возвращались обратно лишь с дрожью в коленях и напрочь выветрившимся хмелем. Одним, в дар от одинокой покосившейся башни, доставалась нескончаемая череда бессонных ночей, скрашенных причудливыми кошмарами. Другим — длительная немота. И совсем редким счастливым перепадала печальная возможность поселиться на пустыре уже через каких-то жалких пять или шесть лет.

Призрачная награда, совершенно необъяснимая притягательность страшного места и высокая цена за неудачу — вот тот неотъемлемый ореол, без которого не представляется знаменитый восточный пустырь безумия.

Помимо добровольных «паломников», у развалин встречались еще и вынужденные постояльцы, число которых с каждым годом неотвратимо росло. «Сгоревшие» прядильщицы и прядильщики со всего королевства стекались к стенам, чудом уцелевшей башни, вне зависимости от того, как далеко им удавалось сбежать, прежде чем Хозяйка Свечей решала окончательно затушить в них слабый, угасающий огонек магии. Распрощавшись с непосильным даром, несчастные начинали слышать грустную песню башни. Для каждого она звучала по-своему, а вот откликались на нее у всех одни и те же изорванные душевные струны — те самые, искавшие у источника манящей музыки скорого отдыха и долгожданного покоя. Мало кто из услышавших дивный голос и сопровождавшие его звуки флейты, мог долго сопротивляться и в результате отстоять себя... Зачастую избранники восточного пустыря не выдерживали и сдавались. Они, как дикие звери, рвали оковы, выбирались из запертых домов, бежали, шли и даже ползли, чтобы в конце пути найти лишь вязкое, утягивающее на дно сумасшествие и тихую одинокую смерть.

На фоне столь прискорбного финала, потеря дара, и правда, становилась не такой уж большой проблемой, а потому башню и ее разноголосую песню вряд ли можно было уличить во лжи или вероломстве. Другой вопрос — нравился ли ее жертвам покой, доставшийся такой ценой? Ушедшие вслед за безумием, не жаловались и не давали ответов. Они просто не возвращались, оставаясь верными своему новому дому до последнего вздоха.

Но не о том размышляла переодетая северной прядильщицей стекольщица, сидя на почерневшей от копоти стене древней разрушенной часовни. Все ее мысли занимал видневшийся вдали главный храм, подсвеченный ровным вечным огнем центральной кордской свечи. По нехитрым расчётам, в это время ему уже давно следовало погрузить во мрак и горестное уныние, приличествующее закономерному результату удачного выстрела Ригби. Но именно этого, судя по всему, так и не последовало...

— Ради всех святых и покровителей, потухни уже наконец! — в который раз взмолилась Тера, бездумно барабаня узловатым посохом по шатким, криво торчащим из высокой стены камням. Высшие силы, как и прежде, не снизошли, проявив к ее нетерпеливому требованию стойкую, удивительно слаженную глухоту. Иного Тера от них не ждала, а надоедала

однообразной просьбой лишь из упрямства и желания отогнать привычным звуком собственного голоса, все возрастающую тревогу.

Оторвавшись через некоторое время от созерцания далекого храма, Тера устало обернулась и вновь окинула мрачную башню оценивающим, враждебным взглядом. Лезть туда, зная, что Верховная все еще контролирует свое ручное, злобно настроенное на стекольников живое дерево, совершенно не хотелось. Но кого, при таком скверном раскладе, могли заботить ее желания?

Как и в недавнем случае с набитым золотом кошельком, оставалось ждать внезапного озарения и возлагать все имеющиеся надежды лишь на безотказную врожденную смекалку. О дурацком исходном плане следовало забыть, причем еще в самом начале. Кривобокое лоскутное одеяло, сшитое бесспорно гениальными, но непримиримыми в суждениях о стиле кроя портными, смотрелось кое-как и совсем не грело. Каждый тянул на себя, в тайне надеясь переиграть спорные моменты уже на месте. У нее отчасти получилось, но что у остальных?

Припомнив перепуганные лица стражников, так легко попавшихся на ее маскарад и ладно скроенную байку, Тера удовлетворенно потянулась, посылая светлеющему небу яркую коварную улыбку. Мысль о том, что кордские простаки безропотно извлекли из карманов свое «честно» добытое золото и собственноручно отнесли его, к указанному ею надежному тайнику, согревала душу. Делала незначительными пронизывавший ветер и холодные камни старинной развалюхи, даже вынужденную голодовку, на которую Тера согласилась, чтобы лучше соответствовать изможденному образу северных прядильщиц. Первоклассный трюк, достойный почетного места в ряду ее самых удачных выступлений! Да и что может быть лучше, чем смертельно опасное, мастерски разыгранное представление перед столькими зрителями? Не все же ей молча красться по пустынным крышам, скрыв лицо и позабыв о настоящем веселье?

Тера не выносила скуку, впрочем, так же, как и ее, невесть куда запропастившийся компаньон. О, как бы она хотела отправиться вслед за ним, размять ноги, прекратить любоваться унылым пейзажем ненавистного города! Но нет, хоть одному из них следовало проявлять твердость и не поддаваться соблазнам!

Слегка прищуренный, расфокусированный взгляд переплывал от одного скрюченного деревца к другому, легко перескакивал через пучки пожухлой травы, старательно огибал отталкивающие, угловатые фигуры безумцев, рыщущих в поисках пропитания по пустырю. Прошелся по перекошенным от ужаса лицам детей, провалился в пару-другую ям и уже хотел вернуться к опостылевшей панораме Корды и, удручающе светящемуся фасаду главного храма, как что-то неправильное резануло глаз, заставив переменить расслабленную позу и сосредоточиться.

— А вас-то сюда какая нелегкая занесла? — раздосадовано прошептала Тера, заново отыскав глазами двух нарядных, заплаканных девчушек, старательно протискивавшихся в узкую нишу между полуразвалившейся аркой и, привалившемуся к ней, обломку стены. — От кого это вы так бездарно прячетесь?

Долго ответа ждать не пришлось. Совсем скоро в поле зрения показалась крупная мужская фигура. Новоявленный детский кошмар безошибочно подбирался к тому месту, где притаились маленькие, на смерть перепуганные беглянки. Он точно опытный следопыт время от времени наклонялся к земле и высматривал в пыли едва различимые следы. С каждым шагом его отвратительный лающий смех и неразборчивые обрубки слов

становились все оживленнее. Разобрать о чем он говорит не удавалось. Но не оставалось ни малейших сомнений в однозначности дурных намерений и в том, что задуманное непременно удастся, если, конечно, кому-нибудь не взбредет в голову самонадеянно вмешаться, немедленно покинув облюбованную безопасную стену.

О плачевности положения детей свидетельствовало сразу несколько факторов: нешуточные габариты преследователя, обогранный кровью серп, внушающий трепет своим зловещим видом, и наконец — отчетливо различимая печать безумия, проступившая на безобразном лице маньяка.

За последние часы, проведенные на пустыре сумасшедших, Тера основательно поднаторела в обнаружении скрытых признаков душевного недуга. Некоторые из проходивших вблизи ее стены, выглядели как самые обыкновенные прядильщики. Но стоило понаблюдать за ними чуть дольше и провести пару несложных экспериментов, как становилось понятно — представься им малейший повод и безобидная на вид орава, сцепится между собой и попытается, если не забить друг друга до смерти, то хоть основательно потрепать или на худой конец, покусать. Такими прядильщики нравились ей еще меньше... Лучше уж осознанная подлость и взвешенная находчивость, чем эта бездумная жажда разрушения.

— Немедленно вылезайте, грязные боривальские животные! Даю последний шанс отправиться за грань без страданий, в противном случае — пеняйте на себя. Если мне самому придется выискивать вас, пощады не ждите — сдеру шкурки с живых, — нараспев предупредил опасный безумец, со скрежетом ведя по стене острием наточенного пыточного орудия.

Противный скрежещущий звук действовал на нервы не хуже многообещающих слов. Очень хотелось заткнуть уши, только бы не слышать его. Тера видела, как одна из девчушек не выдержала давления и показала наружу. Ее короткие рыжевато-серые хвостики, перехваченные чересчур большими кособоками бантами, смешно подпрыгивали, чутко реагируя на каждый шорох. Малышка явно выискивала, куда бы перебраться, понимая, что их первоначальное укрытие не стоит выеденного яйца. А вот ее боязливая миниатюрная напарница по пряткам не разделяла рвения храброй подруги, всеми силами стараясь втянуть ту обратно, попеременно дергая за пухлые ручки и за концы длинного оранжевого шарфа. Затраченные усилия не приносили сколько-нибудь заметного результата. Однако, упрямая обладательница тощих косичек, перевитых ярко красными лентами, и не думала сдаваться, подключая к физическим усилиям еще и торопливый шепот.

Было лишь вопросом времени, когда их шумная возня и приметное буйство красок привлекут внимание преследователя. Только слепой мог не заметить этих двоих на фоне общей серости развалин. Угрожавший им негодяй не был слепым. Счет коротких, хрупких жизней маленьких двуликих пошел уже не на годы, а на минуты.

Героическое спасение, попавших в беду детей, не входило в планы Теры... Не за тем она пробралась к пустырю и всю ночь просидела на холодной, продуваемой всеми ветрами стене, рискуя поддаться чарам гиблого места или, задремав, свалиться прямо в лапы гадких, населявших пустырь существ. Все, что от нее требовалось — это терпеливо дожидаться, когда Эйнар, Ригби и Клара обеспечат ей безопасный доступ к башне, ослабив смертью Верховной магический фон города. Тогда бы она беспрепятственно обошла видневшиеся у подножья башни белые корни живого дерева, взобралась наверх и выкрала оставшуюся часть ключа.

Но могла ли она проявить равнодушную твердость и не отклониться от намеченной

цели, зная, что совсем рядом бездушное чудовище лишает жизни ни в чем неповинных детей? Единственная оплошность малышей заключалась в том, что они имели глупость приехать в проклятую Корду, надеясь собственными глазами увидеть праздничное волшебство прядильщиков и вместе со всеми порадоваться, когда Верховная Хильда объявит во всеуслышание о том, что великодушная Хозяйка Свечей продолжит защищать Дэйлиналь от возвращения Ловца живых чудес. Они и не догадывались, что упростили родных показать им самую настоящую ложь, присыпанную внушительным количеством фальши, при виде которой у Теры начинали слезиться глаза и скрежетать зубы.

Зеркальщица не питала особых иллюзий относительно своей боеспособности. Она прекрасно понимала, что соперник ей, мягко говоря, не по плечу и все же не могла отмахнуться, сделав вид, будто происходящее внизу ее совершенно не касается! Даже если бы в эту самую минуту главный храм наконец потух, а башня выбросила к ее ногам веревочную лестницу, приглашая с комфортом подняться и украсть все, что ей заблагорассудится, Тера все равно повернулась бы спиной к удачной возможности. Она поудобнее перехватила тяжелый посох и слезла со стены.

Теперь ею всецело владела лишь одна задача — не дать негодяю оборвать хоть одну бесценную детскую жизнь. Тера с ужасом воскрешала перед мысленным взором окровавленный серп, всеми силами пытаясь убедить себя в том, что алые капли, поблескивавшие на хищном металле, вытекли из ран такого же монстра, как тот, на которого она сейчас нацелилась, а уж никак не из... Дальнейший ход мысли наткнулся на стену и зеркальщица не желала преодолевать ее.

Пока она бежала, старательно огибая оборванных жителей пустыря и перепрыгивала через острые камни, придерживая подол длинной юбки, события начали разворачиваться без ее непосредственного участия. Раздался тоненький истошный визг, а за ним скрежещущий удар о камень. На краткий миг Тера запнулась, едва не перелетев через выступающий из земли валун. Ледяная дрожь промчалась по позвоночнику, дезориентируя, мешая сделать еще хоть шаг. Стало тихо и страшно... Во рту пересохло. Пропустившее удар сердце, забилося с такой скоростью, что перекрыло своим гулким грохотом все прочие звуки.

И вдруг, послышался новый, полный боли крик. На этот раз орал нападавший. Значит боривальская мелюзга не попала в лапы живодера и все еще нуждается в ее помощи! Ободренная радостным открытием, Тера со всех ног припустилась вперед, не обращая больше внимания ни на стеснявшее движение неудобное платье, ни на грозящие переломать ноги камни. В ее душе зарождалась такая лютая ненависть и жажда мести, какой Тера еще никогда ранее не испытывала. Кто дал право проклятым кордским душегубам издеваться над двуликими? Чего ради здоровенный маньяк не отправился сражаться со взрослыми боривальцами, а выбрал в качестве противников двух беззащитных крох?

Красная пелена ярости заволокла все вокруг. С языка произвольно полетели проклятия, пересыпанные такими изощренными ругательствами, при звуке которых уважительно примолк бы и старый сапожник, уронивший на ногу молоток. Тера неслась вперед, не разбирая дороги. Напряженный взгляд заострился на шишковатом затылке врага. Уже представлялось, как рухнет поверженный противник, когда на его голову обрушится ее нехитрое оружие.

Широкий замах со свистом рассек податливый воздух. Тера едва не вывихнула плечо, но удержалась и уже в следующий миг направила набалдашник посоха вниз. Негодяй как раз решил отвлечься от выживания двуликих из слишком узкой для него ниши и посмотреть,

кто это к нему пожаловал. Вблизи его уродливое лицо показалось еще безобразнее и безумнее. Свежий порез пересекал правую щеку, глубокие тени оттеняли покрасневшие, выпученные глаза, вывернутые, жабы губы кривились в дикой, бессмысленной улыбке. Тера не отшатнулась и долгожданная встреча тяжелого деревянного набалдашника с головой безумного прядильщика все же состоялась.

Раздался характерный треск. Вложенных в удар сил хватило бы и на двух таких великанов, так она была зла. Но увы, трещал не крепкий череп врага, а ее вероломный, обожжённый в соответствии с маскарадом посох... Хрупкое дерево брызнуло во все стороны мелкими обломками, ручка посоха раскололась, а взбешенный живодед окончательно утратил интерес к издевательствам над двумя безобидными девчонками. Новая шумная мишень произвела на прядильщика куда большее впечатление, о чем он и сообщил, издав яростный, гортанный рык, не предвещающий Тере ничего хорошего.

— Склонись перед мощью сестер северного горного храма, безумный кордский брат! — не растерявшись, приказала Тера, придав голосу побольше повелительных холодных ноток. Но то ли конкретно этот псих не испытывал к северным прядильщицам должного пиетета, то ли те не были ранее замечены в склонности к излишней патетике, важно одно — результатом громкого требования стал резкий выпад, едва не перерубивший Теру пополам.

К ее счастью, приобретенные с годами рефлексy не позволили остаться на месте, уводя от смертельного удара. Молниеносный серп прядильщика описал дугу и вернулся на исходную, сумев лишь прорезать ее платье повыше веревочного пояса, не глубоко оцарапав кожу. На этом нападение не закончилось. Соперник поудобнее перехватил оружие и бросился в бой, хаотично размахивая серпом, норовя схватить верткую лицедейку за подол или длинные, развивающиеся на ветру волосы.

Поспешно сорвавшись с места, Тера не успела позаботиться о более внушительном оружии, чем тяжелый, бесполезный посох и теперь была вынуждена крутиться на месте, отскакивать и всячески уворачиваться, надеясь, что подмога прибудет раньше, чем из нее наделают ворох симпатичных кожаных ремешков.

— На помощь! — придушено взвизгнула она, старательно уводя разошедшегося прядильщика подальше от развалин часовни. — Меня здесь сейчас убьют, неблагодарное ты животное!

Но, как и в случае с подглуховатыми высшими силами, не последовало ни ответа, ни долгожданной помощи. Произошло кое-что другое — вдалеке раздался оглушительный рев, переросший в завывание и страшный грохот такой силы, какого за всю ночь бунта еще не случалось. Прядильщик отвлекся всего на секунду, вскинул голову и попытался разглядеть нечто интересное, происходящее за спиной у Теры, которая нашла в себе силы не поддаться любопытству. Она поспешила воспользоваться подвернувшимся шансом на спасение.

Точный короткий удар по расслабленному запястью и смертоносный серп отлетает в темную расщелину, уравнивая противников в безоружности. Обломок посоха все же сумел хоть отчасти реабилитироваться, прежде чем окончательно рассыпаться. Отбросив его, Тера потянулась за спрятанным в ботинке ножом, но не успела. Прядильщик слишком рано пришел в себя и взбесился, поняв, что его драгоценного блестящего серпа больше нет.

— Ах ты, дрянь! — багровея от ярости, проорал ей в лицо ненормальный, бросаясь на обидчицу с голыми руками.

Тера ловко отскочила, ускользая от протянутых к ее шее пальцев, дернулась в сторону и уже хотела оттолкнуться от земли, чтобы вскочить на торчащий из стены уступ, как ее нога

провалилась в яму, а сама она, не удержав равновесия, рухнула.

Прядильщик с размаху придавил ее к земле и с яростным рыком вцепился в длинные белые косы, норовя размозжить голову жертвы о камни. Он так увлекся выдираньем волос из парика, что не заметил, как тот перекочевал в его руки, потеряв всякую связь с первоначальной владелицей.

Счастью Теры не было предела. Если бы она не поссорилась с Ригби и Кларой из-за злосчастного кошель, которым они так легкомысленно решили откупиться от стражников, то не Эйнар бы помогал закреплять громоздкий парик, а ее любимая тетья. Тогда его можно было бы снять разве что вместе с головой, и никак иначе! А так — всего пара вырванных прядей да гора бесполезных, вылетевших шпилек.

Все же расслабляться было еще слишком рано. Выползти из-под тяжеленого громилы никак не удавалось, мешал его чудовищный вес и ее застрявшая нога. А время все утекало. Как на долго еще могло хватить сумасшедшего, для игры с ее безвольным париком? И когда до него наконец дойдет, что она пытается улизнуть?

Барахтаясь и извиваясь, Тера старательно вывинчивалась из-под тяжелой туши, попутно стараясь выдернуть, попавшую в каменный капкан ногу. Ей это почти удалось. Высвободив ногу и качнувшись в бок, чтобы подняться, уже на излете, она совершенно непреднамеренно заехала прядильщику локтем в челюсть. Тот моментально отвлекся от раздиранья парика, перевел воспаленный взгляд на Теру и одним стремительным прыжком сократил, разделявшее их расстояние. Горячие липкие пальцы сомкнулись на ее горле и стали сжиматься. Прядильщик ликовал, наблюдая за тем, как вертлявая добыча безуспешно старается отцепить его руки. Безумного прядильщика завораживало небывалое зрелище — ее белые глаза стремительно наполнялись красками, прожигая пустоту бессмысленного взгляда необыкновенно яркой синевой. Казалось, будто сквозь снежный буран на него синхронно мчатся два вороных коня, окруженные сияющим ореолом магии, той самой, которую он навсегда утратил... На краткий миг сгоревший дар снова был с ним, невероятный, волнующий, дарящий могущество и уверенность. Но чудо исчезло, а вместе с ним и живая синь. Придушенная им девушка угасала, унося с собой за грань и отголосок его магии.

— Нет, нет, верни ее! Пстой, не забирай! — отчаянно завопил безумец, разжимая пальцы и с ужасом глядя на то, как медленно закрываются глаза его необычной жертвы.

Он так хотел увидеть проблеск магии еще хоть раз, но не успел. Что-то тяжелое обрушилось на голову, погружая все вокруг во тьму — холодную, пустую и абсолютно безжизненную, как бескрайние, занесенные снегом равнины, признающие лишь власть бесконечной ночи. Он уже видел это и не раз... Так выглядели земли гордого Холдердагена, хранящего кровавый секрет, выкашивающего прядильщиков безумия.

О большем он не успел подумать. Были то его собственные мысли или нечто чуждое, навеянное магией восточного пустыря безумия? Об этом прядильщик не знал, как не знал и того, до чего слаб и напуган был тот, кто осмелился, рискуя собственной жизнью, вопреки всему, что знал и во что верил, все же вступить за «неправильную» северную прядильщицу.

Глава 15.1 Призрак

Тера не понаслышке была знакома с этим ни с чем не сравнимым чувством близкого падения и неминуемого раскола, когда кажется, будто собственное тело уже и не тело, а лишь полая стеклянная статуя, слишком хрупкая и ненадежная, чтобы доверять ей сохранность живого, мечущегося в глубине духа. Всего одно неосторожное касание и по

холодной, гладкой коже побегут мелкие, едва заметные трещинки. Сколько раз за свою сравнительно недолгую жизнь, она замирала в страхе перед этим последним, губительным прикосновением? И неужели именно сегодня знакомое чувство окажется не только пугающим, но и правдивым предвестником скорой смерти?

Тянулись долгие минуты мучительного ожидания, а нужных ответов все не находилось. Перед глазами проносились вереницы воспоминаний — ее собственных и чужих. Разлетались и вновь собирались невесомые обрывки памяти, но складывались они не в былые реалистичные, серые картины, а в совершенно новые, удивительно красочные. Сами собой вырисовывались невиданные ранее места, предметы и даже целые жизни, сплошь состоящие из ловко пригнанных моментов, почерпнутых ею из сотен чужих воспоминаний.

Тера уже не могла разобрать, когда и как заполучила тот или иной фрагмент, так много их накопилось за годы ее изнурительного колдовства. Заложница собственной бездонной памяти, наполненной бесполезными трофеями родной, ненасытной магии. Как много опасных тайн, постыдных секретов и важных сведений она узнавала всего за одно путешествие в мир зеркальных дверей, и с какой легкостью обменяла бы все накопленное тогда, всего на одну минуту покоя сейчас... Но, плененный обманом калейдоскоп воспоминаний, не желал уступать ей даже крохотную секунду покоя. Он все кружился и мерцал, обжигая пугливую темноту болезненными белыми вспышками, не позволявшими Тере сосредоточиться на чем-то одном и тем самым освободиться от сводящего с ума вихря звуков и образов.

Нарастала пульсирующая головная боль, пекло глаза и все никак не удавалось расслышать тихую, печальную мелодию. Никогда прежде ей не доводилось слышать ничего подобного. Сольный концерт одинокой флейты определенно не был частью ее памяти, а потому Тера отчаянно тянулась навстречу загадочным звукам, как тянется к редким солнечным лучам упрямый, не желающий увядать во мраке цветов. Откуда-то она точно знала — потусторонняя мелодия укажет верное направление и поможет выбраться из кошмара. Но стоило ей ухватить за хвост одну ускользающую ноту, как другая тут же уносила прочь и затихала.

Оглушительная какофония навязчивых звуков, будто учуяв робкую надежду зеркальщицы на спасение, обратилась диким, многоголосым воем и принялась безжалостно ввинчиваться в уши, лишая последнего призрачного шанса на помощь и поддержку. Тускнели картины прошлого, исчезала динамичность, воскрешенных памятью движений, накладывались друг на друга размытые контуры, сливаясь в единый непроглядный туман. Колючая серая пелена без труда проникала под кожу, с хрустом вгрызалась в кости и утягивала за собой все глубже, туда, где доживали свое самые темные, некогда позабытые воспоминания. Слишком глухо, мрачно и пусто было в их обители, даже для грустной, всеми покинутой флейты...

Тера почти поверила, что это и есть ее последнее пристанище и уже успела, как следует попенять на судьбу за жестокость, когда ее утомленного слуха, достигло эхо неторопливых, приближающихся шагов, а за ним и легкий, едва различимый шелест, издаваемый длинным волочащимся по полу подолом.

— Прости, зеркальное дитя, но для тебя я петь не стану. Не в моих силах подарить покой твоей бедной, истерзанной душе. Ты слишком часто ошибалась в выборе рам и теперь, когда удача наконец сжалилась и помогла сделать правильный выбор, оказалось слишком поздно что-то менять. Безумие по праву уведет тебя за собой в лес скорби. И никто, даже

сама Хозяйка Свечей, не сумеет переплести нити так, чтобы этого не произошло, — посочувствовала, неразличимая в полумраке необъятного зала, обладательница удивительно мягкого, мелодичного голоса, с легкостью перекрывшего все прочие звуки.

Вначале Тера обрадовалась неожиданному избавлению и не стала вдумываться в странные речи незнакомки, наслаждаясь, ничем не нарушаемой, блаженной тишиной и покоем. Но стоило ей немного прийти в себя и собраться с мыслями, как она сообразила, кто именно вторгся в ее сознание и что конкретно произнес. Подаренная минута отдыха моментально утратила всю свою привлекательность, а еще недавно раздражавший слух гомон отнятых воспоминай, резко превратился в музыку и заставил горько пожалеть о своем внезапном исчезновении.

Блуждать в одиночестве по оживленным закоулкам собственной, бунтующей памяти было куда как предпочтительнее, нежели оставаться в безжизненной пустоте один на один со сладкоголосым духом башни.

Вот только выбирала теперь не Тера, а та древняя сила, которая смогла не только воспользоваться ее беспомощностью и проникнуть в разум, но и закрепиться в нем, создав вполне материальную иллюзию пространства...

— А разве не благодаря твоим проклятым песням Восточный пустырь уже который год обзаводится все новыми и новыми постояльцами? — привычно пряча страх за дерзостью, насмешливо поинтересовалась Тера, раздумывая подойти ли ей поближе, чтобы как следует рассмотреть дух, или остаться на месте и не рисковать понапрасну.

— О нет, маленькая храбрая стекляшка! Я лишь помогаю тем, до кого удастся дотянуться, отправиться напрямик за грань, куда нет ходу боли и печали, а не под сень Безумного леса, где они станут вечными пленниками и будут страдать до скончания веков, — надменно возразила собеседница, ответив на более чем недвусмысленное обвинение, демонстрацией плохо скрываемого пренебрежения к представителям народа стекольщиков. — Ты, как и та, другая незваная гостья Корды, прекрасно знаешь истинную цену пустым слухам и льстивым легендам. Опасную правду следует держать под замком, а тех, кто ее случайно узнает...

— Хочешь сказать, что я не сумею покинуть твой пустырь, раз уж узнала, что здесь творится? — бесцеремонно перебив говорящую, настороженно уточнила Тера, прикидывая как бы поскорее очнуться и добраться до заветной фляжки с настойкой из Кридаренции. О том, чтобы подойти поближе и удовлетворить свое не в меру разыгравшееся любопытство, раздумывать больше не хотелось.

Хозяйка пустыря умело расставляла сети, собираясь поймать заблудившуюся зеркальщицу так же, как и многих других до нее. Например, слабовольных прядильщиков, не сумевших дать достойный отпор и отвоевать у хищной певуни собственный рассудок. Но Тера уже давно не причисляла себя к слабакам и уж точно не собиралась позволить кому бы то ни было хозяйничать у себя в голове, будь то хоть коварная сущность из проклятой башни, хоть могущественная Верховная Корды...

Блеклая вспышка-воспоминание промелькнула перед глазами смазанным образом старой белоглазой прядильщицы и потянула за собой звонкую цепь других, более важных сведений. Рассеялся, окутывавший голову туман, отступила изматывающая боль и перестало жечь глаза. Тера вспомнила зачем прибыла в столицу и что именно ей предстоит сделать сразу, как только она избавится от наваждения и очнется.

— Надо же, какая сильная, хоть и треснувшая... И почему таким, как ты, вечно не

сидится в уюте и безопасности? Могла бы провести свою долгую, беззаботную жизнь вдалеке от Дэйлиналя и не вспоминать о том, чего уже не вернуть. Сколько из вас, стекольщиков, осталось, чтобы так бездарно растрачивать последние жизни? — с явным презрением протянула хозяйка пустыря, изобразив в воздухе неопределенный пас рукой.

Тера невольно вздрогнула, разглядев очертания длинных, изогнутых когтей, и отступила на шаг, желая увеличить, разделявшее их с духом расстояние. Та же напротив сделала несколько шагов вперед, потянув за собой темноту, словно это было податливое, накинутае на плечи покрывало. Зеркальщица прищурилась и напрягла зрение, вглядываясь в то место, где, по ее мнению, должно было располагаться жуткое, обезображенное смертью лицо. Но тень не пожелала выдавать чужих секретов, так и оставшись надежной, густой вуалью. Тогда Тера принялась высматривать заветную дверь, способную избавить ее от нежелательного знакомства со страшным духом. Однако и этот поиск не принес результата. Вокруг, на сколько хватало взгляда, была лишь непроглядная пустота, разбавленная редкими островками, слабо мерцающих, мельтешащих искорок.

— Не трудись скрывать мысли. Я и так прекрасно знаю ради чего ты явилась в мои владения и какую именно ошибку собираешься совершить в будущем. Но, к счастью для тебя, по натуре своей я слишком добра и не склонна к излишнему насилию, а потому готова не только предостеречь от глупых шагов, но и оказать неоценимую помощь, отворив для тебя на прощание городские ворота. Покинь Восточный пустырь, не потревожив покоя башни, и я не стану вредить ни тебе, ни твоему невоспитанному питомцу, посмевшему перепугать моих несчастных подопечных своим гадким лаем, — принялся искушать дух, вернувшись к первоначальному доброжелательному тону, призванному расположить собеседника и усыпить даже самые незначительные подозрения.

Но Тера не желала поддаваться и принимать за чистую монету щедрые обещания помощи. Она молча сцепила за спиной руки и принялась ждать продолжения, прекрасно зная, что оно непременно последует, как только до духа дойдет, что ни о каком поспешном бегстве с ее стороны и речи быть не может.

— А не окажешься достаточно дальновидной с первого раза, на мое дальнейшее расположение можешь даже и не рассчитывать! — вспыхнула нетерпеливая хозяйка пустыря, правильно расценив, как вызывающе вздернутый подбородок зеркальщицы, так и ее упрямый, немигающий взгляд.

— Посуди сама, милая, ты ведь останешься жива, со временем поумнееешь и обретешь счастье, если, конечно, не забудешь сменить королевство. Для тебя в моем великодушном предложении нет ни одного недостатка! А что до старинной головоломки, оставленной в моей башне на хранение, то лезть за ней, рискуя свернуть себе шею, все равно бессмысленно, уж ты мне поверь, — предприняла новую попытку изобразить подкупающую заботу хитрая сущность и на этот раз таки добилась реакции.

— Поверить тебе? — с горькой усмешкой переспросила Тера, искренне поражаясь отменному лицемерию изобретательного духа. — Да что ты знаешь о стекольщиках, раз берешься судить о нашем счастье и о том, на что следует потратить, оставшиеся у нас жизни, а на что нет?

— О, поверь, я знаю куда больше, чем ты думаешь, глупое дитя, а еще вижу то, что надежно скрыто от других! Ты никогда всерьез не задумывалась, почему тебя не удастся поймать? Ведь это так просто, достаточно встретить всего одну единственную сильную видящую на улицах Корды, где ты так любишь бывать, и все — захватывающая игра будет

окончена, а ты, гремя кандалами, отправишься на виселицу, не забыв предварительно познакомиться с главным кордским палачом и всеми его пыточными орудиями, которых, к слову, не так уж и мало.

— Всегда найдется тот, кому не суждено попасться, сколько бы не ловили, — с вызовом отчеканила Тера, мысленно ругая себя за неспособность вырваться или хотя бы благоразумно промолчать, а не позволять с такой легкостью вовлечь себя в опасную беседу. Как ничтожно мало усилий потребовалось приложить хитрому духу, чтобы у нее начало зарождаться подспудное ощущение наличия некоего зерна истины в лживых словах... А ведь это только начало!

— Что ж, вижу избавиться от тебя по-хорошему, мне все равно не удастся, а жаль, — придя к неутешительному выводу, заключила, остающаяся в тени собеседница, и тут же нехотя продолжила: — В ближайшее время явится тот, кто сумеет привести тебя в чувство. Ты же, в свою очередь, наверняка не найдешь ничего лучшего, как ринуться разграблять мою башню. Заметь, совершенно безрезультатно! И это вместо того, чтобы поблагодарить судьбу за избавление и поспешить покинуть опасное место... Впрочем, нет, есть один вариант, при котором ты все же сумеешь заполучить остатки бесполезного ключа, но для этого... — выразительно осеклась на полуслове хозяйка пустыря, делая вид, будто всерьез оценивает шансы положительного исхода дела.

— Я далеко не так наивна, чтобы заключать с тобой сделки! — возмутилась Тера, поняв куда клонит злой дух.

— А со мной и нельзя заключать сделок, — разведя руками, со смехом возразила сущность, прошелестев по полу длинными рукавами, а после, без тени веселья пояснила: — Все что я могу — это щедро одаривать, красиво петь и проявлять искреннее сочувствие. На большее моих скромных сил, увы, не хватает!

Небезосновательно усомнившись в откровенности заверения, Тера хорошенько подумала и предпочла промолчать, решив дожидаться запоздалой помощи в полном безмолвии. Злой дух не лукавил, предполагая возможность ее скорого спасения, шансы на это были действительно высоки. И раз уж ей посчастливилось каким-то чудом избежать удушения, незачем теперь испытывать судьбу и наживать себе новые неприятности. Нужно набраться терпения и подождать. Быть может прямо сейчас на ее лицо уже льют холодную, отрезвляющую воду или энергично тормозат за плечо, а она пока просто не чувствует!

— Какая же ты упрямая, — устало взялась за старое хозяйка пустыря. — А ведь я могу напеть живущим у стен башни прядильщикам, что они получают свой дар обратно, стоит лишь разорвать одну наглуую воровку, посмевшую выдавать себя за их северную сестру...

Худшие опасения Теры подтвердились. Не добившись своего хитростью, злобная тварь перешла к более действенным методам. Зеркальщица еще немного выждала, надеясь на возможность блефа, но так и не дождавшись продолжения, с грустью уверилась в том, что на этот раз обманом и не пахнет. Угроза была реальна. Тера не решилась проверять на собственном опыте насколько быстро, одержимые опасной идеей разорвать ее беззащитное тело на возвращающие магию обереги, приведут свой кровожадный план в исполнение.

— Чего же ты хочешь?

— Я? — делано удивился, моментально подобревший дух. — Ты невнимательно меня слушала, иначе запомнила бы — петь, проявлять сочувствие и одаривать, — четко выделяя каждое из действий, будто поясняя несмышленому ребенку, напомнила терпеливая шантажистка.

— Петь ты отказалась, сочувствием я уже и так сыта по горло, остается последнее, не так ли? — еле сдерживая раздражение, подытожила Тера, всеми силами выискивая хоть малейший признак того, что ее сейчас вытянут из этого жуткого омута. Но ничего, как на зло, не происходило. Она так и оставалась посреди темного холодного зала, надежно скрывавшего в своих недрах источник ее будущих проблем.

— Не трудись. Пока я не решу, что тебе пора — уйти все равно не получится, — самодовольно порадовал дух, пускаясь в неспешный обход по тeneвым участкам зала. — А теперь мои дары. Во-первых, я расскажу о том, что не так с твоими нитями. Мне больно смотреть на то, как жестоко тебя используют! Во-вторых, прикажу своему слуге не убивать тебя, когда ты явишься за оставшейся частью ключа. И в-третьих, самое приятное, то, на что ты и не смела надеяться.

— И что же это? — тяжело вздохнув, поинтересовалась Тера, готовясь услышать все что угодно, но только не то, что последовало за ее вопросом.

— Все очень просто. Я, как добрый дух из сказки, исполню одно твое желание на выбор, маленькая стекляшка, — проворковала хозяйка пустыря, наблюдая за тем, как вытягивается лицо зеркальщицы и разгораются недобрым огнем яркие синие глаза.

— Вынуждена разочаровать, умирать мне никогда не хотелось. Подобное глупое желание не озвучивалось даже в качестве фигуры речи! — бойко пресекла зарождавшееся веселье Тера. Звонкий, красивый смех духа начинал действовать на нервы и она не желала давать лишних поводов для его возникновения.

— И это все, до чего ты додумалась? Не разочаровывай меня. Уверена, ты способна на большее, подумай еще! Такой быстрый, жалкий исход совершенно не в моем вкусе. Он напрочь лишен изящества и неожиданных вариантов развития событий. Да что вообще интересного в смерти? — замерев на месте, задалась вопросом, не пожелавшая, или не сумевшая отправиться за грань души. — А пока ты придумываешь достойные варианты ответа, я, так уж и быть, раскрою небольшую, но очень важную тайну.

Глава 15.2 Призрак

Теру уже мутило и от снисходительного тона, и от той ловкости, с которой дух вел свою привычную игру в шарлатана и простака. Зеркальщица прекрасно знала все эти трюки, она сама не раз так же распаляла интерес, подбрасывая все новые и новые приманки. Ничего необычного в подобном ведении диалога для нее не было. И все же, несмотря на все свои знания и умения, избежать цепких ловушек духа было невозможно. Определенный интерес уже успел зародиться и вытравить его, казалось не такой уж легкой задачей.

— Дело в том, что все твои нити вывернуты наизнанку и переплетены заново. Потому-то ты и не попадаешься видящим. Для них тебя будто бы и нет. С одной стороны — это великий дар, а с другой — самое настоящее проклятье, какое только можно представить. Догадываешься почему? Нет? Ну, конечно же нет, да и откуда тебе знать о таком? Тонкая работа с нитями — стезя переплетающих. Каждая из нас с самого детства знает, что нельзя слишком сильно изменять рисунок полотна, иначе можно и убить. Конечно не сразу, как это делают обрывающие нити, а лишь постепенно, шаг за шагом, но не менее действенно. Правда хватит умения на такое существенное вмешательство далеко не каждой, а если уж говорить о целом полотне... Такое великое чудо под силу разве что самой Хозяйке Свечей!

— О, не сомневаюсь, более важных дел у вашей покровительницы определенно не нашлось, только возиться с нитями безвестной чужачки, не имеющей к ее городу ни малейшего отношения, — скептически вставила Тера, не поверив ни единому слову.

— Вижу ты не совсем поняла, что именно я пытаюсь до тебя донести... Но, так уж и быть, объясню понятнее. Твои нити, заметь, все до единой, оборваны и переплетены заново, а это значит, чтобы ты ни делала, прожить дольше отмеренного срока тебе все равно не удастся, — победно объявила хозяйка пустыря и замолчала, желая предоставить зеркальнице время на осмысление услышанного. Но той, как ни странно, не потребовалось и лишней секунды.

— А как же прежнее обещание долгой, счастливой жизни за пределами Дэйлиналя? — ощутив небывалое облегчение и даже развеселившись от столь нелепого обмана, решила указать на очевидный промах Тера.

— У каждого свое представление о времени и его протяженности. Двуликий состарится и умрет, а крылатый еще поживет. Один стекольщик разменяет третье столетье, а другой не доживет и до тридцати, так же и с прядильщиками. Что до тебя — то ты сама урезала срок собственной жизни, не согласившись покинуть Корду, когда я предлагала. Больше прожить не сможешь, а вот меньше — запросто! — принялся втолковывать дух, раздосадованный насмешливым тоном зеркальницы.

— И отчего же с моими нитями произошла такая беда? — с азартом подыграла Тера, желая услышать продолжение сказочной истории о живых мертвецах, свободно расхаживающих по земле с оборванными нитями.

— От того, недоверчивая стекляшка, что лишь так можно сохранить старые узлы и тем самым дать шанс на исполнение нерушимых клятв, — неожиданно оказавшись за спиной, прошипел в самое ухо дух и тут же растворился в воздухе, стоило Тере обернуться. — Или может ты думала, будто по доброй воле гоняешься за ключом от запертого стеклянного города, каждый раз рискуя жизнью? — глумливо принялся сеять сомнения дух, вновь оказавшись за спиной у Теры.

— Что еще за узлы? — не двигаясь с места, даже не поворачивая головы, сквозь зубы прорычала Тера.

Она с ужасом начинала осознавать, что все далеко не так просто, как казалось на первый взгляд. Злобный дух мог сколько угодно врать и хитрить, но ее собственные мотивы! Они столько лет казались такими прочными и нерушимыми, а главное — никогда не подвергались сомнениям. Именно это вызывало подозрения.

— Три старых узла — это все, что осталось от прежнего полотна. Нерушимая клятва, завязанная на жизни, чье-то выполненное обещание и добровольное согласие на месть. О клятве легко догадаться — отвори двери Вельды, и она будет исполнена. Не ясно правда, останешься ли ты после этого жива... На втором узле странный след. Никогда прежде ничего подобного не видела. Но обещание уже выполнено, а раз так, то вряд ли для тебя что-то изменится, даже если не узнаешь, о чем оно было. Что могло произойти — уже произошло. А вот последний узел — это поразительный по своей безжалостности приговор, стекляшка, и о нем я тебе не расскажу, как и о сроке твоей предполагаемой жизни. И не смотри на меня так! Я ведь не чудовище, чтобы настолько портить твою и без того нелегкую жизнь. Ты, по сути своей, маленький, полуживой довесок к ключу, как бы печально это не звучало... И мой тебе дружеский совет — откажись от глупой затеи и не бери узлы. В дали от Дэйлиналя они сами собой затихнут и перестанут разбивать тебя на куски. Пойми, наконец, Вельды нет и больше не будет, а ты еще существуешь и только от твоих осознанных решений зависит надолго ли!

— Прядильщики поплатятся за то, что совершили, даже если за это мне придется

заплатить собственной жизнью! — гордо расправив плечи, решительно заявила Тера, чувствуя, как медленно, но неотвратимо рушится ее привычный мир.

Она все еще не хотела верить проклятому духу, но уже не могла заставить себя не слушать. Жестокие слова разили словно отравленные стрелы, в то время как в ее распоряжении не оказалось даже самого плохонького щита... Лишь одинокая стойкая вера, что такого просто не может быть. Несгибаемая, мужественная уверенность загоразивала ее своим телом, принимая одну жестокую рану за другой, до последнего надеясь устоять и не поддаться.

— Как знаешь... Но не печалься, маленькая отважная стекляшка! На всю Корду, ты не единственная обладательница несчастливого полотна. И заметь — длина твоей жизни с лихвой обгоняет ту, что отмерена во втором случае. Есть правда небольшая оговорка — та жизнь всецело зависит от твоей, она к ней накрепко привязана и отвязать, увы, не удастся. Решешь покинуть Корду с пустыми руками, будешь избавлена от роли убийцы дорогого твоему сердцу существа, а нет... Выйдет совсем скверно, уж ты мне поверь! — принялась сочувственно заламывать руки «сердобольная» хозяйка пустыря.

Сейчас в тени оставалось лишь ее лицо. Даже, поблескивающий в неверном свете венеч Верховной, и тот стал явственно различим, а с ним и тяжелые черные косы, змеящиеся вдоль расшитого золотом, кроваво красного платья. Не будь Тера так занята собственными мыслями, непременно обратила бы внимания на все эти странности, но сейчас ее интересовала лишь, поведенная глумливой тварью, новость.

— Подумай хорошенько, стоит ли груда древнего стекла всех тех лет, что пройдут для тебя в беспросветном, разъедающем изнутри горе? Не исключен вариант, что именно эта возможная утрата — та самая причина, из-за которой от тебя не отвяжется Безумие. Стекольщики хрупки в своих привязанностях и мало приспособлены к потерям. В особенности, бедные зеркальщики... Иметь короткую память порой куда безопаснее и практичнее, не находишь? — как бы между прочим, поинтересовался дух, поигрывая длинным золотистым поясом.

— Чья именно жизнь привязана к моей? Отвечай, дух! — не сумев совладать с нахлынувшими эмоциями, выкрикнула Тера. — Хотя нет, молчи! Ты ведь обо всем солгала, надеясь поскорее избавиться от меня... Верно?

Такого изощренного издевательства Тера уже не могла стерпеть. Ее буквально разрывало от бешенства. Хотелось закричать во всю силу легких или швырнуть чем-нибудь увесистым в подлого духа, чтобы тот растаял и прекратил изводить ее своими жестокими, вызывающими необъяснимое доверие речами.

Тера задыхалась, как тогда, когда на ее шее сомкнулись горячие, цепкие пальцы сумасшедшего прядильщика. Было так больно и страшно! Только на этот раз не за себя, а за тех немногих, кого она искренне любила и кем дорожила гораздо больше, нежели самой собой. Ядовитая стрела сомнений угодила в самое сердце. Больше защитить ее было некому, стойкая вера в абсурдность рассказанной духом истории, окончательно пала...

— Да будь ты проклят, мерзкий, лживый призрак! Неужели правда думаешь, будто я поверю твоим обманчивым речам и откажусь от Вельды, а за одно и от помощи Боривалу лишь потому, что ты сочинила захватывающую страшную сказку? — с жаром выкрикивала в пустоту Тера, захлебываясь от беспомощности и отчаяния.

Была ли она на самом деле способна обменять жизнь кого-то из своих близких на призрачный шанс вернуть Дэйлиналю легендарный город стекольщиков? Стоило ли оно

того? Ответа она не знала и не желала узнавать, до дрожи в коленях боясь, что может оказаться не такой, какой считала себя все эти годы. Но как именно следовало поступить, чтобы не ошибиться? И стоило ли вообще предпринимать какие-то действия?

Злой дух башни исчез, так ничего и не ответив, а разбитая зеркальщица осталась в полумраке, наедине с подтачивающими тревогами и доводящими до исступления дурными предчувствиями. Измученная и уже ни в чем не уверенная, она бродила по необъятному залу, распугивая светящиеся искорки и не замечала непроглядной темноты, в которую незаметно для себя, то и дело забредала. Была ли хоть крупица правды в невероятном рассказе духа? Или он все-таки целиком состоял из одной лишь лжи?

Хозяйка пустыря мастерски добилась своего — подтолкнула к безумию и отобрала у зеркальщицы нечто важное. Вначале Тера этого даже не почувствовала, но шли минуты, а может дни, и она с ужасом поняла, что больше не чувствует собственной магии. Утекали воспоминания, расплывались знакомые лица, но с этим ничего нельзя было поделать. Постепенно исчезала и она сама...

— Мне нельзя выносить из Корды головоломку, нельзя выносить головоломку, нельзя выносить, не выносить, головоломка останется в Корде, я не могу вынести головоломку... — так и эдак переставляя слова, как безумная, шептала Тера, раскачиваясь вперед-назад, обеими руками держась за голову и не замечая, как островки искорок уходят от нее все дальше и дальше.

— Вижу, ты наконец осознала свою ошибку, — раздался откуда-то сбоку холодный, утомленный голос. — Мне правда жаль, но обстоятельства изменились и теперь я не могу отпустить тебя, позволив унести с собой воспоминания о нашей маленькой беседе. Разрешить остаться здесь — так же не в моей власти, а потому ты уйдешь, оставив в залог все, что я тебе рассказала. Опасную правду следует держать под замком и доверять лишь тем, кто способен ее вынести. Ты оказалась не способна, впрочем, как и я когда-то давно. Но пойми меня правильно, хоть ты и стекольщица, я все равно не желаю тебе той же участи, какая постигла меня, поэтому и отпускаю!

— Не поступай со мной так! Я не хочу, слышишь? Не хочу больше бороться за то, во что меня заставили поверить и не хочу никого терять. Я покину Дэйлиналь и поклянусь больше никогда не возвращаться, — еле слышно прошептала Тера, с трудом оторвав от пола больной, воспаленный взгляд и впервые заглянув в лицо духа.

Сейчас ее уже не могли ужаснуть ни абсолютно черные глаза, ни жуткие ожоги, изуродовавшие, некогда прекрасное лицо. Она забыла что такое обыденный страх и перестала удивляться. Ей уже не было больно, холодно или неудобно, тьма выела все, оставив лишь пустую, безжизненную оболочку.

— Всегда найдется то, что сумеет сломать даже самого стойкого и сильного, — с необъяснимой грустью проговорила хозяйка пустыря, нежно коснувшись непослушных коротких волос Теры. — Правду говорят, что героями не рождаются, ими действительно становятся. Вот только далеко не всегда один и тот же верный путь удастся пройти дважды. Отпусти я тебя с этими воспоминаниями сейчас, и ты бы пошла иной дорогой. Но я не могу. А потому, мне остается лишь исполнить твое желание. Выбирай с умом и, возможно, хоть каких-то несчастий удастся избежать. Поверь, до вчерашней ночи Вельде действительно стоило оставаться запертой. Так было лучше и для тебя, и для всего королевства. Но, как я уже сказала, обстоятельства изменились и то, что еще вчера казалось единственно правильным, сегодня вновь стало ложным... Я не обманываю тебя и не стремлюсь

навредить. Знай, стекольщица, триста лет назад прядильщикам просто не оставили другого выбора. Не закрой Верховная Хильда Вельду, Дэйлиналю пришел бы конец. Сейчас в это сложно поверить, но тогда она приняла единственно верное, хоть и на редкость скверное решение. Ты мне веришь?

— Да, теперь я тебе верю... — глухо отозвалась Тера, сосредоточив все свое внимание на выдирании из края рубашки небольшого, кособокого лоскута. — Каким из своих желаний я должна воспользоваться?

— Попадись и, быть может, тогда все изменится, — принимая из дрожащих, ледяных пальцев клочок белой ткани, ровно, без насмешки предположил дух.

— Я должна сдаться? — равнодушно переспросила Тера, зябко обхватив себя за плечи.

— Нет, милая, так ты ничего не изменишь. К тому же, я все равно не отдам тебе воспоминание об этом решении, а сама ты не сумеешь вспомнить.

— Тогда что мне делать? — отстраненно разглядывая перехваченную в полете одинокую слезинку, тихо спросила Тера.

— Дай свое добровольное согласие на мой дар и я позабочусь, чтобы твое странное желание сбылось. Не представляю, как и почему оно у тебя возникло, но это желание оказалось не только достаточно сильным, но и удивительно светлым. С его исполнением узор полотна изменится и, если повезет, это спасет не только тебя, но и того, кто связан с тобой общей нитью, — пояснила хозяйка пустыря, внимательно вглядываясь в лоскуток и осторожно перетягивая одну нить за другой.

— Кто именно может умереть, если я все же доберусь до Вельды и открою двери? — набравшись храбрости, задала свой самый болезненный вопрос Тера.

— Я не вижу ни лица, ни имени. Знаю лишь, что эта душа очень важна для тебя. Так было до того, как ваши нити вывернули наизнанку и так же осталось после.

— Почему именно я? — напоследок спокойно поинтересовалась Тера, поднявшись с пола и встав напротив древнего духа, бывшего некогда одной из далеких Верховных прядильщиц Корды.

— В свое время, я задала тот же вопрос, но так и не получила ответа, — горько усмехнувшись, поделилась печалью призрачная прядильщица.

— А твой выбор, он был правильным? — продолжила допытываться Тера, пока хозяйка пустыря заново переплетала тонкие белые ниточки.

— Не существует правильных или неправильных решений. Есть лишь те, что приводят к определенным последствиям. Я боролась до последнего и сделала все, что от меня зависело. Никакой благодарности и признания моих заслуг перед народом не последовало, как и долгой, счастливой жизни, если это тебя интересует.

Тера внимательнее вгляделась в лицо духа и, наконец, обратила внимание на странности. Черные глаза и черные волосы... Ни одна видящая, переплетающая или обрывающая нити не могла так выглядеть. Зеркальщица уже открыла рот, чтобы спросить об этом, как дух неожиданно сильно сжал ее предплечье и с жаром заговорил, спеша поделиться последними наставлениями.

— Не касайся вод Злого моря и не делись своей кровью с его детьми, иначе он учует тебя и найдет. А если все-таки попадешься, не проси пощады и не заключай сделок!

— О ком ты говоришь? Я не понимаю, — ухватившись за рукав Верховной, прокричала Тера, чувствуя, как не вовремя ее начало затягивать обратно, в мир живых.

— О том, кому этой ночью помог... — продолжения Тера уже не расслышала.

Призрак прядильщицы растаял, а мрачный зал, вначале резко наполнился светом и звуками, а после пошел трещинами и лопнул. Тера еще успела инстинктивно выставить руки, закрываясь от града обломков, но те так и не достигли ее, на лету обратившись в большие перепуганные глаза, нависшего над ней нежданного спасителя. Тера вернулась обратно, унеся с собой из полумрака лишь одну, намертво врезавшуюся в память фразу.

Глава 16.1 За шаг до излома судьбы

Жизнь за жизнь — лязг, услуга за услугу — звяк, звяк... Неумолимые звенья единой невидимой цепи, объединяющей народы, города и целые королевства, беспокойно зашевелились, забряцали и, словно нехотя, поползли в сторону полуразрушенной каменной арки, где так неосмотрительно прятались чудом уцелевшие беглянки.

Благодарность за бескорыстие — щелк, клац! Очередной увесистый замок совести отыскал свободную шею и без труда занял, причитающееся ему по праву место. Невесомая и вместе с тем удивительно прочная цепь неспешно дала пару широких витков вокруг тела пухленькой перепуганной девчушки, как следует разлеглась по плечам, обманчиво мирно притихла, поблескивая стальными гнутыми кольцами в лучах утреннего холодного солнца, а после, неожиданно резко, выдернула беспечную пленницу наружу и поволокла за собой к борющимся у развалин часовни прядильщикам, прочь от спасительной темной ниши.

Хватило всего одного беглого взгляда, чтобы понять невероятное — у молодой северянки не было и шанса, что крайне удивляло, возвращенного на старинных преданиях и сказочных небылицах, ребенка. Могущественный образ седовласой, белоглазой прядильщицы, одетой в традиционное бордовое платье, подпоясанное тонкой веревкой, никак не вязался с резвыми прыжками и увертками. И если все эти неподобающие северным сестрам рывки и скачки еще можно было принять за хитрые колдовские танцы, то как воспринимать недавний поток чудовищной брани, с которым разгневанная прядильщица обрушилась на сумасшедшего собрата? Чем дальше маленькая двуликая наблюдала за происходящим, тем сильнее крепили ее подозрения о подлинности происхождения вертлявой прядильщицы.

Завершающим штрихом полного разоблачения стал, неожиданно покинувший голову хозяйки, парик. Ни грозной магии нитей, ни надменной сдержанности, ни даже приметных, слишком рано поседевших кос у «северянки» на самом-то деле не было, как не было и особых причин ввязываться в схватку с превосходящим ее грубой силой противником...

Взревел, разозленный подлогом, сумасшедший. Отбросил в сторону изодранный белый парик, после чего одним резким прыжком очутился возле удирающей лжесестры. Громадный прядильщик с размаху навалился всем своим весом на хрупкую девушку и с остервенением принялся душить ее. Та — отчаянно отбивалась и брыкалась, стараясь высвободиться из рук убийцы, но куда там... Финал схватки был предрешен уже в тот момент, когда юркая, как ящерица, незнакомка очутилась на земле и не сумела вовремя подняться. Ей еще крупно повезло, что в руках безумного прядильщика не оказалось смертоносного серпа. Хотя, что толку думать о мимолетном везении, когда ее душа готовилась вот-вот отправиться за грань, а за ней, быть может, и их души, ведь маньяк вряд ли забыл о своих первоначальных планах на пушистые шубки двух маленьких двуликих?

Побледневшая, дрожащая от страха девчонка, не желала и дальше наблюдать за жуткой картиной со стороны и надеяться на лучшее, уже сейчас прекрасно понимая, что завершиться неравный бой может лишь одним. К тому же, кем бы ни была на самом деле неудачливая спасительница и что бы не замышляла до их появления на пустыре, она не

задумываясь заступилась, рискнув собственной жизнью, а значит нельзя было взять и отвернуться, будто ничего не произошло, когда сама она заняла освободившееся место смертницы. Так честные двуликие не поступают!

Окончательно уверившись в необходимости вмешательства, девочка медленно наклонилась, стараясь не шуметь и не привлекать к своим действиям лишнего внимания, подобрала с земли увесистый булыжник, сжала крепче и неслышно двинулась вперед. Острые сколы камня обдирали нежную кожу, холодя и без того озябшую ладонь. Короткие слабые пальцы побелели от напряжения и мелко задрожали. До чего же не хотелось подходить к здоровенному, рычащему похлеще иного зверя, прядильщику. Было откровенно жутко, однако, иного выбора не оставалось. Волны мурашек проносились по всему телу, норовя, если не предотвратить, то хоть замедлить самоубийственный порыв, но что-то необъяснимое не позволяло развернуться и убежать. Особое чувство добровольного долга ощутимо подталкивало в спину, нашептывая красивые слова давно позабытых героических песен старого Боривала. Почти в каждой из них пелось о непобедимых воинах и славных подвигах, а еще о том, что за союзников следовало держаться, как за себя самих, иначе победа, какой бы великой и славной та ни была, никогда не станет залогом долгой и спокойной жизни.

Маленькая двулика прекрасно помнила эти, пропитанные далекой мудростью песни, служившие и ей, и ее многочисленным старшим братьям колыбельными. Сейчас старинные строки одна за другой всплывали в памяти и здорово поддерживали, унимая дрожь в пальцах и подбадривая. Шаг за шагом она молча преодолевала, разделявшее ее и, угасающую спасительницу, расстояние; напрочь игнорируя отчаянные крики, оставшейся далеко позади подруги, не поспевающей следом из-за основательно распухшей, подвернутой ноги.

В широко распахнутых медово-карих глазах ребенка застыла ни с чем не сравнимая, упрямая решимость, присущая одним лишь детям, еще не научившимся взвешивать последствия собственных поступков, зато прекрасно разобравшихся во взаимосвязи настойчивости и вероятности получения желаемого. А желала маленькая двулика лишь одного — чтобы страшный прядильщик не заподозрил неладное слишком быстро и не обернулся в самый неподходящий момент.

Хладнокровное наваждение схлынуло лишь в тот момент, когда грузное тело учителя рвано дернулось, на миг застыло, словно в неверии, что все это происходит на самом деле, обмякло и грузно завалилось на бок. Как нельзя кстати подвернувшийся под руку камень, в разы потяжелел и заметно побурел, недвусмысленно намекая на свою и ее роль в развязке грубо прерванного драматического действия. Окровавленный булыжник все тяжелел и тяжелел, продолжая больно впиваться в ладонь и ужасать одним своим видом. Но, несмотря на это, маленькая двулика не могла заставить себя разжать пальцы и выпустить орудие мести. Бессмысленный взгляд метался вдоль трещин и сколов, отмечая мельчайшие изменения в расплывающемся темном пятне, цеплялся за каждый бугорок, и становился все обреченнее. Разбегались пугливые мысли, а с ними и тонкие ручейки запоздалых слез. Краткосрочный воинственный запал угас, оставив после себя тусклый дымок растерянности и непонимания.

С трудом поборов накативший приступ дурноты, девочка все же сумела разжать пальцы и неуклюже наклонила ладонь, будто надеясь, что роковой камень сам спрыгнет на землю, уподобившись ворчливой, потревоженной лягушке. Но тот видно не догадывался о возложенных на него ожиданиях и не желал так просто покидать теплое, насиженное место,

до последнего цепляясь за тонкую кожу и оставляя на ней мелкие, припорошенные каменной крошкой царапины. Двулика отчетливо видела, как камень все же опустился на землю, взметнув небольшое облачко пыли, но так и не расслышала удара. Внешние звуки не долетали до ее слуха, увязая в гулкой барабанной дробе, разошедшегося от запоздалого испуга сердца.

Неуклюже отступив на шаг, девочка едва не полетела на землю, споткнувшись о длинные ноги, распростертого на земле прядильщика. Ей совершенно не хотелось узнавать, что стало с его головой и жив ли он еще. Вполне хватало и успокаивающей нелогичной надежды, что враг всего лишь оглушен и уже совсем скоро очнется... Все же она не была убийцей ранее и не собиралась становиться таковой в будущем! Вот только что делать, если злобный прядильщик очнется, а она все еще будет находиться поблизости? Спасительного камня в руках нет, преимущество неожиданности утрачено, а сама она не слишком прыткий бегун. То ли дело легкая, как перышко Виви, но и та не убежит далеко с такой-то ногой.

Услужливая фантазия моментально обрисовала безрадостную перспективу новой погони, из-за чего двуликую заметно передернуло. Следовало бежать и прятаться, пока не поздно, но ноги отчего-то не желали слушаться. Становилось все холоднее. Очередной порыва ветра вынудил сжаться и обхватить себя за плечи, надеясь хоть так удержать последнее тепло. Но и этого оказалось недостаточно. Тогда маленькая двулика поглубже зарылась носом в пушистый, мягкий шарф, успокаивающе пахнувший домом и совсем немного сладкими булочками. До боли зажмурив глаза, девочка представила уютную, безопасную гостиную, весело похрустывающий поленьями камин и упитанную домашнюю кошку, постояла так минутку, собираясь с мыслями, после чего распахнула глаза и медленно опустилась на колени возле поддельной прядильщицы. Плакать и жалеть себя больше не хотелось, неумное детское любопытство вытеснило страх и придало уверенности.

Стоило ей податься вперед и присмотреться, как стал отчетливо различим искусный грим. Нечто подобное маленькая пронира не раз видела на лицах актеров, дававших разнообразные увлекательные представления на сцене малого боривальского театра, расположенного как раз напротив ее дома. Слишком часто восторженная зрительница тайком пробиралась за кулисы и с упоением рассматривала красивые баночки с пудрами, красками и белилами, чтобы не заметить на лице незнакомки следы кистей и пуховок, пусть и в таком тщательно проработанном, правдоподобном образе. К тому же были и более веские доказательства, чем ее догадки. Умелая маска пережила ожесточенный бой, не поддавалась губительному воздействию песка и сажи, но не сумела устоять под натиском самых обыкновенных слез, проложивших сквозь слои краски, едва заметные, поблескивающие дорожки.

По хрупкому телу фальшивой прядильщицы то и дело прокатывались волны судорог. Она нервно дергалась и извивалась, силясь то разодрать короткими ногтями горло, то загresti побольше мелких камешков или сжать в кулаках пару пучков пожухлой серой травы, чтобы уже через секунду зло зашипеть и швырнуть все набранное в незримого, вызывающего приступы бешенства, противника.

Поначалу девчушка не на шутку перепугалась и отшатнулась, даже подскочила, собираясь удрать, но передумала... А вскоре незнакомка надрывно закашлялась, сжалась в комочек и принялась быстро неразборчиво шептать. Паника отступила так же быстро, как и появилась, уступив место жалости и сочувствию. Двулика вновь опустилась на землю, протянула подрагивающую руку и осторожно коснулась щеки незнакомки. Что-то с той было

явно не так! Девочка не сразу поняла, что именно ее так смутило, а догадавшись, отдернула пальцы и предусмотрительно отползла подальше. От бледной кожи чужачки веяло нестерпимым холодом, непривычно твердая и скользкая, она совсем не походила на кожу двуликих или крылатых. Трогать прядильщиков ребенку не доводилось, но несмотря на это, девочка сильно сомневалась, что для них подобное состояние в порядке вещей. Растерев между подушечками пальцев приставшую белую краску, маленькая двулика нахмурилась, закусила губу и с грустью припомнила, как язвительно отзывались о суеверных трусах старшие братья, никто из них точно не напридумывал бы всякого, а она!

— Эй, — через силу заставила себя еле слышно позвать странную незнакомку двулика. — Очнитесь, пожалуйста...

Тихая, срывающаяся просьба вышла робкой, жалобной и на редкость необедительной. На миг показалось, что даже крупные банты, не дававшие растрепаться ее коротким задорным хвостикам, в раз потускнели и растеряли половину своего внушительного объема. Так совсем не годилось! Решительно прочистив горло, двулика для храбрости покрепче ухватилась за концы ярко-оранжевого шарфа и смело нависла над холодной чужачкой, подспудно надеясь разглядеть первые признаки пробуждения заранее и успеть отскочить, если что-то опять пойдет не так, как она рассчитывала.

— Госпожа актриса, очнитесь... Все уже хорошо, никто Вас больше не душит! — с наигранной бодростью и воодушевлением приступила к делу раскрасневшаяся от волнения девчушка, отважившись потыкать девушку пальцем в плечо.

Ни ответа, ни долгожданного пробуждения не последовало. Зато возобновились судороги, а невнятный шепот стал более отрывистым и яростным. Складывалось впечатление, будто она спорит с невидимым собеседником и всеми силами старается ему что-то доказать. Разобрать хриплые реплики по-прежнему не удавалось, лишь разрозненные слова и восклицания, слишком уж быстро и тихо та говорила.

— Да что же ты творишь, пустоголовая? Немедленно отойди от нее, Тэмми!

Вслушиваясь в неразборчивые слова лжепрядильщицы, девочка не заметила, как за ее спиной очутилась вторая жертва праздничного невезения. Тяжело хромая и шипя от боли, Виви все же сумела доковылять до своей отчаянной подруги и теперь имела возможность оценить всю незавидность их положения, рассмотрев не только имевшихся в непосредственной близости двух, уже виденных ранее сумасшедших прядильщиков, но и маячащую в отдалении толпу новых, жмущихся к стенам башни и старательно отступающих от чего-то или кого-то, не попадавшего в поле зрения.

— Мы не можем ее вот-так оставить. Она, между прочим, спасла наши жизни, — возмутилась Тэмми, смерив подругу прямым, негодующим взглядом. — Иногда у меня складывается впечатление, что тебя, Виви, господину мэру попросту подбросили, такая ты трусливая и неблагодарная!

— Можно подумать я это впервые слышу! — пожав плечами и нисколько не расстроившись из-за злобного выпада, парировала худенькая, веснушчатая девочка и тут же, гордо задрав курносый нос, напомнила: — Отец велел нам бежать со всех ног, прятаться и не высовываться пока он сам, или, на худой конец, госпожа Прыгги, не отыщут нас и не заберут домой, подальше от этой дурацкой Корды и всех ее неприятностей!

— Да как ты можешь? Взрослые так храбро сражаются за Боривал... И почему это интересно, кухня Харриэт — «на худой конец»? — передразнив заносчивый, писклявый голосок Виви, осведомилась, раздосадованная Тэмми. — Да она, чтоб ты знала, самая

лучшая, храбрая и... и ответственная, вот!

— Ага, как же, ответственная, наверное, именно поэтому мы торчим здесь и отбиваемся от всяких полоумных в то время, как твоя замечательная кухня сама наверняка ввязалась в какие-нибудь неприятности и думать забыла о том, что ей поручили следить за нами! — ничуть не проникшись хвалебными речами в адрес отцовского секретаря, продолжала негодовать Виви. Харриэт она терпеть не могла и особых надежд на ее своевременное появление не возлагала.

— И ничего она про нас не забыла, просто не может отыскать. Сама посуди, ну кто станет искать в таком отвратительном месте? А ведь это была твоя дурацкая идея спрятаться среди развалин. Именно ты сказала, что сюда никто не сунется, потому что у места дурная слава. А еще уверяла, что раз сами мы не из Корды, то на нас неприятности не перекинутся, — продолжила передразнивать, медленно закипающую подругу, Тэмми. Но та сдержалась и снова не отреагировала, вместо отповеди молча сунула руку в карман изрядно перепачканного, но все еще довольно нарядного шерстяного плащика, медленно выудила за толстую серебряную цепочку щербатый деревянный кругляш и поболтала им из стороны в сторону.

— Легче всего отыскать на свободном пространстве, где нет толпы посторонних, увешанных гроздьями, сбивающих со следа артефактов, так отец говорит. А на этом пустыре, как ты уже могла заметить, нет ни бесконечных улиц, ни переулков, ни тупиков, да и других гостей города тоже что-то не видно, — самодовольно оправдала досадную ошибку Виви, продолжая поигрывать простеньким украшением.

Вопреки всей своей неказистости, редкая вещица стояла целое состояние и обладала удивительными свойствами. Парные артефакты-маячки прокладывали кратчайшие возможные пути от одного к другому и никогда не ошибались, даже если их разводило по разным королевствам.

Глава 16.2 За шаг до излома судьбы

— Но она спасла нас... — намеренно игнорируя сокрушительные доводы подруги, резко переменяла тему для разговора Тэмми, опасно разглядывая притихшую незнакомку.

— А ты в свою очередь спасла ее, треснув того чокнутого булыжником по макушке и теперь мы в расчете, — припечатала Виви, указывая пальцем на поверженного врага. Больше она его не боялась. Куда как сильнее беспокоили сгрудившиеся в отдалении оборванцы, а точнее то, что напугало их до такой степени, после чего все они замерли у подножья башни и не шевелились, словно боясь выдать себя неосторожным жестом или шагом. Дальние развалины частично загораживали обзор, не давая оценить всю картину целиком, но не мешали вслушиваться. Вскоре Виви различила, усиленный эхом, низкий утробный рык.

— А это еще что такое сейчас было? — воинственно вздернув подбородок, пробурчала, вечно ни к месту храбрящаяся Тэмми, чем немало раздосадовала перенервничавшую, злую подругу. — И все-таки нельзя отвечать черной неблагодарностью на помощь. Ты только посмотри, она уже успокоилась и совсем не дергается.

— Может умерла? — невпопад бросила Виви, продолжая сосредоточенно разглядывать неподвижную толпу. Тэмми надулась, открыла было рот, чтобы ответить, но передумала и решила попытаться нащупать у незнакомки пульс, как это проделывал старинный друг семьи, ученый боривальский целитель. Но то ли она как-то не так нажимала, то ли участок шеи был выбран не самый подходящий, обнаружить признаки жизни так и не удалось. Как и прежде, захотелось поскорее убрать руку. Холодная кожа напоминала гладкий,

наполированный камень или толстое новенькое стекло, такая же твердая, скользкая и безжизненная.

Но не успела маленькая двулика отстраниться или хотя бы отвести взгляд, как длинные, пушистые ресницы незнакомки дрогнули и медленно поползли вверх. И уж лучше бы приоткрывшиеся вслед за ними глаза оказались белыми, как у всех ранее виданных, самых страшных прядильщиков! Но увы, под воспаленными веками скрывались иные глаза — ясные, отражающие солнечные лучи, окутанные еле заметным, красноватым свечением. На месте привычных глазных яблок сияли бездонные, затягивающие зеркала. Невольно заглянув в них, девочка ужаснулась и моментально позабыла обо всех, пережитых за кровавую Ночь Свечей ужасах. То, что таилось в глубине зеркальных глаз, было не только страшнее, но и в разы опаснее. Стекланные омуты лишали воли, не позволяли дернуться и все тянули, тянули на себя нечто важное, делающее Тэмми самой собой. Или, быть может, они вытягивали из нее саму жизнь?

Тэмми не могла защититься от беды, все на что ее хватило — это короткий, жалобный, полузадушенный всхлип, но и этого оказалось достаточно, чтобы привлечь чуткое внимание Виви. Маленькая злюка не стала разбираться в причинах необычного поведения подруги, а поступила так, как поступала всегда — вначале сделать все возможное, чтобы оказаться подальше от источника проблем и только потом уже выяснять что это, собственно говоря, было. Резво оттолкнувшись от замшелого валуна, служившего все это время надежной опорой, она решительно пропрыгала, разделявшее их расстояние, на здоровой ноге, поджимая вывихнутую и, что есть сил дернула на себя Тэмми. Рывок вышел знатным, несопротивляющаяся подруга стремительно отлетела назад, сбивая с ног Виви и, падая за ней следом.

— Я ведь тебя предупреждала, что от нее следует держаться подальше! Но разве ты меня хоть когда-то слушала? — ворчала, взбешенная двулика, держась за отбитый локоть. — Да что с тобой творится? Ну ответь же!

Виновница переполоха пошевелилась и медленно подняла руку, прикрывая широким рукавом лицо от солнца. Это неторопливое движение совсем не понравилось Виви. Она замолкла и перешла от бесполезных вопросов к действиям — не отводя взгляда от приходящей в себя прядильщицы, девочка с размаху залепила обмякшей Тэмми звонкую пощечину. Та ойкнула и моментально пришла в себя. Среагировала на звук и, напугавшая ее, незнакомка — медленно тяжело приподнялась на локтях и уже собиралась обернуться, когда побледневшая, осунувшаяся, как после долгой болезни Тэмми, неожиданно резво вскочила на ноги, вздернула за руку Виви и, не оборачиваясь, со всех ног понеслась обратно к арке.

— Шевелись, эта еще хуже! — жалобно пискнула до смерти перепуганная Тэмми, волоча за собой, еле поспевающую, вопящую от боли в ноге Виви. Благородный настрой на ответную помощь испарился как не бывало, оставив после себя лишь ужас и надежду, что страшная незнакомка все же не станет нападать на них, как и оставшийся лежать лицом вниз, сумасшедший прядильщик, невесть за что, едва не располосовавший их серпом.

— Пойдите, — раздалась вдогонку хрипая, надрывная просьба, сопровождаемая слабым взмахом руки, в тщетной попытке поймать хоть одну из уносящихся прочь девчонок. Расслышав сиплый зов, маленькие двуликие слаженно завизжали и еще ускорились, хотя до этого считали, будто и так несутся на пределе своих возможностей.

— Ловцова Корда и все ее обитатели... — кряхтя и постанывая, принялась ругаться Тера, стараясь одновременно подняться на ноги и стянуть через голову, порядком

поднадоевшее, разорванное в нескольких местах платье, под которым обнаружилась плотная белая рубашка, неброский полосатый жилет с карманами и крепкие кожаные штаны, перетянутые тонкими, прочными ремешками.

Разлетались во все стороны маленькие, незаметные пуговицы, трещали швы несчастливого одеяния северянок, ныли отбитые в схватке с прядильщиком ребра и никак не желал утихать неясный гул, напоминающий то ли пьяные возгласы, то ли...

Завертевшись на месте, Тера едва не споткнулась о тело неподвижного прядильщика, выругалась сквозь зубы, с размаху припечатала подол вывернутого платья ботинком к земле и резко дернула ткань вниз. Раздался финальный протестующий треск и, раскрасневшаяся от натуги пленница, выбралась на свободу, растеряв половину мастерского грима и окончательно придя в себя после вынужденного отдыха на камнях.

Немного отдышавшись, оперев руки в колени, зеркальщица помотала головой, морщась от дикой боли в передавленной шее, похлопала себя по щекам, отгоняя остатки заторможенности, и постаралась размять затекшие плечи. Резвая попытка не увенчалась успехом, правая рука никак не желала слушаться и подниматься вверх, упорно соперничая по доставляемому неудобством и с шеей, и с ребрами. Убедившись, что других сюрпризов не предвидится, Тера сложила ладонь лодочкой, поднесла к лицу и уставилась в сторону видневшегося вдалеке храма.

Новая точка обзора не шла ни в какие сравнения с прежней, но и ее вполне хватило, чтобы уже через минуту Тера, забывшись, попыталась довольно присвистнуть. До боли знакомая, унылая картина существенно преобразилась и, судя по всему, именно эти немислимые изменения послужили источником невообразимого шума, предоставившего ей шанс на спасение от удара серпом. Мало того что ни о каком огне, пусть хоть прошлогоднем, слабеньком, больше и речи не было, так еще и количество башен заметно сократилось, особенно справа от шпилья, которого так же нельзя было разглядеть. Главный храм Корды остался без святыни, а значит, ритуал все же удался сорвать и с каким потрясающим размахом!

— Ну хоть что-то хорошее... — еще не зная, как именно реагировать на масштабные разрушения, хрипло протянула Тера, мысленно перебирая варианты развития событий, при которых выстрел Ригби мог нанести прядильщикам настолько впечатляющий урон.

Однако лишнего времени по-прежнему не было, а потому Тера отложила разгадку на потом. Присев на широкую, обугленную балку, она одной рукой ловко отстегнула не раз выручавшую ее, походную флягу, закрепленную вместе с двумя короткими клинками с внутренней стороны бедра, отвинтила зубами крышку и отпив несколько крупных глотков, прислушалась к себе и своей магии. Для верности, пришлось приложиться к целебной горькой настойке еще раз, а потом и еще. Ополовиненная фляга отправилась в карман штанов, в голове постепенно просветлело, даже горло перестало так нещадно саднить, но вот магия не отзывалась и молчание ее было куда красноречивее, чем любые объяснения. Тера прекрасно знала, после чего зеркала отворачивались от нее и затихали, но не могла взять в толк отчего подобное происходило сейчас, когда она даже и не помышляла о сложных ритуалах или хоть сколько-нибудь значимом колдовстве.

— Я не могу вынести головоломку... — наконец по частям озвучила она, смутно знакомую, навязчиво вертевшуюся на языке фразу. — Ах вот оно что, опять поистратилась на общение с милым деревцем, — устало развернувшись в сторону башни, прошептала Тера, предчувствуя очередные осложнения, как и в случае с проклятым кордским луком, да так и

застыла на месте, не в силах оторваться от немой сцены.

Неповоротливые, озлобленные на весь мир жители пустыря, больше не ссорились между собой и не блуждали среди руин в поисках чего-то неведомого. Все они столпились у стен башни и, как один, уставились куда-то в сторону. Прищурившись, Тера попыталась рассмотреть, что же так заинтересовало безумцев, и тут же вспомнила о недавнем неясном гуле. Именно такие звуки издавали «сгоревшие», натыкаясь друг на друга перед тем, как напасть. Но почему, в таком случае, сейчас ничего не происходило? Они больше не шумели, но и не нападали, только стояли, прижавшись друг к другу, и смотрели в одну, скрытую от обзора точку.

У зеркальщицы имелись кое-какие предположения на счет заинтересовавшего прядильщиков объекта, но были они так нелепы и маловероятны, что она с легкостью отмахнулась от них, подхватила изрядно подпорченный парик за одну из длинных, разлохматившихся кос и устремилась за ответами к башне, бросив напоследок беглый взгляд в сторону убежища голосистых малявок. Разбираться с ними сейчас, не было времени, но и не думать совсем об их дальнейшей судьбе, не выходило, особенно, переступая через тело поверженного чужой рукой, врага. Судя по раскроенному черепу безумца, храбрая боривальская мелюзга оказалось не только куда кровожаднее, чем она сама, но и гораздо удачливее. Хоть они и были первоначальной причиной обрушившихся на нее бед, благодаря которым все и пошло наперекосяк, теперь эта парная головная боль имела к ней непосредственное отношение!

Каждый последующий шаг к башне отзывался необъяснимой горечью и все возрастающей тревогой. Раньше ничего подобного Тера не ощущала, хотя и просидела возле проклятой башни целую ночь. Неприятное открытие кольнуло острым предчувствием надвигающейся беды. Привыкшая прислушиваться к своей интуиции зеркальщица, нахмурилась, замедлила шаг и постаралась дотянуться до магии, но та по-прежнему не отзывалась, а на поверхность, из глубин памяти, всплывало лишь одно единственное упоминание о головоломке, которую по какой-то причине не получится вынести...

— Что-то здесь не так, — угрюмо подытожила Тера, на ходу настраиваясь на непростую задачу. Мало ей было живого дерева, оплетавшего башню со всех сторон, так теперь добавился еще и заслон из толпы «сгоревших» прядильщиков. Но только ли из-за этого осложнения она так разнервничалась или же было что-то еще, о чем она пока не догадывалась? Этого Тера не знала и в любом случае не собиралась так просто сдаваться. Иррациональные страхи не могли заставить ее отказаться от завершения начатого, только не после того, как остальным удалось сорвать ритуал Верховной!

Вот только на новом, потревоженном духом полотне, уже не находилось прежнего узора. Заново переплетенные нити изменили все, а помог им в этом не кто иной, как недавний верный защитник, прибывший в Корду вместе с Терой под видом здоровенной лохматой собаки. Именно он вынудил прядильщиков сгрудиться под станами башни, а показавшуюся из-за поворота зеркальщицу — бесшумно застонать от досады на поразительное невезение, решившее стать ее неотступным сопровождающим, во всех прогулках по ненавистой Корде.

Глава 17.1 Случайно выживший

Даже одному доброму, бескорыстному вмешательству в чужую судьбу под силу превратить обычного прохожего в героя, а его скромную, размеренную жизнь — в захватывающую историю...

Именно такой слаженной точки зрения с годами начали придерживаться Тера и Ригби, вложив в простые слова, абсолютно противоположный смысл.

Шуттанец предпочитал учиться на чужих промахах и крайне редко ошибался в оценке истинного положения вещей, а потому не стремился пополнять незавидные ряды благодетелей. По его личному разумению существовало всего два вида бескорыстного добра: то, что принесет невероятное количество проблем и завершится горькими сожалениями, и то, за чьей спиной незаметно прячется нечто более земное, нежели чистенькое, светлое великодушие. Например, корыстный, прекрасно сбалансированный расчет или жадное до дармовых почестей тщеславие. Как первая разновидность, так и вторая, вызывали у Ригби улыбку — насмешливую, снисходительную, а порой и понимающую. Сам же господин посол поводов для веселья старался не предоставлять, расценивая рефлексивную отзывчивость, как слабость и глупость, а лицемерную доброту — как крайне утомительную, обходную дорогу, отнимающую чересчур много сил и терпения.

Тере подобный подход казался слишком скупым и категоричным. Несмотря на внушительный багаж разочарований, она так и не сумела очерстветь душой настолько, чтобы прекратить воспринимать тянущиеся в надежде руки и чужие слезы отчаяния, как нечто сокровенное, чем точно не стали бы делиться, не будь у несчастных жертв обстоятельств иного выбора. Впрочем, это нисколько не мешало ей усугублять положение тех, кто смел притворяться и лгать, желая обмануть доверие откликнувшихся. Таких, не чистых на руку лицедеев, Тера искренне презирала и ненавидела, видя в их подлом обмане первопричину того, что окружающие не желали идти друг другу на выручку, боясь показаться наивными простаками.

Друзья нередко спорили, приводя всевозможные доводы в пользу, отстаиваемых точек зрения. Каждый раз, как поднималась эта вечная тема, Ригби со смехом рассказывал очередную забавную историю о наивном дураке, угодившем в хитроумную ловушку мошенника, или о напыщенном хвастуне, не сумевшем здраво оценить свои силы, из-за чего храбрый подвиг неизменно обращался позорным бегством, а похвала и почести — побоями.

Тера, в свою очередь, с удовольствием делилась трогательными рассказами о смельчаках, готовых по первому зову броситься на помощь хоть в горящий дом, хоть на морское дно. Помимо целого собрания чужих примеров, были у зеркальщицы и собственные. Но их она старалась не затрагивать, зная, как болезненно Ригби переносит известия о все приумножающихся сложностях, без которых не обходилась ни одна значимая стычка с дэйлинальской суровой действительностью.

Звучали только правдивые истории, без прикрас и сгущения красок. Таково было их давнее, строгое правило — непредвзятая истина от начала и до конца! А дальше — азартная словесная игра с целью сокрытия и поиска сюжетного двойного дна. Так в юмористическом рассказе Ригби о подлом закоренелом воре, с легкой руки зеркальщицы, появлялась коротенькая уточняющая приписка о вероятном наличии у преступника трех, а лучше сразу пяти или шести голодных карапузов. Что же до хвалебной баллады о пожаре, то ей в нагрузку доставался длинный и весьма подробный список. В нем Ригби с уверенностью перечислял все то серебряное, полезное и сколько-нибудь ценное, что честный спаситель мог совершенно «случайно» прихватить на память, пока рыскал по горящему зданию в поисках беспомощных старушек, детей, собак и прочей, терпящей бедствие живности.

Щедрая на дополнения к чужим рассказам, Тера крайне не любила язвительные пояснения к собственным. Редкий талант друга — в кратчайшие сроки довести собеседника

до белого каления, порой действовал даже на нее. Тогда-то в ход и шел секретный неразменный козырь — единственный случай, по чьей непогрешимости не мог пройти даже Ригби. Ведь именно он стал тем героем, благодаря которому у бескорыстного добра появился несокрушимый форт надежды. Не будь этого надежного идейного укрепления, Тера уже давно сдалась бы и перестала пытаться доказать другу, что мир далеко не так плох и отвратителен, как кажется на первый взгляд и что за него еще есть смысл повоевать. Но и этот каменный довод оказался не вечен! Стоило кровавой Ночи Свечей уступить место новому дню, как он рухнул прямо на глазах Теры, похоронив под обломками ее единственную надежду на счастливый исход всего предприятия...

Давнее событие, маскировавшееся все эти годы под редкое исключение из циничного подхода Ригби, на самом-то деле оказалось ничем иным, как одним из самых досадных и горьких примеров гуманного жизненного принципа Теры.

Неприкосновенная доброта наконец сделала то, чего от нее надеялись никогда не увидеть. Принесла-таки свои гнилые поздние плоды и стала молча ждать пока, погрузившаяся в невеселые раздумья героиня, соизволит отведать ядовитого благодарственного угощения.

Тера прекрасно осознавала, что произойдет дальше. Знала, что нужно уносить ноги, пока не растаял последний призрачный шанс выбраться с пустыря живой, и все равно не могла сдвинуться с места, или хотя бы пожалеть об оказанной некогда помощи. Это был их общий выбор, ее и Ригби, один из немногих по-настоящему верных и нужных, как они оба думали... Так как же так вышло, что именно из-за того памятного события, сейчас у ее ног расплзлось туманное марево Злого моря, а тот, о ком они заботились и кого искренне любили, даже не смотрел в ее сторону и не откликнулся на собственное имя?

Теперь-то Тере стало понятно, что именно так напугало «сгоревших» и заставило жаться к спасительным стенам башни. Им, как и прежде, был ведом истинный, первобытный страх, заставляющий подчиняться инстинктам и делать все возможное, только бы выжить и сохранить то последнее, что осталось от их рассыпавшихся личностей. Не поддалась всеобщему оцепенению лишь растерянная зеркальщица. Да и какой смысл? Оплетавшее башню живое дерево, могло защитить прядильщиков, даже тех, от кого почти ничего не осталось, но только не ее — чуждую, враждебную Корде преступницу!

Горечь и тревога... Слишком поздно она распознала их предостерегающий привкус. Дурное предчувствие, как обычно, не обмануло. Но что толку, если она так и не сумела вовремя остановиться?

Пока Тера напряженно вглядывалась в клубы белесого, мутного тумана, желая разглядеть плывущие знакомые очертания, живое марево незаметно подкралось со спины и отсекло единственный путь к отступлению. В распоряжении зеркальщицы осталась лишь небольшая свободная площадка у покосившейся стены и одинокий дразнящий выступ высоко над головой. Будь у нее побольше места для разбега, она бы непременно осуществила попытку взобраться на него, но места не было, как не было и магии, только, причиняющее нестерпимую боль, вывихнутое плечо и обманчиво мирное затишье перед надвигающейся бурей.

Оживший туман замер всего в паре шагов от нее, на границе четко очерченного полукруга. Складывалось впечатление, будто он натолкнулся на невидимую преграду и ему это явно не нравилось. Агрессивная завеса потемнела и уплотнилась, но так и не смогла пересечь черту. Тера выдохнула с облегчением. Что бы не остановило чары, ей оно не

вредило, а значит не стоило и беспокоиться. Прислонившись спиной к стене, она равнодушно закрыла глаза и не глядя отшвырнула подальше от себя бесполезный парик и изорванный наряд северянки. Отпала нужда в поиске огня для уничтожения опасных улик. Ни одно жаркое пламя не могло сравниться по разрушительной силе с ледяным ужасом, перетекающим с места на место в поисках лазейки на границе ее маленького убежища. Древняя, вечно голодная магия Злого моря поглощала все, до чего дотягивалась, будь то хоть выброшенные жалкие тряпки со следами жизненных сил и магии, хоть целые быстроходные корабли, если те не успевали убраться подальше.

Но даже в такой, казалось бы, безвыходной ситуации Тера все еще не желала верить в худшее и сдаваться. Она до боли сцепила пальцы в замок, плотнее прижалась лопатками к шершавой, полуразвалившейся стене и упорно продолжала отыскивать в себе хоть крохотный отклик магии. Однако та, как и прежде, не отзывалась. Тогда зеркальщица решила пойти иным путем — медленно опустилась на промерзшую землю, скрестила ноги, как делала всякий раз перед особенно сложным ритуалом, и принялась не спеша восстанавливать ровный темп пульса. В ее случае память и магия представляли собой единое целое, без одного не существовало и другого. Неразрывная связь чар и воспоминаний могла вывести к закрытым зеркальным дверям и подарить шанс на спасение. Но для этого предстояло совершить очередной шаг к краю бездны — вновь нарушить один из важнейших законов стекольного колдовства. Однажды, она уже выказала неповиновение зеркалам, не став дожидаться окончания мудро отведенного ими срока бессилия. Избавиться от последствий того рискованного опыта так и не удалось и вот, она снова вынуждена отправляться вслед за ушедшей магией...

Тера мысленно уносила все дальше от пустыря безумия, все ближе к ничейным землям на границе королевства Шутта и проклятой территории Вейнтеверо. Туда, где все еще могли помнить о загадочном несчастном случае, произошедшем в небогатом порту Келевин одной темной, безлунной ночью.

Тогда, как и сейчас, стояла сухая ветреная осень. Сонные деревья прощались с последними листьями, а все усиливающийся холод, не давал одиноким путникам подолгу застаиваться на одном месте. В то время Тера и Ригби еще не знали, что на смену беззаботному детству и крепкой дружбе, придут непростые, болезненные решения, а с ними и неоправданно долгое расставание. Они еще не успели избрать опасных, извилистых дорог и не изранили друг друга жестокими словами, осевшими на душах горьким, несмываемым налетом. Мир все еще умел приятно удивлять и казался гораздо чище и лучше, чем был на самом деле. Возможно, именно благодаря всему этому им и удалось забрать себе то, что при иных обстоятельствах ни за что не досталось бы двум простым смертным, коими они, в сущности, и являлись по сравнению с настоящим хозяином одного из живых чудес.

Последнее, что ощутила Тера, прежде чем окончательно провалиться в воспоминание и потерять связь с действительностью — изучающий, пристальный взгляд. Она не почувствовала враждебности или угрозы, лишь ненавязчивый интерес. Хотела открыть глаза и узнать, кого же еще прислала нелегкая ей в компанию, но не успела. На смену унылому, безвкусному ветру Корды, налетел игривый, соленый бриз Доброго моря.

Глава 17.2 Случайно выживший

Тот важный, далекий день начался с удавшегося побега. Вначале друзья ловко ускользнули из-под ослабшего надзора Эйнара, выждали подходящий момент и тайком сбежали с корабля. Не малую роль в успехе рискованной вылазки сыграла общая нервозность

команды и чрезвычайная спешка. Ни один из членов экипажа их богатого торгового судна не желал задерживаться в неблагополучном, во всех отношениях, городке дольше положенного. Вынужденная остановка в угрюмом, грязном порту действовала на бывалых моряков ничуть не хуже окрика капитана. Никому не приходилось напоминать, что следует поторопиться и не зевать, если они все еще надеются убраться из опасного места до того, как с ними произойдет что-нибудь неладное. Вполне обоснованные суеверия подгоняли кнутом дурного предчувствия, заставляя выкладываться на полную и не роптать.

Не попади их «Попутный ветер» в тот чудовищный шторм, ни за что на свете владелец корабля не отдал бы рискованный приказ заплыть в независимый портовый городок на границе гиблых земель Вейнтеверо. И дело было далеко не в малодушии или особой нелюбви конкретно к этому порту. На борту корабля находились особые пассажиры — единственный сын хозяина, не пожелавший оставаться дома, пока друзья путешествуют вместе с его отцом, и сами воспитанники госпожи Клары Видалис. Хрустальщице, как на зло, срочно понадобилось отправиться в непредвиденную поездку, а других кандидатов на роль опекуна не нашлось. Оставить подопечных одних она не могла, брать с собой в Грифалет — слишком опасно, оставалось одно — на времяверить детей заботам старого друга и постараться уладить дела как можно скорее. Но время шло, а она все не возвращалась. Отложить отплытие еще на месяц не удалось и купец, скрипя сердцем, взял с собой в плаванье Теру и Эйнара, надеясь, что все обойдется и никаких проблем не возникнет. Надежда почти оправдалась, но морю это, видимо, не понравилось. Оно будто взбесилось и едва не потопило их корабль.

Из-за серьезных повреждений и значительного отклонения от курса, пришлось довольствоваться тем, что первое подвернулось под руку, хоть этот вынужденный вариант никому и не нравился. Требовалось немедленно заняться ремонтом и пополнить, отобранные стихией припасы. К тому же, после бури, морякам считалось совсем не лишним хоть на минуту оказаться на твердой земле и увериться, что все они действительно выстояли и не отправились на корм рыбам. Для этой цели годился даже такой неудачный порт, как Келевин.

Так вот и вышло, что ни занятые делом матросы, ни отлеживающийся в каюте с перебинтованными ребрами Эйнар, ни вымотанный борьбой с непогодой капитан, ни даже, все подмечающий отец Ригби, не заметили, как в противоход вкатываемым по трапу бочкам, с корабля без разрешения сошли два самых юных, непоседливых пассажира.

Неизменные напарники по шалостям и проделкам жаждали во что бы то ни стало поразмять ноги на незнакомой, на все лады поносимой и прокливаемой матросами земле, и ни что не могло уберечь их от этой сумасбродной идеи. С оглядкой и всеми возможными предосторожностями, миновав открытый, хорошо просматриваемый с корабля участок порта, они победно вскинули кулаки, забросили на плечи пока еще пустые холщовые котомки и резво устремились на поиски приключений.

До самого вечера оба с интересом изучали диковинный городок и ни во что не связывались, прилежно избегая неблагонадежных личностей и захламленных, не вызывающие доверия закоулков. Ничто не мешало наслаждаться долгожданной свободой. Даже хилая совесть, доставшаяся им, судя по всему, одна на двоих, и та не издавала не звука, довольная тем, что о ее терзаниях позаботились еще до побега.

Предусмотрительная Тера не поленилась составить успокаивающую записку на случай, если их все же хватятся раньше, чем они вновь окажутся на корабле. В кривобоком, наспех

составленном послании, тайлись их общие клятвенные обещания возвратиться обратно еще задолго до того, как последние матросы ступят на палубу и получают приказ готовить судно к отплытию. После недолгих колебаний, к уже имеющимся правдивым словам, рукой Ригби была добавлена небольшая «ложь во благо».

В аккуратном постскриптуме сообщалось, что они с Терой так прониклись всеобщей необходимостью как можно скорее снарядить корабль в обратный путь, что не сумели усидеть на месте и пошли в город вместе с отправленными за провиантом матросами. По тонкому расчету беглецов, у того, в чьи руки попало бы это послание, была просто обязана сформироваться трогательная, а главное убедительная картина — Тера и Ригби, навьюченные тюками с провиантом, как два маленьких мула, переходят от лавки к лавке под конвоем бдительных матросов и ни в коем случае ни во что не ввязываются. Идиллия происходящего усыпляла тревогу и напрочь отбивала желание отправлять людей на их поиски.

Донельзя довольные удавшейся экспедицией, друзья уже возвращались обратно, справедливо расценив собственные возможности в отношении горы, купленных и прихваченных сувениров, когда своевольная удача неожиданно показала язык и удалилась на поиски более резвой компании, оставив их один на один с неприятностями.

В тот вечер напарники почти разминулись со своим небывалым подвигом, а заодно и с массой, прилагавшихся к нему осложнений. Но, к несчастью, с ними не разминулся едва переставляющий ноги матрос. Пьянчуга не только не попросил прощения за выбитый из рук Теры кувшин с маслом, но и умудрился отвесить звонкую, ощутимую затрещину Ригби. В довершение ко всему, разошедшийся моряк еще и обругал последними словами наглых оборванцев, посмеявшихся заявиться в Чистый квартал и попытаться сунуть грязные лапы в его, честного, уважаемого человека карман. В честь чего именно эта убогая, ничем не примечательная часть города, получила такое высокопарное название, ребята так и не поняли, как не поняли и того, почему это вдруг верзила принял их двоих за каких-то мелких прохвостов и решил обвинить в воровстве. Последнее особенно возмутило Теру, ведь если бы она и впрямь решила позариться на жалкие медяки этого «честного» малого, никакая сила на свете не сумела бы уберечь содержимое его карманов от неминуемого исчезновения. Но все это было не так важно, как то, в чем друзья сходились на все сто процентов — проглоченные обиды дурно сказывались на чувстве самоуважения и совершенно точно не заслуживали прощения, а вот немедленной расплаты за клевету, рукоприкладство и гибель ни в чем не повинного кувшина — запросто!

Им не составило особого труда проследить за шумным, медлительным обидчиком до самого порта, где он немного покружил, бесцельно переходя от одного сомнительного корабля к другому, пока не остановился возле невзрачной посуды под многообещающим названием «Старая каракатица» и не поднялся на борт. Ребята еще не решили, чем бы ему насолить и предпочли действовать по обстоятельствам, а для начала — избавиться от тяжелой, стесняющей движения поклажи. Но пока они прятали вещи и обсуждали план будущей пакости, выдавший виды корабль, будто бы вымер.

Первоначальная сложность незаметного проникновения на чужую, тщательно охраняемую собственность, отпала. Всеми покинутая «Старая каракатица» встретила тишиной, пустотой и довольно впечатляющей горой опорожненных, легко узнаваемых по этикеткам бутылок. Будущей жертвы справедливости нигде не было видно, не нашлось даже захудалого дозорного, лишь парочка бесполезных, прикорнувших прямо на палубе матросов.

Что бы ни отмечал этот беспечный сброд до их прихода, место попойки явно перенесли, а значит не следовало опасаться, что кто-нибудь неожиданно нагрянет и вышвырнет двоих лазутчиков за борт. О немедленном отплытии так же не могло быть и речи. Ветхая посудина нуждалась в ремонте ничуть не меньше, чем их крепкий «Попутный ветер». Виной этому мог стать тот же шторм, а может потрепанный корабль вернулся из темных вод Злого моря и теперь праздновал очередной богатый улов диковинных редкостей, кто знает...

Беглый осмотр не отнял много времени. По большей части, ничего особенно странного на «Старой каракатице» не хранилось. Заурядное, не раз попадавшее в передряги судно, явно промышляющее контрабандой. Все так, как они и подозревали.

Самое интересно обнаружилось, когда друзья решили напоследок заглянуть в трюм и убедиться, что их грубый знакомец действительно ускользнул, не рассчитавшись за свою мерзкую выходку, а не остался дрыхнуть где-нибудь среди многочисленных залежей разномастного барахла.

Ригби уже собирался повесить обратно на крюк громоздкую масляную лампу, смирившись с тщетностью их поисков, как уловил краем глаза отблеск тусклого зеленоватого свечения. Испугавшись, что их сейчас поймают, он резко развернул за плечо Тера и приложил палец к губам, предупреждая, чтобы она не вздумала шуметь. Прошла минута, две. Ригби начал подумывать, что ему померещилось, как все повторилось, только на этот раз к свечению добавился еще и тихий плеск воды, вместе с приглушенным жалобным писком.

Источником загадочных звуков оказался здоровенный стеклянный ящик, наполовину заполненный мутной морской водой с обрывками водорослей и целой взвесью бурого, комковатого песка. Кто-то обвил его толстыми, просмоленными канатами, прикрыл обрывком паруса и задвинул в самый дальний угол, подальше от света и любопытных глаз.

Ни Тера, ни Ригби не собирались выяснять что же такого «ценного» можно перевозить подобным сомнительным образом. Глухой, плохо просматриваемый ящик не внушал доверия, но звуки и свет... Уйти, не отомстив обидчику, да еще и разжиться в придачу вопросом, на который уже не удастся отыскать достоверный ответ — нет уж, увольте!

Поддавшись любопытству, Тера решительно сдернула завесу и замерла перед толстостенным, местами потрескавшимся от времени и ударов, браконьерским аквариумом. Безмятежные мгновением ранее глаза, полыхнули яростной, прожигающей синевой, маленькие кулаки сжались до побелевших костяшек — дальнейшая судьба выгодного незаконного приобретения «Старой каракатицы» была предрешена.

Донельзя взбешенная кощунственным обращением со священным для всех валарданцев созданием, зеркальщица не только сумела в считанные минуты расправиться с путами и отворить ненавистный стеклянный ящик, но и бесстрашно выудила, трясущегося от страха, еле живого морского конька. Еще совсем маленького, беззащитного, перепачканного в какой-то вязкой пакости и уже успевшего, на свою беду, познакомиться с наихудшими представителями рода человеческого, теми, для кого нет и не было ничего святого. Лунная белая шерстка — вся в черных пятнах, поникшие остроконечные ушки, подрагивающий короткий хвостик и пока еще такие мягкие, сбитые о стенки стеклянной тюрьмы тоненькие ножки. Мерзавцам удалось сломить дух гордого морского создания. Сейчас конек совсем не походил на своих, искрящихся радостью и силой собратьев, даже особой, легко узнаваемой магии Доброго моря, и той от него не исходило, сколько бы Тера не пыталась распознать ее нежный отклик.

Осознавали ли похитители, что обрекают малыша на верную гибель, запирая в грязной, зловонной воде, такой ледяной и противной, что от одного взгляда на нее становилось не по себе? На тот момент зеркальщицу мало волновала предыстория злоключений маленького пленника, все, о чем она могла думать — это о немедленном спасении морского священного скакуна и о жестоком наказании для всех тех, кто посмел поднять на него руку. Ведь не повстречай это удивительное, светлое создание их двоих — наверняка бы испустило дух, в страхе и одиночестве, без малейшей надежды на избавление или сочувствие!

Состоялся безмолвный обмен. Ригби осторожно принял из рук подруги продрогшего зверя. Хотел было завернуть в полу плаща, но передумал и со вздохом отправил за пазуху. Живое тепло пришлось спасенному по душе и он затих, перестав пищать и вырываться. Тера одобрительно хмыкнула и указала глазами на выход. Мерно покачивающаяся масляная лампа, перешедшая в ее руки во время обмена, не оставляла особого простора для фантазии, как и жесткий, прямой взгляд, отбивавший всякое желание спорить и что-то доказывать. Браконьерам не стоило наживаться на валаранской святыне! Не поступи они так опрометчиво, возможно их мерзкий корабль продолжал бы бороздить морские просторы еще ни одно десятилетие.

Через пару минут Тера нагнала Ригби, заложила руки за спину и как ни в чем не бывало пошла рядом, насвистывая веселый дэйлинальский мотивчик. Дальнейшая судьба «Старой каракатицы» ее не заботила. Но, к сожалению, подобным безразличием не могли похвастаться, пробудившиеся ото сна матросы и прочие члены экипажа, вернувшиеся на корабль, вместе с нетерпеливым покупателем.

Безрадостное прощание с ценным товаром вкупе с осознанием, что кто-то посмел поджечь их горячо любимую посудину, вылилось в незамедлительную жажду мести. Вскоре выяснилось, что зоркий юнга с соседнего корабля видел, как двое чужестранцев поспешно покидали «Старую каракатицу» и что у одного из них подозрительно топорщился и шевелился плащ. Воспрянувшие духом браконьеры, разделились на две команды — одни безуспешно продолжали тушить корабль, другие резво устремились на поиски пропажи.

На порт Келевин опустилась вязкая, продымленная ночь. То тут, то там мелькали приглушенные огни факелов, раздавались угрожающие крики и гулкой топот нескольких десятков ног. Обозленные негодяи рыскали по пристани в надежде обнаружить поджигателей и вернуть ценную диковинку. До крыши отдаленного, запертого на замок деревянного ангара, где с удобством расположились Тера и Ригби, время от времени доносились отголоски проклятий и обрывки запальчивых визгливых реплик. Капитан-погорелец не желал возвращать аванс, а несостоявшийся покупатель грозился расправиться со всеми лживыми проходимцами, посмеявшимися нарушить условие сделки. Друзья молча наблюдали за суматохой с безопасного расстояния и ни о чем не сожалели. Не нарушал спокойной тишины и, зажатый между ними морской конек. Всего в локоть длиной, чумазый и очень голодный, он уже не казался таким беспомощным и несчастным, как в ту первую минуту, когда Тера ловко выудила его из аквариума. Из глубины маленьких умных глазок, пропала щемящая обреченность, на ее месте начала разгораться пока еще робкая, боязливая надежда.

Каждый из троих неспешно думал о своем и в тайне злорадствовал, наблюдая за тем, как весело догорает «Старая каракатица». Ни запоздалое сожаление, ни сердобольное раскаяние их не посещало. Тера отрешенно смотрела на небо и безотчетно, мысленно отвечала на долетавшие с ветром проклятия. Она все еще продолжала кипеть от

негодования, не в силах смириться с самим фактом такого бесчеловечного надругательства над одним из самых добрых и чутких священных созданий Валардана. Ригби лениво наблюдал за беготней внизу и шаг за шагом обдумывал как они станут выбираться, если живодеры не переместят свои навязчивые поиски подальше от доков до восхода солнца. Доверчиво жмущееся к боку пятнистое создание, вызывало у шуттанца безотчетный восторг и полное нежелание расставаться с новым питомцем, будь он хоть морским, хоть самым обыкновенным скакуном. Что касается самого виновника всей этой кутерьмы, то он напряженно размышлял об оказавшихся в его распоряжении поразительных двуногих, совсем не похожих на тех, которых ему доводилось видеть прежде. От этих двоих так и веяло теплом и заботой. Они еще не любили и не ценили его, как он их, но уже начинали привязываться, и малыш чувствовал это. Особая незримая связь, крепнущая с каждой последующей минутой, просиженной в обнимку на холодной, продуваемой всеми ветрами крыше, была куда важнее и необходимее, чем само вечное море и бескрайние вольные просторы. С самого рождения дивному созданию не досталось и крохи того внимания и доброты, какую бескорыстно рассыпали горстями его молчаливые спасители, и он радовался, радовался так, как не умел прежде ни один из его гордых морских сородичей, ни по эту сторону залива, ни по ту.

Разнежившись в теплых объятиях, расхрабрившийся зверек ласково куснул сначала одного нового друга, а потом и другого. Удивительные люди не разозлились и не оттолкнули кусачего подопечного. Расценив неожиданную выходку по-своему, они не задумываясь отдали зверьку все, завалившиеся по карманам галеты и пряники, пообещав накормить, как следует, сразу же по прибытии на свой безопасный корабль. О большем кроха не смел и мечтать, а потому спокойно устроился на скрещенных полах плащей и заснул.

Остаток ночи прошел в ожидании подходящего момента. За час до рассвета им удалось незаметно спуститься с крыши и перебраться поближе к «Попутному ветру». Отца Ригби нигде не было видно. Наверняка отправился в город на поиски пропавших бездельников. Зато никуда не делся крайне злой Эйнар. Тера еще издали разглядела его приметную, светлую шевелюру и напряженно скрещенные на груди руки.

Впервые зеркальщица добровольно отправилась «сдаваться» и каяться во всех грехах, предоставив другу тем самым удобную возможность незаметно пробраться на корабль и пронести их нового подопечного.

До конца плавания никто так и не узнал, что на борту, в тщательно припрятанной большой плетеной корзине, под мягким клетчатом пледом, к берегам Дэйлиналя плывет важный неучтенный пассажир. За время обратного плавания, малыш значительно окреп и окончательно привязался к Тере и Ригби. Единственное, что огорчало друзей во всей этой невероятной истории — то, что они так и не сумели отмыть черные пятна с его гладкошерстной белоснежной шкуры. По наивности своей героическая парочка так и не сообразила, что эти темные пятна — никакая не грязь, а прямое доказательство исключительности, далеко не самого мирного и беззащитного, магически одаренного создания — нелюбимого и нежеланного сына, извечно враждующих морей — Доброго и Злого.

Повидавшей на своем веку еще и не таких редкостей госпоже Кларе, не потребовалось и лишней минуты, чтобы понять, что за напасть притащили из далеких земель дорогая племянница и ее невмеру покладистый лучший друг. Еле заметная, цепкая, как пиявка, магия морина-полукровки, окутала обоих с ног до головы, да так плотно и равномерно, что

избавиться от нее, не причинив вреда сердобольным отпрыскам, не представлялось никакой возможности.

Прирученное зло, с легкостью прижилось в домах обоих спасителей и долгие годы скрывало свой истинный облик, держась за устойчивую форму приземистого пятнистого скакуна, привычного глазу Ригби, и мохнатую личину здорового пса, так любимую Терой, с детства мечтавшей о преданной, игривой собаке.

Хитрый морин перетекал из формы в форму лишь в те моменты, когда никто не видел. Старательно, но безуспешно, подлизывался к старшей стекольщице, видевшей его насквозь, и совершенно не церемонился с вечно недовольным лисом, невзлюбившим его с самого первого взгляда.

Поначалу злобный двуликий лис всеми силами уговаривал госпожу Клару прикончить опасную тварь и забыть о досадном недоразумении, но так и не смог добиться поддержки, наткнувшись на глухую стену сестринского непрошибаемого протеста. Постепенно пришлось смириться... Вот только корить себя за ошибку Эйнара так и не перестал, продолжая прокручивать в голове страшные картины возможных бед, какие могли постигнуть Тера и Ригби за то время, пока они беззаботно возились на корабле с непредсказуемой, живой угрозой. Старше обоих пятью годами, он ощущал давящий груз ответственности за каждую из сумасбродных выходок и, как мог, старался оберегать младших. Но что он, в сущности, мог поделать, когда в игру вступал такой грозный противник, как Злое море? Так было в тот раз, когда Тера и Ригби самовольно отправились изучать пролив Керри, так же произошло и вновь, но уже на границе Вейнтеверо, там, где грань между Злым и Добрым морями особенно тонка и непостоянна.

Вместо мучительной доли чьей-то жестокой недолговечной забавы, пятнистый разбойник обрел настоящую семью и даже собственное красивое имя — Фог, чем не могли похвастаться ни священные белые скакуны Валардана, ни смертоносные черные морины Вейнтеверо. Долгие годы ему сопутствовали любовь и счастье. Не омрачало спокойной жизни, даже накрепко въевшееся недоверие со стороны Клары и Эйнара. Диковинный зверь отчетливо понимал, что его долголетие и благополучие целиком и полностью зависят от того, какой именно выбор он сделает — быть благодарным за спасение и заботу, навсегда позабыв о губительных чарах темных сородичей, или погибнуть от рук хладнокровной хрустальщицы, терпящей его присутствие ровно до того момента, пока он не представляет угрозу жизням ее близких.

Тера медленно прошла по яркому воспоминанию о появлении Фога, как по длинному, прямому тоннелю, но так и не увидела долгожданного света магии. Зеркала по-прежнему не желали отвечать. Тщетная попытка провалилась и не было никакого смысла пытаться вновь, воскрешая все новые и новые воспоминания. Молчаливый ответ остался бы прежним...

Зеркальщица открыла глаза и тут же пожалела о своей опрометчивой беспечности. Пока она блуждала по закоулкам памяти в надежде отыскать спасительный путь к магии, кто-то успел не только связать ее по рукам и ногам, но и перенести с Восточного пустыря в совершенно незнакомое место.

Глава 18. Привет из прошлого

Власть Жнеца, магия Творца, безжалостность Ловца — три незыблемых столпа силы, сумевшей возвеличить гиблые земли Вейнтеверо и доказать всему миру, что не одним лишь богам, святым и покровителям доступно переписывать чужие судьбы, но и не уступающим им в могуществе, вечноживущим.

До появления Великого триумvirата, соседние королевства и не думали обращать внимание на пустынные земли, считая те непригодными для жизни и едва ли не заселенными призраками. Но вейнты не были злыми духами и не делали ничего такого, за что бы их действительно следовало ненавидеть или бояться. И тем не менее, именно такими эмоциями сопровождались их редкие, неожиданные появления.

Сами собой расползались жуткие суеверия и все возрастала безотчетная неприязнь, подстегиваемая скрытностью и непохожестью вейнтов. Ни магии, ни особых умений за ними не водилось, как не было и тех незримых, в кого бы они верили и на чью милость полагались, подобно прочим народам, населяющим мир Фэррим.

Пугающая отрешенность темно-карих миндалевидных глаз в купе с еле заметной, тонкогубой улыбкой, не покидавшей спокойные, загорелые лица вейнтов, пробирали даже самых толстокожих из приграничных торговцев. Высокие и прямые, худые, если не сказать тощие, тихие, как тени, вейнты самовольно появлялись то тут, то там. Не торгуясь, обменивали крупные морские жемчужины, самодельные рыболовные сети и редкие лекарственные травы на самые обыкновенные вещи, вроде стальных иголок или коротких поясных кинжалов, а затем так же незаметно, как прибывали, исчезали.

Шло время, за малочисленными нелюдимыми гостями, навещающими к границам соседних королевств из-за полосы сумрачного песчаного леса, закрепилось обидное прозвище прокляторожденных. Поводом для появления столь странного обращения послужила, укоренившаяся в народе легенда об истинной причине всесторонней обделенности вейнтов. Уже и не вспомнить, кто именно ее сочинил, да и не так важно где и как, главное, что нелепицу пожелали услышать, запомнить и принять за чистую монету.

Грустная история повествовала о давнем сговоре фэрримских пантеонов с целью избрать наиболее мрачный, незаселенный уголок мира, чтобы использовать его в качестве пожизненной темницы для возрождающихся душ тех, кто совершил нечто по-настоящему ужасное и отправился за грань, не расплатившись при жизни за содеянное. Беспочвенный домысел соотносился с непривычным отсутствием верований и окружающей вейнтов аурой неблагополучия. И что немаловажно — открывал путь безнаказанности, негласно позволяя выгонять подозрительных чужаков за пределы городов и даже учинять над ними жестокие самосуды.

Земли Вейнтеверо начали причислять к полновластным владениям госпожи Смерти. Стали даже поговаривать, что именно там, среди редких, искореженных деревьев, где-то высоко в горах, находятся незримые последние врата. По версии разросшегося вымысла, пройдя сквозь них, душа свободно отправлялась за грань, чтобы однажды возвратиться совсем другой, чистой и обновленной или, как в случае с вейнтами, все такой же грязной и заклеянной позором, обреченной провести новый земной век на несчастливой земле Вейнтеверо.

Существовало множество предположений, как так вышло, что те, по сути, мирные территории, со временем действительно напитались проклятиями и отравили прозрачные теплые воды Безымянного моря, обратив их в холодное, непроглядное пристанище зла. Сложно сказать, было ли среди них хоть одно правдивое, да и не так важно, ведь постепенно, про некогда безобидных вейнтах забыли. Накрепко запечатлелся на страницах истории лишь последний трагический случай, после которого ни одно из соседних королевств не пожелало даже слышать о возможном появлении опасных чужаков у своих границ. Ни одна целебная трава или драгоценная жемчужина не стоили возможности узнать

на собственном опыте, что такое Песчаный мор, как прозвали страшную болезнь, выкосившую большую часть мирного карликового королевства, соседствовавшего с Вейнтеверо и не проявлявшего по отношению к вейнтам и малой доли той нелюбви, какую демонстрировали жители прочих соседних государств. Были ли вейнты причастны к мору на самом деле или нет, никого не волновало, как не волновало и то, что, оставленные в полной изоляции, они однажды неизбежно окажутся на пороге исчезновения...

Чаша посыпавшихся на вейнтов бед клонила все ниже и ниже, пока в один из дней не переломила ось весов и не стала чем-то большим, нежели безропотное, непригодное более к службе мерило.

За шаг до окончательного упадка, всеми покинутое Вейнтеверо обрело мудрых правителей и всего за пару десятков лет распрощалось со статусом пустынных земель, превратившись в молодое, закрытое королевство. Кем были эти, протянувшие руку помощи вечноживущие и откуда так вовремя явились на выручку? Никто из вейнтов не знал ответа, но все они с благодарностью следовали за могущественными королями и не подвергали сомнениям их противоречивые, а под час и ужасающие своей беспощадностью решения.

Разрозненные поселения незаметно перерастали в города, возводились высокие, шестнадцатигульные колонны законов, огораживались песчаные поля испытаний. Крепло неотступное чувство, пришедшее на смену затаенной горечи и непониманию. Обретя силу и уверенность, вейнты впервые устремили холодные спокойные взгляды в ту сторону, где начинался необъятный песчаный лес. Обугливалась мирная отрешенность, сожженная справедливым гневом и всепоглощающей жаждой мести. Настало время самопровозглашенным судьям сполна расплатиться за свое высокомерие всем тем, чем они беспрестанно кичились и чего так не доставало Вейнтеверо — живым теплом благоденствия и врожденной своенравной магией, обошедшей вейнтов стороной.

Первыми, кто прочувствовали на себе силу грядущих перемен, стали ближайшие соседи, в особенности, сыны и дочери королевства Шутта. Вслед за ними — разрозненные народы Серебристых лесов, зажатых между Красными горами и обширными землями Вейнтеверо. Напоследок же, вейнты оставили тех, с кем их разделяло Злое море — не имеющих непосредственного отношения к их бедам, жителей Дэйлиналя.

Вольный, как ветер, Ловец избрал путь волн и навсегда связал свою судьбу с быстроходными кораблями, отправляющимися на поиски живых чудес и магии. Удачливый Жнец предпочел сушу, а с ней и заманчивое тепло чужих жизней. Набег за набегом он успешно вторгался на территории соседей и угонял свободных жителей, как жалкий, бессловесный скот. И лишь об истинной роли Творца не существовало более достоверных сведений, чем передаваемая из уст в уста непреложная истина вейнтов — пока жив Творец, жива и надежда. На что надеялись, ожесточившиеся изгои, на скорое ли порабощение отвернувшихся от них когда-то соседей, или на появление долгожданного бога, способного позаботиться об их королевстве, никто в точности не знал.

Почти три сотни лет закрытое, успешно управляемое Великим триумvirатом королевство, не давало спокойной жизни всем тем, кому не посчастливилось оказаться в зоне его разрушительного восхождения. Единственными, кому еще хватало сил давать достойный отпор, оставались крепкие духом, воинственные шуттанцы и стойкие, разносторонне одаренные магией дэйлинальцы.

Но ни что не может длиться вечно и оставаться неизменным. Наступил закат и для жестокого, напоенного чужой кровью и слезами, королевства Вейнтеверо.

Первым их народ покинул Жнец — погиб в бою с молодыми правителями Шутты — свирепыми королями-близнецами. Пал, как и предрекало, полученное накануне битвы предсказание, сумев утянуть за грань лишь одного из братьев-королей, старшего.

Вслед за Жнецом исчез Творец, предварительно собственноручно нанеся на главную столичную колонну, послание для некоего Беглеца. Его последним, личным распоряжением стал неожиданный приказ оградить колонну высокой каменной стеной и не подпускать к ее подножию никого, кроме его самого или того, кому удастся доказать, что он и есть тот самый Беглец, для которого предназначались, высеченные на колонне, незнакомые вейнтам символы. Нарушившего неслыханный приказ и всех причастных к ослушанию ожидала неминуемая казнь, сколько бы лет с оглашения не прошло — так говорилось в непререкаемом указе Творца. Постепенно вейнты смирились с его уходом и даже стали видеть в последней воле второго короля скрытое обещание однажды вернуться и занять прежнее место мудрого, справедливого правителя.

Но на этом беды вейнтов и не думали заканчиваться. На исходе трехсотлетия королевство внезапно лишилось своей последней опоры — Ловца живых чудес, а с ним и контроля над водами Злого моря. Никого другого непокорная стихия так и не пожелала признать новым господином, потопив немало вейнтских разбойничьих кораблей и утянув на дно всех, плывших на них ловцов — верных последователей третьего Великого короля.

Шли годы, потомки воинов Жнеца продолжали время от времени пленять и уводить в Вейнтеверо мирных жителей соседних королевств. На землях Шутты, одна за другой воздвигались все новые пограничные заставы. Закаленные в боях с неприятелем воины делали все возможное, лишь бы оградить их общий дом от вторжений, но не так-то просто давались им эти переменчивые победы. Даже без своих могущественных правителей, закрытое королевство так и осталось закрытым, лишив тем самым вражеские войска возможности нанести ответный удар.

Окружающие территорию вейнтов природные барьеры — сумрачные песчаные леса, черные проливы и конечно же непредсказуемые воды Злого моря, расправлялись с переходящими границу проклятых земель воинами, ничуть не хуже метких стрелков, скрывающихся за ядовитыми деревьями гиблых лесов и никогда не жалеющих для врагов длинных, отделанных рыбьей чешуей вместо перьев, стрел.

Со временем, сильнейшей головной болью приграничья, стали малочисленные темные отряды жнецов. Выходя на свой скверный промысел лишь безлунными ночами, они с ловкостью огибали конные разезды и собирали человеческую жатву, уводя за собой молодых, полных сил шуттанцев и шуттанок. На ряду с хитростью и бесшумностью, имелся в их распоряжении и другой неприятный козырь — особые колдовские путы, пропитанные соком блеклых ядовитых трав.

Отважные сыны Шутты не боялись смерти, воспринимая ее, как нечто естественное и неизбежное, но не могли избавиться от ужаса при мысли о бесславном пленении с помощью лишаяющих воли пут. Разбить кандалы, разорвать любую другую веревку, какой бы прочной та не оказалась, даже проломить толстую каменную стену темницы — все это относилось к тяжелым, но все же выполнимым задачам и только против пестрых витых шнуров вейнтов они были абсолютно бессильны... Очутившийся в их колдовской власти уже не мог надеяться на самостоятельный побег, лишь на то, что его чудом отобьет удачливый отряд, сумевший нагнать похитителей до того, как те пересекут границу проклятых земель.

Мало кто осмеливался потешаться над безотчетным страхом могучих воинов,

содрогающихся при одном упоминании о гибких вейнтских оковах. Напротив, делалось все возможное, только бы побороть или хотя бы притупить эту старинную, одуряющую боязнь. И, как ни странно, успешнее всего с этой непростой задачей справлялись бродячие циркачи, весело колесящие на своих скрипучих, разноцветных повозках по всему миру и знающие о жизни куда больше иных, засевших в своих королевствах мудрецов. Из года в год странствующие артисты возвращались в богатое королевство и получали щедрую плату за свое нехитрое выступление, даже в самых маленьких городках Шутты.

Особой же популярностью пользовался фокус с самостоятельным освобождением пленника, в приграничных городах-крепостях. Именно там острее всего ощущалась неподдельная радость при виде ловко выскальзывавшего из страшных пут акробата. До смерти уставшие от непрекращающихся похищений простые жители и бьющиеся за их покой воины, облегченно хлопали всякий раз, как становились свидетелями очередного наглядного посрамления непобедимых, как всем им мнилось, вейнтских чар.

Вот только далеко не каждый заезжий чужак понимал, что в этом заурядном представлении такого захватывающего и интересного. Большинство из непосвященных гостей Шутты не могло взять в толк из-за чего бывалые воины, не глядя выгребают из кошель монеты и щедро одаривают, призывающих поддержать смельчака, циркачек, гремящих на всю площадь быстро наполняющимися яркими бубнами.

Однажды, не оценил происходящего и юный, облаченный в черные одежды, чужестранный гость. Это был его первый визит не только в суровое приграничье, но и в саму Шутту, а потому он не мог знать всех тонкостей местной, непростой жизни и не понимал, происходящего на его глазах, грабежа. Крайне изумленный странной реакцией на более чем посредственное выступление акробата, юноша не преминул продемонстрировать свои скудные познания шуттанского, прилагавшийся к ним чудовищный акцент, а также поразительную, сметавшую любой языковой барьер, заносчивость.

Оказавшейся стоящей в непосредственной близости от шумно возмущавшегося смутьяна Тере, моментально захотелось зажать уши, а лучше сразу пристукнуть крикуна чем-нибудь тяжелым, чтобы тот не портил просмотр долгожданного выступления ни ей, ни окружавшей ее толпе одобрительно улюлюкающих людей.

Слово за слово завязалась ожесточенная, бранная перепалка. Совсем еще юная, переодетая мальчишкой зеркальщица требовала, чтобы чужак немедленно заткнулся и прекратил выказывать неуважение к тому, чего не в силах уместить в своей пустой, как цирковой бубен, голове. В противном случае, она обещала с превеликим удовольствием подбить ему глаз или сломать нос. Разумеется, надменный, хорошо одетый гость королевства и не подумал внимать резонным требованиям какого-то неотесанного, просто одетого оппонента. В отместку за возмутительную угрозу, юноша щедро одарил Теру парой отборных эпитетов на ломанном шуттанском и целым потоком непереводаемых, но судя по интонациям, не менее лестных оскорблений на родном, тарабарском языке.

Постепенно, к набирающему обороты скандалу, присоединилось еще несколько участников, одним из которых стал здоровенный берентилец, считавший шуттанских воинов славными ребятами и прекрасно понимающий, что далеко не со всеми трудностями можно справиться, полагаясь лишь на грубую силу и несгибаемую волю. Именно он стал инициатором того самонадеянного пари, едва не стоившего Тере магии, если не жизни.

Простодушный великан наивно рассчитывал одним махом угомонить разоравшегося на всю площадь спорщика, предложив тому проверить на себе, каково это — выпутываться из

коварных вейнтских веревок. Но не тут-то было, хитрость не прошла!

Задира будто только этого и добивался, а потому без лишних уговоров согласился повторить смехотворный трюк циркача, выставив всего одно встречное условие. Наглый голосистый малец, посмевающий указывать ему что делать и как себя вести, также должен был принять участие в состязании и поставить на кон нечто, соответствующее его, господина Рэйно, закладу. Сказав это, чужеземец отвязал от пояса добротный кожаный кошель и одним картинным движением высыпал на крышку, стоящей неподалеку бочки, целую гору полновесных золотых монет.

Ответить тем же, Тера, увы, не могла. Ни Клара, ни Эйнар, предпочитавшие не покидать дом с пустыми карманами, как на зло, не пожелали отправиться в то утро вместе с ней, хотя она и просила составить ей компанию. Как чувствовала! В кои-то веки не оказалось поблизости и Ригби, лишь верный Фог, у которого по понятной причине не удалось бы занять и гнутаго медяка.

Весьма довольный собой и тем, как ловко сумел утереть нос нищему поборнику хороших манер, Рэйно уже собрался выступить с заключительной речью о сомнительности подобных забав, как в спор вновь вмешались. На этот раз — высокая, пышнотелая девушка с удивительно длинными волосами цвета спелой вишни. Денег для ответной ставки у незнакомки не нашлось, зато обнаружился неподдельный интерес к поблескивающей на солнце горе монет, а также, скорейшему возвращению с небес на землю, их зарвавшегося, шумного хозяина.

Обманчиво кроткая на вид простушка, на поверку оказалась тем еще кладезем нерастраченного таланта злостной интриганки. Она с радостью устремилась в бой, поняв, что зря поднялась в такую рань и прибыла на площадь, так как интересовавшее ее выступление, сорвалось из-за одного напыщенного малолетнего индюка. Недолго думая, яркая красавица проворно растолкала зевак локтями и во всеуслышание предложила увеличить число участников спора, а за одно и повысить ставки. Три долга жизни — против малозначимой в масштабах вечного, сотни золотых.

Предложенная непомерно огромная сумма, нисколько не смутила азартного богача. Напротив, ему сразу же пришлось по вкусу смелое предложение незнакомки. К своему немалому удивлению, Рэйно не ощутил в нем ни приевшейся жадности, ни скрытого подлого мотива. Признав ценность ответной ставки, он с легкостью пообещал, что лично отсыплет по сотне монет каждому, кто сумеет избавиться от пут раньше, чем он сам, а также согласился признать долг жизни перед победителем спора и, даже, принести почетную клятву Морха.

Разумеется, никто из собравшихся вокруг спорщиков, так и не понял, что за клятву собрался приносить эксцентричный чужак в черном, если проиграет, а в этом, обозленные пренебрежением шутанцы, даже не сомневались. И все же, само по себе громкое, торжественное заявление встретило бурное одобрение толпы и моментально заставило пожалеть как Теру, так и приунывшего берентильца. По злосчастной прихоти оба они решились переступить порог дома этим солнечным, не предвещавшим никаких неприятностей утром.

С легкостью разбрасываться долгами жизни могли лишь глупцы, не понимающие что это, в сущности, такое. Или же расчетливые махинаторы, опирающиеся на абсолютную уверенность в том, что хлопотать по накладному обязательству все равно не придется. Вероятная недалекость Рэйно, хоть и грела душу, но все же казалась слишком призрачной и

ненадежной. Уж больно смело и уверенно тот себя держал, а еще расхаживал с полным кошельком золота в одиночку и до сих пор не заплатил за вызывающую беспечность жизнью... Не меньше подозрений вызывала и лжепростушка Валья, отчаянно подававшая тайные знаки из-за плеча Рэйно, умоляя согласиться на все условия и довериться ей.

Даже находясь далеко за пределами родного королевства, берентилец не мог позволить себе прослыть трусом, а потому со вздохом согласился, бросив печальный, извиняющийся взгляд на Теру. Та, также не желала поджимать хвост и убежать с поля боя под прицелом всеобщих неодобрительных взглядов. К тому же на ее стороне все еще оставалась магия и при желании, она могла разобраться с веревками, выщедив из них всю до капли память, а с ней, возможно и магию. В действительности, неожиданно пришедшего на ум метода, зеркальщица не была уверена, но отступать, даже не попытавшись... Этого ее гордость не позволяла. Пришлось соглашаться, имея в запасе всего один хлипкий, сомнительный запасной план.

Ради чистоты эксперимента, связывать будущих «пленников» предстояло по всем правилам. Причем не руками симпатизировавших тройке защитников циркачей или силами зрителей шуттанцев, а независимым судьей со стороны. По такому случаю послали за живущим неподалеку вейнтом-перебежчиком. Тот еще несколько лет назад прибил к одной из застав и сумел завоевать доверие, а потому, его постепенно приняли за своего, хоть и вейнта.

В то время, пока раззадоренные зрители ожидали появления еще одного действующего лица, к Тере один за другим подошли трое: обнадежившая ее неплохими шансами на успех Валья, оказавшаяся младшей ученицей грифалетского предсказателя; извинившийся за неудачную идею угомонить чужака спором, берентилец Хардо и тот самый циркач, за особую ценность чьего выступления первоначально вступилась Тера.

Все они безоговорочно сходились на том, что, если кто и сумеет избавиться от пут и сделать это достаточно быстро, так это именно она. Будущая предсказательница опиралась на доброе предчувствие. Берентилец усматривал в Тере скрытый потенциал сильного духом воина. Что же до циркача, то тот просто знал, что стоящий перед ним «паренек» не только достаточно ловок и гибок, но еще и одарен магией, а раз так, то не о чем и волноваться.

Каждый из троих на всякий случай поделился с Терой собственными соображениями, как именно лучше выбираться из пут, получил угрюмую, но достаточно вежливую благодарность и отошел в сторону. Со стороны ухмыляющегося Рэйно, зеркальщица дождалась лишь одного единственного торжествующего, высокомерного взгляда. Оценив его по достоинству и сполна ответив тем же, она окончательно утвердилась в неприятном предположении, что Рэйно далеко не так прост и речь в их состязании пойдет не о результате, как таковом, а лишь о скорости выполнения поставленной задачи.

К несчастью для Теры, вышло даже хуже, чем она первоначально представляла. Стоило всем четверым оказаться надежно связанными и подвешенными на одну общую длинную перекладину на равных интервалах друг от друга, как началось самое интересное.

Вопреки ожиданию публики, никто из спорщиков и не подумал поддаваться сонным чарам. Единственный, кому пришлось активно замотать головой и предусмотрительно задергаться из стороны в сторону, прогоняя секундную, навалившуюся дремоту, оказался здоровяк Хардо. Магия вейнтских трав, несомненно, оказывала на него воздействие, но из-за габаритов и личных скрытых особенностей берентильца — чересчур медленно. Что касается остальных, то к ним одурманивающие чары так и не сумели подступиться, даже отдаленно.

Тера и Валья с самого детства принимали каждая свое зелье, ничуть не уступающее по силе яду блеклых трав, а потому оказались не способны по достоинству оценить эту часть воздействия. А для самоуверенного Рэйно, такая мелочь, как яд и вовсе не существовала.

Понаблюдав за тем, как спокойно покачивается, будто на качелях Валья, решившая, по видимому, что с нее довольно и того, что она осталась в сознании.

Послушав, как натужно трещат путы Хардо, старающегося разорвать веревку силой напряженных мышц, Рэйно повернулся к Тере, приглашающе кивнул, отвернулся и молча сосредоточил все свое внимание на узлах.

Через пару минут потянуло тленом. Тера непроизвольно отвлеклась от поступательного высвобождения запястий и с изумлением уставилась на быстро разлагающиеся веревки, уже далеко не так плотно, как прежде, опутывающие скандального юношу. Теперь-то ей стала ясна истинная причина его раздражающего бахвальства. Загробных дел мастер или, как величали своих особых умельцев жители далекого Морхаверена — некромант. Еще бы, Рэйно сразу понял, что такого страшного в каких-то там путах, если мог с легкостью умертвить, заключенную в них магию и заставить обратиться прахом саму веревку. Удивительно еще, как шнур не распался при первом же его воздействии.

Испугавшись, что может не успеть выбраться раньше, чем некромант разрушит последние, удерживающие его на весу петли, Тера, не задумываясь, совершила огромную, опрометчивую ошибку. Сжалась в комок, резко подтянув колени к лицу, изо всех сил вцепилась зубами в веревку и зажмурилась. Со стороны могло показаться, что таким образом она пытается распутать узел, надеясь поскорее высвободить ноги, но на самом-то деле зеркальщица потянула на себя память пут, рассчитывая вытянуть вместе с ней и магию, и сведения о том, как именно развязывают хитрые узлы сами вейнты.

Необходимые сведения оказались в ее власти уже через пару секунд, но на том все хорошее и кончилось. Не подозревая об истинной природе вейнтских чар, Тера с размаху угодила в зыбучие пески одурманивающей магии, по глупости своей предоставив той доступ к собственному сознанию. Пестрый шнур мигом отреагировал на ее атаку ответным ударом и принялся душить чарами, одновременно вытягивая зеркальную магию на себя. Из ушей и носа, угодившей в ловушку зеркальщицы, хлынула кровь. Она увязла в отрывочных сведениях о бывших владельцах веревки, землях Вейнтеверо и даже о тех, кого связывали конкретно этими путами. О сколько же их было и как страшно выглядели те несчастные, на кого всерьез подействовала изуверская магия пестрых живых оков!

Если бы не заподозрившая неладное грифалетка, сообразившая раскачаться и на полном ходу врезаться в истекающую кровью и не подающую признаков жизни Тере, дурацкий спор получил бы все шансы завершиться не сотней золотых, а всего парой серебряных, на оба глаза. Но, к счастью для Теры, удача в тот день явно искала к кому бы переметнуться, желая посильнее насолить заезжему некроманту и наказать его за вялую, напрочь лишенную риска, авантюру. И, похоже, из троих, больше всего ей приглянулась именно зеркальщица, ведь она, в отличие от некоторых, едва не попрощалась с рассудком, погнавшись за быстрой, рискованной победой.

Вконец одряхлевшие путы Рэйно рассыпались всего несколькими секундами позже, чем Тера окончательно пришла в себя и с сознанием дела резко потянула одну из переброшенных через шею петель. Хитрый узел затянулся ту же, на пару долгих мгновений пережав Тере горло и заставив всерьез задуматься, а за ту ли петлю она потянула? Но вот раздался тихий шелест — это истаял центральный магический узел, испарился, будто его и не было. За ним

один за другим пропали и остальные узлы. Выполнивший свою задачу шнур, послушно свернулся в кольцо и незамедлительно полетел на бревенчатый помост вслед за оставшейся без опоры победительницей.

Не будь Тера такой гибкой и ловкой и не связывай их настоящий вейнт, фокус с тайной петлей не прошел бы. Но все случилось именно так, как случилось. Тера сумела высвободить руки раньше Рэйно и блестяще воспользовалась, почерпнутой из памяти злобной вещи, информацией, что и позволило ей насладиться солоноватым вкусом, доставшейся кровавым боем победы.

В тот момент, ощутив под пальцами шершавые, согретые солнечным теплом доски помоста, Тера всерьез решила, будто ее главный приз — это, с ловкостью уведенное из-под носа загробных дел мастера — золото, но она ошибалась. Самым ценным, что оказалось на кону в то далекое, безоблачное утро, были не деньги, клятвы или чьи-то поруганные убеждения, а ее единственный шанс на спасение собственной жизни. Но узнала она об этом лишь спустя десять лет, когда открыла глаза и поняла, что кому-то вновь удалось оторвать ее от земли и подвесить на колдовских вейнтских путях, как беспомощный, лишенный магии кусок мяса.

Глава 19.1 На изломе судьбы

По Серому Ловкачу уже не первый год плакала веревка — длинная, крепкая, незамысловато украшенная самозатягивающейся висельной петлей на конце. Осознание этого малоприятного факта не столько беспокоило Теру, сколько будоражило, толкая на все новые и новые преступные безумства. Она редко мелочилась в выборе целей и никогда не повторялась в манере их достижения, благодаря чему снискала преданную любовь газетчиков и не менее искреннюю неприязнь власть имущих. Не давала покоя ее загадочная персона и ярым поборникам дэйлинальского правопорядка. Больше половины из них грезилась слава. Меньшей, как в численности, так и в размахах честолюбия — гора треугольных золотых, обещанная Верховными Корды и Гродарина любому, кто сумеет должным образом повлиять на долголетие одного из самых «ценных» жителей королевства.

Теру забавляли бесконечные вереницы, тщательно скрываемых, однообразных планов ловчих, утомляли легко просчитываемые облавы стражников и откровенно злили смехотворные попытки прядильщиков записать на ее счет чуть ли не все нераскрытые кражи, произошедшие в королевстве за последние пару десятилетий.

Сама того не замечая, зеркальщица перестала воспринимать сценический образ знаменитого Серого Ловкача, лишь как один из многих. Постепенно удачная маска намертво срослась с кожей и пустила корни в сознание, не забыв сказаться, как на поведении Теры, так и на ее мировосприятии. Талантливый, щедро одаренный магией преступник, обладающий весьма своеобразными представлениями о справедливости и путях ее достижения — таких Дэйлиналю ранее видеть не доводилось. И, быть может, не довелось бы и впредь, не вмешайся в дело темная история трехсотлетней давности и разбуженный ею наидревнейший инстинкт выживания. Руководствуясь им, Тера сумела достигнуть немалых, по меркам приступного мира, высот и отыскать заслуживающего доверия противника, способного не только слепо следовать за ней по пятам, тем самым ограждая от излишней самоуверенности, но и приятно удивлять неожиданными встречными выпадами.

Нисколько не подозревая об уготованной для него роли, ловчий Линас еще в их первую встречу неосознанно принял навязанные Серым Ловкачом правила, а с ними и равную долю нездорового азарта игры в преследование, ставящего саму погоню превыше первоначальной

цели охоты.

Бешеные гонки по извилистым темным улочкам и широким проспектам, прыжки по крышам богатых особняков и, еле выдерживающим вес приземлявшихся, ветхим хибарам бедняков, прятки, выходящие за рамки всякой логики и здравого смысла, изобретательные обманные маневры и многое другое, не позволяющее усомниться в неповторимости каждой новой встречи. Но только не чуждые всем дэйлинальцам пути вейнтов! К их помощи не стали бы прибегать даже беспринципные прядильщики... И уж точно до такого не опустился бы ее личный ловчий!

Тера прекрасно представляла всех, кто точно не мог пустить в ход пестрые шнуры, догадывалась об этнической принадлежности тех, кому бы это не составило труда и все же не могла поверить в очевидность происходящего. Правда не сулила ничего хорошего и принимать ее, иначе, как нелепый домысел она не собиралась.

Ведь не могло же случиться такого, чтобы прямо под носом у прядильщиком, в их священную Ночь Свечей, неизвестно как пробравшийся в Корду вейнт, непонятно зачем умудрился захватить живьем представительницу давно почившего, легендарного народа стекольщиков... Любой, кому довелось бы услышать подобный абсурд, несомненно махнул бы рукой и предложил рассказчику вначале проспаться, а уж потом браться за сочинение баек. Но что оставалось Тере, когда уже само ее существование служило вполне весомым косвенным доказательством того, что глупый вымысел с высокой вероятностью мог оказаться правдой?

По счастью, нелепый анекдот все еще располагал открытым финалом и лучшее, что могла предпринять Тера для его благополучного завершения — это как можно быстрее выбраться из передраги, пока не объявился ее загадочный похититель. В обход всему любопытству мира, на этот раз ей совершенно не хотелось смотреть на того, кому оказалось по силам добраться до нее на Восточном пустыре в то время, как вокруг не оставалось и клочка земли, свободного от всепожирающего тумана Злого моря.

По здравому рассуждению, выходил на редкость любопытный расклад. Благодаря новообразовавшейся неприятности, она чудом избежала мучительной смерти, казавшейся на тот момент куда более вероятной. Вот только радоваться спасению в полной мере от чего-то не получалось... Слишком хорошо Тера помнила то, как именно связывал участников давнего спора вейнтский перебежчик. Те же узлы, петли и даже ощущение близкого соседства с чуждой, до поры обманчиво мирно дремлющей магией.

Десять лет назад юная зеркальщица по незнанию спровоцировала пестрый шнур на атаку, теперь же, наученная горьким опытом, повзрослевшая и поумневшая, она сосредоточенно корпела над узлами, поспешно высвобождая затекшие, стертые в кровь запястья. В точности повторив проделанные некогда движения, Тера высвободила вначале одну руку, а затем и вторую, осторожно потянулась к заветной петле, стараясь не совершать лишних движений и не тревожить, недовольно побрякивающую над головой, связку каменных светляков.

Не самый простой и дешевый способ освещения избрал похититель для потайного каменного мешка, с которого, по мнению Теры, вполне хватило бы и одной единственной, дешевой восковой свечи.

Угрюмые, исписанные мелом булыжники, скрепленные между собой в нависающие стены чем-то, отдаленно напоминающим древесную смолу. Покатый, песчаный пол. Одинокий приплюснутый крючок с неказистой поклажей. И баснословно дорогой дверной

артефакт! Вот и все, чем могла похвастаться крохотная, глухая темница.

Любоваться искусно изображенной магической дверью, Тере нравилось ничуть не больше, чем убогой, тощей котомкой и бесформенной бурой накидкой, способной посрамить своим видом любой из выходных нарядов профессионального нищего с паперти всех святых в Боривале. Диссонанс богатства и бедности, аскетизма и роскоши. Контраст холода стен, атакующего по бокам и припекающего со спины жара, источаемого пробуждавшимися ото сна каменными светляками. Странное место, заполненное не вяжущимися друг с другом предметами, порождало немало вопросов, вызывая вполне оправданные подозрения и даже страх.

Покончив с путами в рекордное время, Тера бесшумно приземлилась на песок и первым делом запустила руки в карманы, надеясь, что их содержимое все еще при ней. По-видимому, похитителя привлекали лишь живые трофеи, но никак не их карманный скарб. Вещи ее не покинули. Даже, припрятанный в ботинке маленький нож, остался на прежнем месте, что казалось совсем уж невероятным везением.

Тонкие кожаные перчатки на руки, не пропускающий ничего плотнее воздуха туманный платок на лицо — и она вновь ощутила деловитую готовность к привычной работе ловкача. Еще бы верный серый плащ на плечи и шарф потеплее вокруг шеи, но увы, с этими, в высшей степени полезными частями гардероба, Тере пришлось попрощаться еще на подступах к парадной лестнице Корды.

— Не в этот раз, — задумчиво протянула Тера, с грустью оглядывая единственную дверь, на чью благосклонность не могла повлиять ни грубая сила, ни связка отмычек, лишь магия, а ее зеркальщица, как на зло, по-прежнему в себе не ощущала.

Не стоило и пытаться. В сложившейся ситуации вариант взлома дарил столько же перспектив, сколько и бездействие. С той только разницей, что спокойное сидение на одном месте не могло обернуться переломанными костями, а вот стычка с нарисованной, мнящей о себе невесть что дверью — как раз наоборот.

В свое время дальновидная госпожа Клара истратила немало монет, добывая для воспитанников образцы новомодного охранного артефакта. После череды неудач Тера и Эйнар почти уверились в его непогрешимости, но из упрямства даже и не подумали сдать. И не зря! Затраченные на поиски решения усилия, принесли свои нехитрые, скупые плоды. Напарникам удалось разгадать тайну мастера нарисованных дверей, а за одно и обнаружить массу неприятных особенностей своеговольного изобретения. Правда, к тому моменту, опытным путем до аналогичных неприятных открытий дошли и другие, в частности — немногочисленные «счастливые» собиратели передовой контрабанды.

Как шугтанские, так и дэйлинальские богачи не упускали шанса похвастаться диковинками перед гостями и зачастую не боялись шагать в ногу со временем. Но только не в тех редких случаях, когда новомодное изобретение начинало наносить ощутимый вред! Несмотря на всю изысканность и надежность такой двери, мало кто из приобретших ее, стремился использовать артефакт по прямому охранному назначению. Слишком уж часто вспыльчивый нарисованный страж отбрасывал безобидную сторожевую алебарду и хватался за грозный топор палача, спеша расправиться не только с ворами, покусившимися на добро хозяина, но и с его ни в чем неповинными домочадцами.

Никому из пребывающих в здравом уме не хотелось оказаться запертым в собственном хранилище в отместку за излишне резкий хлопок дверью или, к примеру, обнаружить, что любимая левретка не досчиталась лапы, посмеив проявить к обидчивому артефакту

возмутительное собачье непочтение. Ходили слухи, что своего создателя, последняя из нарисованных им дверей, попросту сожрала, отстояв тем самым свободу от навязываемой скучной службы молчаливым сторожем, и неповторимость финального в жизни гениального творца, витиеватого магического узора.

Зная все это, Тера даже не сомневалась в наличии запасного выхода. Поставить такую непредсказуемую дверь на крохотную, лишенную окон каменную коморку и не позаботиться о спасительном отходном пути, мог лишь полный идиот, а им таинственный похититель явно не был. К этому неутешительному выводу Тера пришла, бегло осмотрев незнакомые, мелко написанные на стене слова. Сомкнутые в ровные, четкие ряды посредством аккуратно прибитых друг к другу угловатых букв, они многое говорили о характере писца. Скрытный, расчетливый, уравновешенный, эгоистичный — именно таким Тере виделся автор меловых настенных заметок.

Не став тратить драгоценное время на более детальное изучение непонятных записей, Тера аккуратно срезала одну из гроздей импровизированного светильника и принялась простукивать стены рукояткой ножа. Никаких особых результатов это не принесло, ровно, как и попытка вогнать лезвие в узкий желоб между утопленным в стене неестественно круглым камнем и защищавшим его от посягательств взломщиков наростом давно затвердевшей смолы. Далее следовали тщетные попытки понажимать и покрутить особенно подозрительные камни и утомительное, столь же безрезультатное перекапывание бледного легковесного песка, служившего для маленькой темницы мягким, зыбучим ковром.

Устав от бесполезных метаний, Тера обреченно опустила затупившийся нож, прикрыла воспаленные от магического света глаза и тяжело привалилась к бугристой, неприступной стене. Если вторая дверь и была — ей она показываться явно не спешила... Внезапно на ум пришли, брошенные вскользь пару недель назад, насмешливые слова Ригби.

— Простые вопросы чаще всего имеют такие же простые ответы, но ты их упорно не замечаешь и продолжаешь искать сложные... — еле слышно повторила Тера, уставившись прямо перед собой на единственный не исследованный участок стены. — То, с чего начал бы любой, лишенный фантазии обыватель, но только не видящий все в ином свете, ловкач вроде меня...

Намеренно позабыв проявить хоть толику уважения к чужому, вызывающеотталкивающему имуществу, Тера небрежно подцепила штопанную котомку и куцей плащ, отшвырнула от себя так далеко, как позволяли скромные габариты темницы и более не раздумывая, с размаху припечатала рукояткой ножа отполированный до блеска, приплюснутый настенный крючок.

В тот же миг произошло сразу две вещи. С тихим шелестом посторонила дальняя стена и, как по волшебству, объявилась магия. Вот только не та, на чью помощь так рассчитывала Тера, а иная, древняя, жестокая, неудержимая в своем желании добраться и навредить.

— А это еще что? — с изумлением выдохнула зеркальщица, опасливо опускаясь на колени возле беспечно отброшенной котомки.

Сейчас ни мешок, ни плащ уже не казались такими мерзкими и потасканными. Уступившие грубому обращению тесемки ослабли и выпустили наружу хитроумно спрятанное на самом видном месте, ценное содержимое.

— Святые и покровители, — не веря своим глазам, Тера осторожно приподняла край ветхого мешка и осветила каменным светляком внутрь.

Если до этого момента она еще сомневалась в личности похитителя, то теперь все сомнения отпали сами собой, оставив ее один на один с абсолютной уверенностью. Вейнт, причем гораздо более изощренный и просвещенный, нежели сказочные злодеи прошлого. Редкие, запрещенные, тщательно отыскиваемые и изымаемые артефакты сдерживания и подчинения, разновеликие фигурные пузырьки со зловещими, выгоревшими этикетками, потускневшие шелковые мешочки с резко пахнущими, перемолотыми травами и целый пучок недоплетенных пестрых шнуров. Большая часть содержимого котомки оставалась для Тера загадкой, но и того, что удалось распознать вполне хватило, чтобы отбросить всякое отвращение и принять единственно верное, дерзкое решение, претендующее в своей наглости на несомненный успех.

Глава 19.2 На изломе судьбы

Помянув напоследок недобрыми словами всех, когда-либо живших и только собирающихся появиться на свет гнусных вейнтов, Тера поспешно натянула старомодный короткий плащ, бережно подобрала выпавшие из котомки предметы, покрепче затянула тесемки тройными сложными узлами и не оглядываясь, направилась к образовавшемуся на месте противоположной стены проходу.

Заимствовать у того, кто посмел похитить ее саму — заслуженное и в высшей степени справедливое решение! С плащом и сумкой из священной кетардийской холщевины, способной укрывать магию, да еще и в таком количестве, Тера значительно повышала свои невеликие шансы на благополучный исход дела, как, впрочем, и с прихваченным за компанию содержимым мешка. Удивительная коллекция тянула на долгое и очень неприятное общение с любым из главных королевских дознавателей, хоть по эту сторону моря, хоть по любую из оставшихся. Слишком уж много в неказистой котомке нашлось запретных, смертельно опасных безделушек, способных создать немало проблем и более стойкому противнику, чем хрупкая, выбившаяся из сил зеркальщица.

Представив себе, как беспомощно обрушивается на землю Эйнар, обернувшийся юрким белым лисом в надежде скрыться бегством от опасного врага, как он из последних сил пытается и не может сбросить охотничью петлю кровавого мастера Лиммэ, Тера со злостью перебросила тонкие веревочные лямки котомки через голову крест-накрест. Теперь, даже если ей придется нестись со всех ног, поклажа не покинет ее спины и больше никогда не вернется к изначальному владельцу. Следовало избавить Дэйлиналь, если не от самого последователя Ловца, то хоть от его рабовладельческого инвентаря.

Чем дальше Тера продвигалась по узкому тоннелю, засыпанному все тем же мягким блеклым песком, тем сложнее становилось дышать и различать очертания пустых неглубоких ниш. Картинка то и дело норовила расплыться и видоизмениться во что-то новое, причудливо стелящееся под ноги длинными, беспокойными тенями и нависающее со стен зыбкими лохмотьями иллюзорной паутины. Все отчетливее ощущался удушливый запах жженных, дурманящих трав, проникающий даже сквозь надежную завесу туманного платка.

Одна, туго закрученная головокружительная лестница, вторая, третья, четвертая... Кажется конца им уже не будет, словно зловредный вейнт принес ее не в укромный каменный тайник, затерянный где-то посреди Корды, а в самую отдаленную из всех имеющихся за гранью темниц, приготовленных специально для наихудших грешников, собранных со всего Фэррима. Но ступени все же закончились. На смену им явилась низенькая, облупившаяся дверь, одна из тех, что так ловко прячется за спиной у ничем не примечательной, унылой картины, каких с избытком развешено по стенам скрытной

дэйлинальской столицы.

Перешагнув порог, Тера искренне порадовалась своей запасливой жадности, вынудившей ее срезать целую гроздь каменных светляков в то время, как можно было ограничиться всего одним единственным, способным держать темноту на расстоянии вытянутой руки и не привлекать ненужное внимание излишне ярким свечением. Знай она заранее, как неуютно ей станет брести по убегающему вдаль, узкому проходу, выделяющемуся из темноты лишь крохотными язычками травяных свечей, прихватила бы и оставшихся светляков, хоть те и весили, как целый сундук, набитый самыми обыкновенными бульжниками.

Следовало сойти с импровизированной тропинки и попытаться отыскать окно, раз уж за спиной осталось столько лестниц. Но ноги отчего-то упорно не желали слушаться и не спешили переносить расхрабрившуюся хозяйку в зловещую тьму глубины зала, подернутую маревом чадного, горьковатого дыма. Все еще не пробудившиеся до конца ото сна светляки, так же не помогали преодолеть расстояние до ближайшей стены, даже зрительно. Слишком далеко для их сонных, сбившихся в кучу лучей. Различимыми оставались лишь неясные силуэты, развешенного по стенам чуть выше уровня глаз, разномастного барахла, напоминающего видимой частью забитую плащами и платьями, длинную подвесную вешалку в лавке старьевщика.

«А так ли пустынна эта затхлая каменная нора, как представляется на первый взгляд?» Задавшись этим нехитрым вопросом, Тера нехотя сошла с освещенной дорожки, сделала пару неуверенных шагов, повертела головой из стороны в сторону, сдула со лба непослушную каштановую прядь, как следует прищурилась, надеясь разобрать на что смотрит и чуть не заорала от неожиданности. Затуманенный, расфокусированный взгляд моментально прояснился. Она наконец разглядела то, что так ловко ускользало от навязчивых касаний любопытных бликов магического света, порождая иллюзию, развешенных по стенам нарядов.

Нервно окинув взглядом близлежащие, видимые участки стены, и не найдя ничего нового или обнадеживающего, Тера внимательнее присмотрелась к расположению свечей на полу и поняла, что ей немедленно следует позабыть о соблюдении осторожности. Продолжая красться, соблюдая тишину и озираясь на каждый почудившийся шорох, она непозволительно долго оставалась вдалеке от возможного выхода конце зала, а стоило бежать и не оглядываться, так быстро, как только сможет.

На фоне заново открывавшихся перспектив, прежний маньяк с пустоши казался сущим святым, особенно по сравнению с тем ненормальным, которому пришло в голову устроить посреди Корды самый настоящий музей ужасов. Тера замутило от страха и отвращения, а может от усталости или удушливого запаха. Особой роли не играло. Все чего она желала в данную минуту — это оказаться как можно дальше от этого жуткого места, где-нибудь за стенами Корды, а лучше сразу за границами Дэйлиналя. Слишком много жестокости и безумия ей пришлось увидеть за такой короткий промежуток времени. Слишком, даже для нее, привыкшей бесстрашно совать нос в самые непрезентабельные уголки королевства и заглядывать в наиболее глубокие ямы порока, скрытого за ширмами памяти сотен, ограбленных ею на воспоминания, негодяев.

Какими бы травами не был пропитан воздух галереи, на пользу ее бодрости и координации он явно не шел. Тера едва не споткнулась о брошенный посреди дороги разломанный табурет и тут же опрокинула кособокую пирамиду из стоящих одна на другой

картонных коробок, забитых разноцветными платями, шляпами и перчатками.

Чада, уродливые травяные свечи, давали куда как больше, нежели света, но несмотря на этот досадный факт, Тера не желала отдаляться от узкой тропинки и терять их тусклые огоньки из виду. Вместо этого она непрестанно крутила головой, проверяя не сбилась ли с курса, засмотревшись на очередной экспонат чудовищной коллекции вейнтского потрошителя.

Тера отчаянно старалась лишней раз не вглядываться в бессмысленные лица покойников и никак не могла заставить себя перестать подсчитывать крюки, торчащие из их застывших в неподвижности грудных клеток. Словно нарядные черви, насаженные на новенькие, блестящие рыболовные снасти... Так плотно и в то же время аккуратно развешены по станам, будто по огромной невидимой линейке с полнейшим соблюдением неведомых правил строгой экспозиции. Ни одного неряшливого экземпляра, нарушающего безупречный вид мертвой выставки неуместными следами крови или трупными пятнами на открытых, будто бы живых лицах, шеях и кистях рук.

Кого здесь только не было. Чужеземцы, легко различаемые по непривычным фасонам броских и не очень нарядов, мужчины, женщины, дети, дэйлинальцы всех городов, сословий и народов, даже прядильщики из ордена Опаленных и пара видящих!

— Каким чудовищем нужно быть, чтобы сотворить такое? — замерев перед целой, по-видимому, семейной композицией, еле слышно выдохнула пораженная зеркальщица. С одной стороны, ей хотелось зажать рот ладонью и нестись со всех ног, пока все эти несчастные жертвы чьего-то, вышедшего из-под контроля безумия, не останутся далеко за спиной, а с другой... Тот, кто так искусно сумел удержать последнее отражение жизни в мертвых телах, представлялся истинным злым гением. Тера ненавидела себя за это, но не могла не поражаться удивительно тонкому, неизвестному ей колдовству. Шаг за шагом продвигалась она по аллее смерти, мимо развешанных по стенам живых мертвецов и ни один из них не был похож на, имитирующую спящего живого, восковую куклу или мумифицированного покойника. Казалось, переступи она незримую черту страха, поднимись по приставной лесенке и коснись возможно еще мягкой, теплой щеки, как потревоженный экспонат нахмурит брови, недовольно уставится на нее и немедленно потребует не осквернять его безмятежный лик неуместными любопытствующими касаниями.

Но не разнообразие мертвецов и не иллюзия жизни делали это странное зрелище таким тошнотворным и вместе с тем завораживающим, а особое выражения лиц покойников и то, как выглядели их наряды. Не считая торчащих из груди поблескивающих крюков, других следов смерти не наблюдалось. Все они будто спали и видели красивые, яркие сны. Ни единой гримасы боли или отворенного в последнем отчаянном крике рта!

Принюхавшись, Тера подметила еще одну странность — воздух хоть и не представлял из себя образец чистоты и благоухания, все же не отражал того, с чем ожидаемо сталкивался любой, кому приходилось посещать покойницкие. Пахло удушливыми горькими травяными свечами, плесенью и еще чем-то особенно неприятным и незнакомым, но не тем, чем должно бы «благоухать» при таком внушительном количестве мертвецов, запертых в лишенном окон помещении.

Продвигаясь все дальше, зеркальщица старалась представить того, кто мог убить стольких одаренных и просто сильных на вид людей и нелюдей, не поплатившись собственной жизнью за столь частые, рискованные нападения. Представители различных

сословий, народов и даже королевств... Неужели никто не обратил внимания на их исчезновение? Разноцветные наряды различной степени изношенности, по большей части не отражающие следов борьбы. А если и встречались порванные рубашки или заляпанные грязью плащи, то принадлежали те, либо бродягам, либо, не располагающим к доверию на вид личностям...

Удивительно обширная коллекция и ни где-нибудь в глуши, а в самом сердце Дэйлиналя, где даже об одном единственном исчезновении чужака станет известно кому следует уже к вечеру того же дня, что уж говорить о похищении целого высокопоставленного храмовника или, что еще невероятнее — видящей. Убийства последних вызывали особенно большое количество вопросов и полнейшее непонимание происходящего. Как вообще кому-то, пусть и обладающему целым мешком редкостных по своим свойствам артефактов, удалось подобраться к тем, кто буквально видит тебя насквозь и точно знает с какой целью ты приближаешься? Ведь видящие на то и видящие, что смотрят лишь на нити и не обращают внимания на всякие мелочи, вроде поделок мастеров-артефактов, какими бы удивительно опасными и действенными те не были для всех остальных.

Размышляя о странностях и все больше приходя в уныние от количества тел, Тера понуро приблизилась к подножью очередной лестницы и стала озираться по сторонам, надеясь разглядеть еще один выход. Подниматься наверх, толкать необычную, врезанную под острым углом дверь, рискуя угодить в ловушку или, что еще хуже — столкнуться нос к носу с тем, кто приволок ее в это чудовищное место, совершенно не хотелось. Но другой двери в пределах видимости не оказалось, а подходить к исписанным мелом стенам и пробовать простучать их, как в оставленной далеко внизу маленькой темнице, Тере представлялось совсем уж бессмысленной тратой времени и сил.

Сделав глубокий вдох, она неуверенно поставила ногу на первую ступеньку, постояла так, перенося вес с одной ноги на другую, сошла со ступени обратно на песчаный настил и принялась перестраховываться. Для начала — запахнула полы короткого бурого плаща и убедилась, что тот не запутается в ногах, если ей все же придется бежать. Подвернула рукава и обвязала гроздь каменных светляков вокруг запястья. Света они давали достаточно, но не следовало забывать и о другом волшебном качестве — увесистости. Приложить кого-нибудь такой связкой и можно смело убежать, быстро нападающий в себя точно не придет.

Следующей предосторожностью стал вновь вытянутый из ботинка нож. Пользы от не особо грозного оружия, затупившегося о каменные стены темницы, да еще оказавшегося в таких неподходящих руках, было не так уж и много. Зато подбадривал сам факт небезоружности. Да и к тому же, всегда в запасе оставался фактор неожиданности. Вдруг ее чокнутый похититель отправится проверить, как там обстоят дела у беззащитного, новоприобретенного трофея, и будет так спешить, и витать в кровожадных мечтах о будущем экспонате, что не услышит ее и сам напорется на нож, выходя из-за поворота?

Стараясь не думать о том, что будет, если все пойдет далеко не так гладко, как в ее оптимистичном предположении, Тера добралась до последней ступеньки, осторожно толкнула тяжелую, резную дверь и едва не полетела с лестницы, спеша захлопнуть ее обратно. Ухватившись двумя руками за неудобную витую ручку, зеркальщица что есть силы потянула дверь на себя.

— Не хочу становиться чучелом, только не чучелом, пожалуйста, только не таким страшным улыбающимся чучелом... Да как вообще всего в одном единственном несчастном городе могло развестись столько опасных психов? — тихонько подвывала Тера, упираясь для

верности в крепкий дверной косяк ногой.

Время шло, ничего нового не происходило. Никто не пытался посягать на внушающую надежду, все еще плотно закрытую дверь. Не бродил наверху, скрежеща, острозаточенным пыточным орудием, обещая расправиться с ней, так же безжалостно, как и со всеми остальными. Неизбежно начало сводить, побелевшие от напряжения пальцы. Предательски задрожали ноги, и все не желали иссякать, хлынувшие в ответ на острый приступ паники слезы. До крови закусив губу, лишь бы не выть от страха, Тера со всей уверенностью собиралась держаться до последнего и не сдавать позиций. Однако хлипкая дверная ручка, больно впившаяся в ладонь в отместку за жестокое обращение, не пожелала принимать участие в ее нелегкой борьбе за собственные жизнь и свободу. Выждав еще минуту для верности, резная деревяшка без предупреждения треснула, вынудив, взвинченную до предела зеркальщицу, переключиться со страха неизвестности на другой, более приземленный — страх упасть с лестницы и свернуть себе шею.

— Да будь ты проклят! Ты и все ловцовы вейнты вместе взятые, а с вами и безмозглые кордские прядильщики, не способные уследить даже за собственным дурацким городом, — воинственно проорала Тера, с ненавистью глядя на безучастную ко всем обвинениям дверь. На последних словах сорванный голос окончательно подвел. Тера натужно закашлялась, схватилась за растревоженное, дико саднящее горло и умолкла. Шея все еще болела, но уже далеко не так сильно.

Как ни странно, неприятные ощущения сыграли на руку, напомнив, что от одного нападавшего ей недавно уже удалось отделаться, хоть и не своими силами. А раз так, то почему бы и со всем остальным как-нибудь не разобраться? Главное только выбраться наружу, туда, где много открытого пространства и есть куда бежать. Бежать к Эйнару, Кларе и Ригби. Только бы у них дела обстояли хоть чуть-чуть лучше, чем у нее самой... Ведь не может же им всем в равной степени одинаково не везти!

Ободренная этой мыслью, Тера уже хотела подняться обратно и толкнуть дверь, как ее посетила новая неприятная догадка. Кем бы ни был похититель, он зачем-то спас ее от морины и что еще невероятнее — вправил вывихнутое плечо, на что Тера в спешке умудрилась не обратить внимания... Но для чего все это? Не многовато ли усилий ради ловли одного единственного потрепанного пленника? Или она настолько редкий экземпляр, что ради ее прибавления к коллекции не грех и с порождением Злого моря сцепиться? А еще эти пути! Неужели под самым носом у прядильщиков свободно орудовал самый настоящий вейнт и никто этого до сих пор не замечал? Или, быть может, она уже не в Корде? Последнее предположение отозвалось фантомной болью ровно в том месте, откуда у мертвецов галереи смерти торчали, зловеще загнутые кверху, крюки.

Постояв на месте еще с полминуты, Тера неопределенно мотнула головой и стала медленно подниматься наверх, так и не придя ни к какому однозначному выводу. С каждой пройденной ступенью, упадническое настроение отодвигалось все дальше и дальше, будто она оставила его на привязи у подножья и по рассеянности забыла забрать. На последней ступени Тера с досадой осознала, что ножа у нее больше нет. Упустила в тот самый момент, когда так глупо позволила себе поддаться панике... Сожалеть было поздно. Нож мог отлететь куда угодно, она это понимала, а потому не стала задерживаться и пытаться отыскать пропажу во тьме. Вместо этого Тера крепче перехватила связку каменных светляков и с размаху пнула злополучную дверь ногой. По ту сторону что-то упало. Но Тера уже успела исчерпать весь запас страха и даже не обратив внимания на грохот, еще раз

уверенно впечатала подошву ботинка в ненавистную дверь. Та с легкостью отворилась.

Глава 19.3 На изломе судьбы

— До зубовного скрежета деятельный, надоедливый ученик ловчего... Вот, оказывается, кто подстерегал меня наверху! Бедняга тоже искал выход, но не рассчитал силы и опрометчиво присел отдохнуть перед крутым спуском, присел и окончательно сдулся... — разрываясь между легкой, отстраненной грустью и беспокойным раздражением, тихонько бубнила себе под нос Тера, попутно нащупывая пульс у невольного напугавшего ее юноши.

В отличие от постояльцев дымного зала, этот был еще жив, хотя надолго ли? Сердце едва билось, да и обширная, кровоточащая рана на лбу не благоволила обнадеживающему прогнозу.

Тера прекрасно помнила, как однажды случайно столкнулась с неуклюжим молодым ловчим на крыше гродаринского дворца публичных судебных слушаний и была вынуждена запустить в того черепицей. Глупец так и не понял, что она спасла ему жизнь, отогнав от прохудившегося участка крыши, и еще долго рассказывал всем и каждому, как отважно и находчиво избежал верной гибели от руки верзилы-душегуба. Прихвастнуть Тарен умел и любил! А еще юноша неизменно вызывал умиление у всех тех, кому посчастливилось не знать его достаточно долго, и самое настоящее раздражение у каждого, кому приходилось терпеть его неиссякаемые вопросы час за часом, изо дня в день. Старшие ловчие перебрасывали незадачливого ученика друг другу, как мяч, но все никак не могли отделаться насовсем.

Бесталанный отпрыск благородного, уважаемого рода, славящегося выдающимися учеными и изобретателями. Пятый сын члена большого Гродаринского совета, не унаследовавший от предков ничего, кроме торчащих во все стороны золотистых вихров и достойного жгучей воробьиной завести, гордо вздернутого орлиного носа. А главное — Тарен был человеком, самым настоящим, лишенным всякого магического дара, открытым, живым человеком, упорно верящим в лучшее, и не желающим поступать наперекор собственному сердцу. Таким он был в прошлом и пока еще оставался в настоящем, но уже не стремился быть в будущем, променяв тернистый путь ловчего на утопанную дорогу вечности и покоя.

— Похоже, ты наконец отыскал свое громкое дело, Тарен, — печально усмехнулась Тера, легонько сжав еще теплую ладонь перед тем, как подняться на ноги и, скрепя сердце, повернуться к чужому несчастью спиной.

— Как же давно в это мрачное место не заглядывала неподдельная доброта и искреннее сочувствие! Я уж думал, так и умру, не увидев напоследок ничего настолько впечатляющего своей... — прошелестел старческий, бодрый голос со стороны горы бесформенного тряпья.

— Кто здесь? — резко бросила Тера, вскакивая на ноги.

— Всего лишь немощный, позабытый всеми пленник, сожалеющий о судьбе каждого, кому не посчастливилось угодить в лапы безумного фанатика, — со вздохом ответил старик, медленно приподнимая косматую седую голову.

С трудом добравшегося до него света, едва хватало, чтобы выхватить из темноты всклокоченную длинную бороду, рассеченный крючковатый нос и удивительно ясные, все понимающие глаза. Обряженный в убогие лохмотья старик, восседал на голем каменном полу, как самый настоящий гордый монарх на золоченом троне, и, казалось, совершенно не печалился о громоздких, деревянных колодках, сковавших ему руки и шею.

— Кто сотворил с Вами такое? — подойдя поближе, ужаснулась Тера, разглядев

глубокие, кровоточащие порезы на тощих, обтянутых тонкой бледной кожей конечностях пленника.

— Тот, от кого, слабому мальчишке, вроде тебя, следует держаться, как можно дальше, если не желаешь прогуляться за грань раньше отведенного срока! — предостерегающе оборвал надвигающийся поток вопросов старик и тут же, одарив Теру мягким, успокаивающим взглядом, добавил: — Но не бойся и не спеши убежать. До его возвращения еще есть немного времени. Выслушай меня, я расскажу, как выбраться отсюда, а в благодарность ты пообещаешь позаботиться об этом несчастном. Он не побоялся посетить этот страшный дом в надежде избавить Фэррим от великого зла и не должен завершить свой краткий жизненный путь таким жалким образом, — повысив голос, высокопарно пояснил свое единственное условие старик.

— Боюсь, ему уже не помочь, но я могу освободить вас, — взвесив все за и против, резонно предложила Тера, на ходу вытягивая из кармана звонкую связку отмычек.

При виде неизменного атрибута любого уважающего себя вора, пленника заметно передернуло, и он уже куда менее благосклонно оглядел Теру с ног до головы. В глазах его промелькнула досада, а за ней и нечто, весьма напоминающее брезгливость.

— Даже и не думай прикасаться к моим оковам, маленький глупый воришка! Они куда старше и хитрее тебя. Сколочены из живого кордского дерева и зачарованы далеко не самым мирным вейнтом. Никому не под силу снять их без его дозволения, так что не трать время попусту и лучше внимательно послушай, что я тебе скажу.

— Хотите сказать, что Вы так и останетесь здесь, даже не попытавшись бежать? — с изумлением воскликнула Тера, нисколько не обидевшись на резкую перемену во взгляде и тоне старика.

— Это тело слишком истерзано и старо, чтобы требовать от него слишком многого. Побег — дело молодых, — глубокомысленно изрек старик, наблюдая за тем, как Тера неохотно прячет обратно в карман бесполезные отмычки.

— Мне жаль... — опустив плечи, ели слышно прошептала она, глядя мимо собеседника.

— И я благодарен тебе за это! — учтиво склонив голову, насколько позволяли колодки, отозвался старик. — Похоже, Фэррим сильно переменился за время моего заточения, раз самые чистые и светлые души начали доставаться будущим висельникам, а те, что следовало бы отправлять за грань, без суда и сожалений — носителям корон и венцов.

Настал черед Теры скривиться и поджать губы. Сомнительный комплимент в адрес души, нисколько не сглаживал радужного предположения о незавидном финале ее, не так уж и давно начавшейся, жизни.

— Надеюсь, ты не рассердишься на одинокого, измученного старика, если он осмелится попросить тебя о совсем небольшой услуге? — со слабо скрываемым нажимом в голосе, попытался залебезить узник, быстро смекнув, что здорово перегнул палку и вот-вот снова останется в темноте и одиночестве.

— Услуга взамен на сведения о том, как выбраться отсюда? — подозрительно осведомилась Тера, неспешно складывая руки на груди.

От старика не укрылась ее настороженность, но он лишь печально улыбнулся, тут же вынудив Теру устыдиться неуместной вспышке снисходительно-ядовитого тона.

— Увы, но салеманские лекари не корыстолюбивы. Каждый из них рад помочь и по возможности облегчить страдания больных. Низкие, подлые обмены не для тех, с кого довольно и счастливой улыбки, идущего на поправку пациента.

— Прошу простить за грубость и недоверие, — уязвленно пробормотала Тера, вспомнив, что перед ней не очередной ушлый умник из гильдии менял, а лишь бедный кандидат на место в диковинной коллекции этажом ниже.

«Подумать только, у кого-то и впрямь поднялась рука на одного из неприкосновенных светил Салемана. Мало чья магия могла тягаться в своей самоотверженности и бескорыстии с даром истинного целителя. Но вейнтам, разумеется, нет до этого никакого дела», — с горечью подумала Тера, глядя на того, кто так отчаянно старался не выглядеть слабым, даже в таком откровенно скверном положении.

— Покинув мастерскую, свернешь у расколотой статуи Хозяйки Свечей. Пройдешь до середины коридора и увидишь три заколоченные двери. Отвори ту, что справа. Ржавчина уже давно оставила от гвоздей одни лишь присохшие к древесине шляпки. Десять шагов и налево. Ты не различишь его на стене, но там есть проход. Сделай еще десять шагов с закрытыми глазами и очутишься в просторном зале. Сквозь дыру в потолке видно небо... — дрогнувшим голосом с грустью подметил старик. — Дойди до песчаной площадки, обнесенной невысоким каменным ограждением, и отыщи среди прочих единственный черный камень. Им и отмечена та груда камней, под которой скрывается выход из подземелья. Подбери его и сумеешь выбраться, — запинаясь перед каждым последующим этапом мысленного путешествия, медленно, с расстановкой объяснял старик, прикрыв глаза и опустив голову. Было видно, как тяжело ему давались слова. Он будто продирался сквозь разлапистый ельник, оставляя на колючих ветвях частички себя самого.

— Сколько же времени Вы здесь провели, раз успели в точности узнать, как выбраться? И почему не бежали, когда на то представилась такая возможность? — предчувствуя подвох, напряженно осведомилась Тера, бросив опасливый взгляд на тяжело дышащего пленника.

— О, я много раз пытался покинуть это место, — с горечью обронил он, вяло поведя неестественно тощей, морщинистой кистью, и умолк.

Тера не стала торопить его, прекрасно понимая, что так только собьёт с мысли.

— Все дело в красных песках. Они не подпускают к себе тек, кого заклеил их добрый господин, — наконец дал туманный ответ старик, презрительно усмехнувшись ему одному ведомым мыслям.

— А меня они подпустят? — не скрывая тревоги, быстро спросила Тера, мысленно гадая не поставил ли предусмотрительный похититель и на ней какого-нибудь невидимого клейма.

— Несомненно! Будь на тебе его знак, ты бы сразу почувствовал. Он, как раскалённый уголек, прожигает до самых костей и не утихает ни на минуту, сколько бы лет не прошло с момента клеймления.

— Лет... — сдавленно повторила Тера, представляя какую ужасную жизнь вел несчастный целитель со дня водворения в колдовском могильнике сумасшедшего вейнта-коллекционера. — О чем Вы хотели попросить?

— Ты не обязан выполнять мою последнюю просьбу, если не хочешь, — спустя минуту серьезно предупредил старик. — Но, если все же решишься, сними мой старый браслет и надень на левое запястье того несчастного юноши. Обратной стороной узора к венам... Я хочу, чтобы он выжил и мой добровольно отданный дар непременно поможет ему в этом.

— А что будет с Вами, после того как я заберу браслет? — забеспокоилась Тера, прекрасно понимая, что за всякое чудесное исцеление приходится платить.

— Моя душа наконец-то обретет свободу и покинет, опостылевшее ей слабое тело.

Истает память о былых мучения и больше ни одна капля моей крови не послужит во благо замыслов того, по чьей милости все мы здесь очутились.

— Наверное, так будет лучше... Я сделаю то, о чем Вы меня просите, — судорожно вздохнув, нарочито бодро согласилась Тера, садясь на корточки возле скованного колодками пленника.

Простенький на вид серебряный ободок выглядел, как самая обыкновенная, дешевая побрякушка, каких много на прилавках приморских торговцев разнообразной мелочевкой. Тера осторожно сняла браслет с высохшей, костлявой руки целителя, стараясь не задеть свежий порез и не причинить еще большей боли. Оказавшись в ее руках, браслет слабо блеснул и чуть заметно потеплел. Пусть и отдаленно, но зеркальщица ощутила в вещице слабое биение незнакомой магии. Бросив быстрый, беспокойный взгляд на притихшего старика, Тера поспешила к Тарену, надеясь, что дар целителя еще не успел испариться, устремившись вслед за духом, отходящего салеманца.

— Пускай это поможет и твоя глупая физиономия еще не раз попадетя мне на глаза после того, как мы оба благополучно выберемся отсюда, — наигранно весело вслух пожелала зеркальщица, со всей серьезностью взявшись за пристраивание на новом месте, быстро остывающего, блекнувшего на глазах, браслета. В считанные секунды все было кончено...

Тера долго не оборачивалась и не проверяла как там старик. Следовало уходить и как можно быстрее, но она не могла. С каждым новым одиноким вздохом становилось все невыносимее смотреть на неподвижное тело молодого ловчего и понимать, что последняя жертва целителя оказалась напрасной и абсолютно бесполезной... На поверку Тарен оказался куда большим снобом, нежели старый салеманец, и не пожелал делить со знаменитым вором даже воздух, что уж говорить о совместном пути наружу!

— Не в моих правилах нарушать данные обещания, слышишь ты меня или нет? — яростно прорычала Тера, со злостью тряхнув удручающе неподвижного юношу.

Волна рваной дрожи прокатилась по всему телу молодого ловчего, с размаху ударилась о крепко стиснутую на плече ладонь, как о медный диск скандального гонга и разлилась во все стороны чистыми сильными волнами, смывая липкие путы смерти. Первый сиплый вздох Тарена стал лучшим из возможных ответом.

— Прекрасно, просто прекрасно! — возликовала Тера и, не мешкая ни секунды, принялась тянуть будущего попутчика за рукав и воротник плаща. — А теперь поднимайся и давай уносить ноги, пока не вернулся хозяин этого дивного места.

Но Тарен и не думал ей помогать. Он слабо шурился, силясь разглядеть то ли ее лицо, то ли источник неприятного магического свечения и лишь еле заметно шевелил губами, не издавая при этом ни звука.

— Только не говори, что мне придется тащить тебя на себе, — угрожающе прошипела Тера, перекидывая безвольную руку Тарена через плечо. Провести горе-ловчего по подсказанному целителем пути — это еще куда ни шло, но взваливать идейного врага на спину и заботиться о том, чтобы тот в целостности и сохранности добрался до выхода...

— Да когда же я наконец поумнею и перестану влипать во всякие добрые дела? — со стоном задалась риторическим вопросом Тера и на прощание обернулась к обретшему покой старику. — Теперь Ваша душа точно обретет покой и не станет докучать мне, являясь в самых страшных кошмарах!

— Помоги... — как нельзя кстати подал признаки сознательности Тарен. — Ларец...

Нужно забрать ларец...

— Нет уж, братец, обойдемся как-нибудь без твоих пожитков! — категорично заявила Тера, направившись к выходу. — Все ловчие Дэйлиналя на попечении королевства, даже такие бездарные, как ты, так что можешь смело рассчитывать на скорые казенные обновки. Будет тебе и ларец, и даже целый сундук, если сумеешь хорошенько обосновать требование, а с меня хватит барахла, недавно обворованного вейнта, — проворчала Тера, с трудом принаравливаясь к вялым, заплетающимся шагам Тарена. — Хорошо еще, что ты такая же тощая немочь, как я, иначе точно пришлось бы тащить волоком.

Пыхтя и отдуваясь, Тера всячески успокаивала себя мыслью о том, что не так уж и много лишнего времени затратит на нежданно навязанную, хозяйственную поклажу, если не станет понапрасну раздражаться и думать о худшем. Руководствуясь этой умиротворяющей идеей, она упорно переставляла ноги и не сводила напряженного взгляда с подсвеченной масляными лампами арки выхода.

— Ключ от запертого города... Он сказал, что заставит ее отпереть запертый город... — продолжал бредить Тарен, все сильнее наваливаясь на большое, неосмотрительно подставленное плечо зеркальщицы.

— Что ты только что сказал? А ну повтори! — жестко приказала Тера, замерев на месте и как следует встряхнув, все не приходящего в сознательное состояние ловчего.

— Ключ... Выход... Стол... Ключ на столе у... Бросил у входа... — прерываясь на сиплый кашель и переводя мутный взгляд с одного, выхваченного из полумрака предмета, на другой, медленно проговорил Тарен.

— Святые и покровители, неужели вы наконец вспомнили о моем существовании и решили помочь? — с энтузиазмом воскликнула Тера, продолжая тащить за собой навязанного попутчика, оказавшегося не таким уж и бесполезным. — Стол, стол, где же этот проклятый стол? Использовать меня захотел, вот значит как, меня!

Легко отыскав, упомянутый предмет мебели, больше напоминающий пыльный прилавок нерадивого старьевщика, Тера цепко схватила потертый резной ларец и едва не завизжала от досады. На богато украшенной драгоценными камнями крышке красовался герб ненавистной Корды, а не Вельды, как она успела себе нафантазировать. От досады захотелось рассмеяться, а еще ударить бесполезной коробочкой об пол, да так, чтобы во все стороны полетели мелкие щепки. И с чего она взяла, будто упомянутый ловчим ключ, должен отпирать именно Вельду? Ее ключ хранился в башне на Восточном пустыре и вряд ли собирался покидать укромное место без особой на то причины, каковой случайно проходивший мимо вейнт, точно не являлся.

Дважды подбросив маленький ларец на ладони, Тера все же сунула добычу в карман плаща и, не говоря ни слова, двинулась дальше.

— Закрой глаза, Тарен, и не открывай до тех пор, пока я не дам знак, — предупредила зеркальщица, готовясь отсчитывать положенные по инструкции десять шагов в темноте.

— Все, можешь открывать! Кажется, мы почти у цели, только... — запнувшись на полуслове, Тера перевела озадаченный взгляд под ноги, где что-то неприятно хрустнуло, и тут же брезгливо отбросила носком ботинка плоскую, полу обглоданную кость.

— Скорее бежать... Бежать... — беспокойно зачастил Тарен, по инерции увлекая Теру вперед и нисколько не обращая внимания на то, что попадаете ему под ноги.

— Дельная мысль, — тщательно переступая через окровавленные тряпки, кости и обгорелые бревна, глухо отозвалась Тера.

Запас жалости к самой себе подошел к концу еще на последней лестнице, к другим — в тот момент, когда она добровольно взвалила на свои плечи заботу о, в сущности, безразличном ей ловчем. Теперь же зеркальщицей всецело владело лишь одно непреодолимое желание — как можно скорее выбраться и забыть об этом ужасающем месте, как о несбывшемся дурном сне.

Наполовину осыпавшееся, поросшее бурным мхом каменное ограждение, доходило ей до колена и нисколько не скрывало, раскинувшуюся за ним песчаную площадку, посреди которой сиротливо возвышалось одинокое, болезненное деревце.

— Красный песок. Он ведь упоминал о красном песке, не кровавом... — сокрушенно проронила Тера, борясь с подступившим к горлу комком.

Представшая перед глазами картина представляла собой нечто, весьма напоминающее зыбучие пески — коварные и непредсказуемые, те самые, по чьей вине увязших не раз настигала мучительная, особенно страшная в своей медлительности, смерть. Не улучшало общего впечатления и то, что среди аккуратно сложенных в пирамиды камней, виднелись небольшие алые лужи, определенно имевшие непосредственные отношения к тем костям и тряпкам, мимо которых им только что пришлось пройти. Сквозь неровную дыру в высоком, сводчатом потолке, в зал проникало совсем немного тусклого света. Несмело заглядывая в лужи, редкие лучи создавали причудливые блики и заставляли думать, будто по ту сторону отражения затаились неведомые и отнюдь не добрые существа.

— Да катись оно все к Ловцу, не полезу! — на миг прикрыв глаза, чтобы не видеть всего этого, приняла Тера единственное, не вызывавшее внутреннего протеста решения и вознамерилась убрать ногу с парапета, но не успела.

— Их души, по ту сторону собрались обманутые души, — испуганно взвизгнул, так некстати пришедший в себя Тарен и, не удержавшись на ногах, полетел вперед, увлекая за собой Теру.

— Следовало оставить тебя, где нашла, — с непередаваемым раздражением выбираясь из-под рухнувшего на нее бредящего ловчего, прорычала Тера. — Начинай приносить пользу, Тарен, раз уж мы по твоей милости все равно здесь очутились. Ищу черный камень. Эй! Ты меня слышишь?

Но на неуклюжем падении «помощь» Тарена и завершалась. То ли не выдержав удара, то ли, что вероятнее, душераздирающего зрелища кровавого песка, не в меру впечатлительный юноша предпочел переждать тяжелые времена в тихом, безопасном обмороке.

— Проклятый слабак! — зло припечатала Тера, шустро перескочив с одного островка на другой. — Дай только выберусь, первым же делом устрою так, что ты вылетишь из ловчих, как паршивый кукушонок из соловьиного гнезда.

Аккуратно обходя лужи и, стараясь не обращать внимания на то, как отвратительно чавкает под ногами песок, Тера внимательно рассматривала, венчавшие пирамиды, камни. Разноцветные и разновеликие, они так и манили ее протянуть руку и взять один. Красные, белые, синие и, как на зло, ни одного черного.

— А вот и ты! — радостно воскликнула Тера, крутанувшись на месте и обнаружив камень искомого цвета за спиной, у самого дерева. Как следует примерившись, она с размаху ударила ногой в самый центр пирамиды, а потом еще и еще, но никакого люка или любого другого замаскированного выхода так и не обнаружила. Вместо этого Тера с ужасом ощутила, как все стремительнее увязает в песке. Зажатый в руке камень так же не остался

без дела и принялся крошиться прямо на глазах и как бы Тера ни старалась удержать в ладони хоть небольшую горстку оставшегося от него черного песка, ей это не удалось.

— Плата принята и признана достойной! Будь мудрым в новообретенной вечности и не совершай того, о чем придется пожалеть, когда настанет твой черед отыскать будущего приемника, — раздался из-за спины Теры ровный, сильный голос с явными нотками повелительного снисхождения.

Застигнутая врасплох, она резко дернулась, желая увидеть говорившего, но лишь еще сильнее увязла. Пески беспокойно зашевелились и стали напоздать со всех сторон. В ответ на их перемещение чахлое деревце устремилось ввысь, к свету и ветру, у его корней начала зарождаться песчаная воронка, не сулящая Тере ничего хорошего.

В последней отчаянной попытке ухватиться хоть за что-то, она стянула с запястья гроздь каменных светляков, вскинула руку и таки сумела зацепиться одним из привязанных к веревке камней за уносящуюся вверх узловатую ветку. Зыбучий песок нехотя расставался с добычей. Один за другим лопались перетянутые волокна старой веревки. Тера мужественно переносила боль, прогрызавшую кольцевую дорожку вокруг левого запястья и не собиралась разжимать пальцы, чего бы ей это не стоило. По руке потекла кровь, а вслед за ней из-под перчатки съехал серебряный браслет. Тот самый, что она стянула с руки умирающего целителя и одела на руку Тарена. Стоило ей отвлечься на эту странность, как над головой раздался треск, а перед самым ее носом возникла протянутая ладонь.

— Веревка вот-вот треснет, хватайся! — проорал молодой ловчий, опасно свесившись со слишком тонкой для их общего веса ветки. На месте, где должен был располагаться, одетый ею браслет, красовался совсем свежий, приметный по форме ожог. Тера медленно перевела взгляд с протянутой руки на лицо Тарена и прочла в мудрых холодных глазах все то, о чем так искусно лгал взволнованный голос и живая, отражающая все беспокойства мира мимика, присущая настоящему Тарену и так талантливо имитируемая тем, кто ухитрился занять его место. Заманивший ее в ловушку самозванец испугался, что она вот-вот выберется и поспешил довершить начатое. Он желал, чтобы она доверилась ему и отпустила веревку, а после наверняка собирался разжать руку и с удовольствием понаблюдать за тем, как надежно кровожадные пески сомкнутся над ее головой.

— Треснет, — беспечно подтвердила Тера, улыбнувшись лже-Тарену так, как может улыбаться лишь приговоренный к повешенью, увидевший за миг до конца справедливую молнию божественного возмездия, обратившую в пепел наихудшего из его кровных врагов. — И я полечу вниз, а ты — вслед за мной.

Тера сдержала данное обещание и не бросила то, что осталось от молодого ловчего, прихватив с собой покинутое душой тело в самую гущу песчаного безумия. Обращались в мелкую песчаную пыль кости, бревна и тряпки. Расколосось надвое, так и не успевшее дотянуться до дыры в потолке дерево. С шелестом уносился вслед за утихающей воронкой, расплзшийся по многочисленным этажам блеклый песок. Ничто больше не напоминало о кровавом побоище или о, скрытом от посторонних глаз под землей, вейнтском поле испытаний. Древняя магия покинула это место и не осталось в нем ничего грозного или пугающего. Все стихло и затаилось.

Дремавший три долгих, мирных столетия Фэррим — древнейший из миров по эту сторону грани, пробуждался от дивных грез о всеобщем благоденствии и прощении. Не с той ноги и не с теми вставал он на путь нового трехсотлетия, не сулившего его молодым, заигравшимся королевствам ничего светлого и доброго. Мудрый старый мир предчувствовал

близящийся конец, но не мог и представить, что время это наступит так быстро, а потому не верил в скорый исход и собирался призвать к ответу тех, кто клялся беречь и защищать его до последней капли крови, магии и надежды.

Больше книг на сайте - Knigoed.net